

ВЫСОКОЕ
ЗВАНИЕ

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

Пермское книжное издательство. 1978

В славную шестидесятилетнюю историю Советских Вооруженных Сил, созданных и выпестованных партией и народом, яркие страницы вписали кадры высшего командного состава — генералы и адмиралы.

В большинстве своем коммунисты, они внесли важный вклад в становление и развитие Вооруженных Сил СССР, были в первых рядах сражавшихся за Родину, разрабатывали и талантливо осуществляли планы военных операций. Многие из военачальников удостоены звания Героя Советского Союза.

Во втором издании книги, переработанном и дополненном новыми именами, публикуются очерки о военачальниках — генералах и адмиралах, родившихся или долгое время работавших на Западном Урале. Эта книга написана на основе архивных материалов, воспоминаний самих героев очерков и рассказывает о жизненном пути наших земляков, удостоенных высокого воинского звания, об их ратных буднях и героических делах.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Составители книги — Герой Советского Союза, доктор исторических наук профессор И. А. Кондауров и бывший фронтовой корреспондент майор в отставке С. И. Мокроусов.

Издание второе, переработанное и дополненное

© Пермское книжное издательство. 1978

СЛАВНЫЕ СЫНЫ ПРИКАМЬЯ

Партия будет неустанно заботиться о подготовке беззаветно преданных делу коммунизма командных, политических и технических кадров армии и флота, комплектуемых из лучших представителей народа.

*Из Программы КПСС,
принятой XXII съездом партии.*

В первые же дни Советской власти наш народ под руководством Коммунистической партии для защиты завоеваний Великого Октября и сохранения мира на земле создал Вооруженные Силы.

В. И. Ленин особое значение придавал массовой подготовке кадров армии и флота. В сентябре 1918 года в приветствии четверемстам красным офицерам, окончившим курсы командного состава, он подчеркивал:

«Я уверен... что примеру четырехсот последуют еще тысячи и тысячи рабочих, а с такими администраторами и командирами победа коммунизма будет обеспечена»¹.

Золотым фондом Советской Армии и Военно-Морского Флота по праву считаются кадры высшего командного состава — генералы, адмиралы. Эти люди, встав однажды в армейский строй, как правило, остаются в нем навсегда. Они тоже солдаты, с той лишь разницей, что несут ответственность за судьбы тысяч других солдат.

В 1935 году постановлением ЦИК и СНК СССР для кадрового состава были введены персональные воинские звания для Сухопутных войск, Воздушных и Морских Сил, а также для военно-политического состава устанавливались такие звания: комбриг, комдив, комкор,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, а также 88.

командармы 2-го и 1-го рангов. Этим же постановлением вводилось звание Маршала Советского Союза¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года введены генеральские и адмиральские звания. Это вызывалось необходимостью дальнейшего повышения авторитета высшего командного состава и укрепления единоначалия в войсках. Для общевойсковых командиров устанавливались звания: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал армии, Маршал Советского Союза; для высшего командного состава Военно-Морского Флота предусматривались звания: контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал флота. По Указу определялись также воинские звания для командиров родов войск, для инженерных, технических войск².

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 года для личного состава Красной Армии были введены новые знаки различия — погоны³.

Действующие ныне воинские звания военнослужащих Вооруженных Сил СССР, в том числе генеральские и адмиральские (адмирал флота Советского Союза), определены Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 23 августа 1960 года⁴.

Высшие командные кадры были и остаются основной организующей силой Советской Армии и Военно-Морского Флота. Опираясь на офицерский корпус, они непосредственно воздействуют на боеготовность и боеспособность войск, практически решают дело защиты завоеваний социализма. К славной когорте признанных военачальников страны принадлежит немало уроженцев Западного Урала.

Большинство военачальников прошли первую полководческую школу в горниле гражданской войны. Одними из первых на защиту завоеваний Октября встали токарь Мотовилихинского завода Николай Михайлович

¹ См.: Собрание законов и распоряжений Правительства СССР, 1935, № 57. Постановление ЦИК и СНК СССР № 469, с. 825—837.

² См.: Сборник Законов СССР (1938—1961), М. Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1961, с. 393—396.

³ Там же, с. 403—407.

⁴ См.: Общевоинские Уставы Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат, 1970, с. 139—140.

Быстрых, бывший штабс-капитан Степан Николаевич Богомягков, летчик Алексей Дмитриевич Ширинкин.

Приступив к социалистическому строительству, страна набиралась сил. Но агрессоры не унимались, они использовали любые возможности, чтобы помешать мирному, созидательному труду советского народа. Об этом свидетельствуют события, развернувшиеся в 1938 и 1939 годах в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол. Красная Армия нанесла сокрушительный удар японским захватчикам. В этих боях свое полководческое мастерство проявили и наши земляки, будущие генералы Василий Михайлович Алексеев, Александр Иванович Зудов и другие.

В период военного конфликта с Финляндией отвагу и мужество проявил уроженец Очеры ныне генерал-полковник инженерных войск в отставке Аркадий Федорович Хренов. Он удостоен звания Героя Советского Союза.

Суровой проверкой жизнеспособности социализма явилась Великая Отечественная война.

«В этой войне, — говорил Л. И. Брежнев, — сыны и дочери единого Советского Отечества не только с честью отстояли свои социалистические завоевания, но и спасли мировую цивилизацию от фашистского варварства, оказав тем самым мощную поддержку освободительной борьбе народов. Слава этих героев, слава этих доблестных защитников нашей Родины не померкнет в веках»¹.

В те суровые годы раскрылось дарование советских военачальников. В числе первых, кому довелось вести в бой полки против фашистских захватчиков, был наш земляк генерал-майор Георгий Николаевич Микушев, командовавший тогда 41-й стрелковой дивизией. Соединение вступило в бой ранним утром 22 июня 1941 года. Личный состав, вдохновляемый командиром дивизии, оказал организованное и упорное сопротивление превосходящим силам противника, сорвав планы гитлеровцев по молниеносному захвату городов Рава-Русская и Львова.

Пермяк генерал-лейтенант Василий Иванович Кузне-

¹ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1972, с. 22.

цов, принявший в трудный час битвы за Москву командование 1-й ударной армией, сумел в короткий срок сплотить воедино большой воинский коллектив и мобилизовать его на разгром захватчиков. Это было на одном из самых близких подступов к Москве. Василий Иванович Кузнецов командовал 3-й ударной армией, которая штурмовала логово фашистов — Берлин, и его солдаты водрузили знамя Победы над рейхстагом.

Уроженец Кишертского района Василий Михайлович Алексеев командовал 10-м танковым корпусом в Курской битве. За умелое руководство войсками и личную храбрость ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Каждый этап боевых действий Советской Армии отмечен подвигами воинов Западного Урала, сражавшихся в самых различных родах войск.

Победу в минувшей войне ковали не только на фронте, но и в тылу. Коллективы предприятий Прикамья можно было сравнить с боевыми подразделениями. Они жили по законам военного времени. Вот почему директорам крупных пермских заводов А. И. Быховскому и А. Г. Солдатову в те годы было присвоено звание генерал-майора инженерно-технической службы. Особенно следует сказать о Генеральном конструкторе Аркадии Дмитриевиче Швецеве. За большие заслуги в развитии авиационного моторостроения генерал-лейтенанту А. Д. Швецову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он был четырежды лауреатом Государственной премии СССР, доктором технических наук.

И в настоящее время, как подчеркивается в Конституции СССР, обеспечение безопасности страны является одной из главных задач социалистического общенародного государства: «Долг Вооруженных Сил СССР перед народом — надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору».

Сейчас многие наши земляки — генералы и адмиралы — продолжают служить в Вооруженных Силах страны. Они с честью выполняют возложенные на них обязанности, отдают все свои силы, знания, опыт неуклонному наращиванию боеспособности и боевой готовности армии и флота, укреплению обороноспособности нашей социалистической Родины.

В предлагаемом читателю сборнике «Высокое звание» рассказывается о генералах и адмиралах — уроженцах Прикамья или длительное время работавших и проживающих в Пермской области. Почти все они — воспитанники Ленинского комсомола и Коммунистической партии Советского Союза. В их числе девять Героев Советского Союза, два Героя Социалистического Труда, два лауреата Государственной премии СССР.

Беззаветной храбростью, отвагой, высоким воинским мастерством, проявленными в боях за свободу и независимость своего народа, Отчизны, сыны Прикамья вписали яркие страницы в боевую летопись Родины. Подвиг их — это немеркнущий пример беззаветного служения социалистической Отчизне, преданности великому делу Коммунистической партии.

В процессе великого созидания, в ходе активной борьбы за коммунизм, все советские люди, а особенно молодежь, должны воспитывать в себе высокие коммунистические идеалы, необходимые для человека нового общества. К этому нас обязывает долг перед Родиной, этого требует от нас четко сформулированный в Программе партии моральный кодекс строителя коммунизма. Несомненно, что молодое поколение не только свято воспринимает замечательные боевые подвиги отцов и братьев, но и, окрыленное их мужественными делами, своим героическим трудом, новыми подвигами, еще выше поднимет величие и славу Советской Родины.

И. Кондауров, Герой Советского Союза, доктор исторических наук, профессор, полковник

И. Мялицын

**ИЗ БОЯ —
В БЕССМЕРТИЕ**

Василий Михайлович Алексеев родился в 1900 году в селе Молебка Кишертского района Пермской области. Службу в Красной Армии он начал в 1919 году, а в 1920 году стал коммунистом.

В 1924 году В. М. Алексеев окончил школу имени ВЦИК. В 1939 году, командуя сначала 9-й мотобронепригодой, а затем 82-й стрелковой дивизией, участвовал в боях на реке Халхин-Гол против японских милитаристов.

В годы Великой Отечественной войны В. М. Алексеев командовал танковой бригадой, а затем 10-м и 5-м гвардейскими танковыми корпусами.

Звание генерал-майора танковых войск ему было присвоено в 1942 году.

Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени. Звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно 13 сентября 1944 года. В. М. Алексеев погиб в бою при освобождении румынского города Текуч.

Пятнадцатилетним подростком Василий Алексеев направился на заработки в Екатеринбург. Семья была большая — пятеро сестер и братьев. Жили бедно. Лишь два года проучился Василий в сельской школе, а после смерти матери пошел зарабатывать на пропитание. В Екатеринбурге был сторожем на кладбище. Потом работал в Перми извозчиком у купца Трошева. В 1917 году вернулся в родное село Молебка. Ходил на лесозаготовки, был сплавщиком.

В конце 1918 года Молебку заняли белогвардейцы. Алексеева по мобилизации взяли в армию, и вскоре он перебежал на сторону красных, стал красноармейцем 555-го стрелкового полка. Как дисциплинированного и хорошо изучившего военное дело, Василия Алексеева послали на Первые Сибирские командные курсы, а по окончании их — в школу имени ВЦИК. Окончив ее, он стал командиром. Служил в городе Горьком, командовал взводом, ротой.

В ту пору в стране создавались бронетанковые войска. В 1931 году его послали на годичные курсы. После учебы В. Алексеев стал командиром танкового батальона.

В апреле 1939 года майор Алексеев вступил в командование 9-й мотоброневой бригадой, а 16 мая, получив сообщение о нападении японских захватчиков на пограничные заставы в районе реки Халхин-Гол, поднял по боевой тревоге бригаду и повел ее на защиту монгольской земли.

Японцы создали в районе Халхин-Гола глубоко эшелонированную оборону. Армейскую группу советских и монгольских войск возглавил комкор Г. К. Жуков. Операция по окружению японских войск началась в августе. В самый ее разгар майор Алексеев был вызван на командный пункт к командующему армейской группой.

— Вас, майор, — сказал командующий, — я вызвал по важному делу. Два часа назад у меня был начальник политотдела 82-й стрелковой дивизии комиссар Работкин и сообщил, что убит командир дивизии комбриг Федот Федорович Пось. Дивизия сформирована из уральцев, майор. Преобладает приписной состав. Нельзя допустить растерянности. Вам надо немедленно вступить в командование дивизией.

Под командованием майора Алексеева 82-я стрелковая дивизия приняла активное участие в разгроме японских самураев. В. М. Алексеев за умелое руководство соединением и выполнение заданий командования был награжден орденом Красного Знамени.

Потом новое назначение — командиром 112-й стрелковой дивизии. Алексеев вместе с начальником штаба полковником Н. Маковчуком, комиссаром дивизии И. Беляевым объехал все части. Подразделения уже перешли в летние лагеря. Лес, землянки, палатки, протянутые

по деревьям линии связи. Напряженные армейские будни в мирное время.

Боевая подготовка частей 112-й дивизии в предвоенный год проявилась на полях сражений. Уже 27 июня 1941 года воины дивизии стояли насмерть, отбивая натиск фашистских орд под Краславой. И в этом была доля немалого труда, энергии, которые вложил в боевую выучку личного состава дивизии полковник В. М. Алексеев.

Когда началась Великая Отечественная война, В. М. Алексеев был командиром 6-й танковой дивизии в Закавказье.

Шел октябрь 1941 года. Положение на фронтах было тяжелое. Командование разделило эту дивизию на две танковые бригады и одну из них — 6-ю, под командованием В. М. Алексеева, — придало 56-й отдельной армии генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремезова, которая противостояла механизированной группе Клейста. Вражеская группа насчитывала более двухсот танков, и бригада Алексеева должна была сыграть роль броневого щита для всей 56-й армии.

17 ноября танковые батальоны начали упорные бои в районе села Большие Салы, хуторов Султан-Салы, Несветаи, защищая Ростов-на-Дону. Вечером 20 ноября противник прорвал нашу оборону и ворвался в город. Бригада В. М. Алексеева последней покинула его, уничтожив в боях тридцать пять фашистских танков.

Назначение на должность командира 10-го танкового корпуса В. М. Алексеев получил после боев в районе Прохоровки под Курском, когда это соединение после сражения в районе Прохоровки вело тяжелые бои возле Томаровки.

5 августа после двухчасовой артиллерийской подготовки танки 10-го танкового корпуса и стрелки 40-й армии перешли в наступление в направлении Касилово — Славгород — Тростянец. Прорвав оборону врага, 178-я и 193-я танковые бригады устремились к укрепленным узлам сопротивления. А 8 августа корпус ворвался в город Тростянец, перерезал железную дорогу, соединявшую орловскую и богодуховско-харьковскую группировки фашистских войск.

Противник любой ценой пытался вернуть Тростянец. За два дня одиннадцать раз до семидесяти танков

врага одновременно с мотопехотой атаковали город. По тридцать — сорок самолетов штурмовали позиции корпуса. Но ничто не помогло им добиться успеха.

Согласно боевому приказу о наступлении всего Воронежского фронта, утром 17 августа началась артиллерийская подготовка. Огонь был настолько сильным, что на два-три километра встало сплошное черное облако. Оборонительный рубеж был прорван, началось стремительное наступление. Около тысячи километров прошел корпус за два месяца, уничтожив более трехсот танков, свыше тысячи солдат и офицеров, и вышел к Днепру.

В ночь на 24 сентября корпус получил задачу на подручных средствах форсировать Днепр.

Десантная группа мотострелковой бригады готовилась к переправе. Прибрежные камыши, большой остров с ивняком укрыли накапливаемые плавучие средства. Лодки, плоты были сосредоточены в одном месте. Спокойно, без суеты шла погрузка.

Вот первая группа во главе с заместителем командира мотострелкового батальона А. К. Волбасом благополучно переправилась через Днепр и захватила плацдарм. На помощь ей поспешили другие.

Фашисты не смогли примириться с захватом плацдарма и прилагали все силы, чтобы уничтожить десантников. Начались ожесточенные бои.

Пятьдесят суток войны корпуса отстаивали Букринский плацдарм. Они истребили несколько тысяч фашистов, сожгли сотни вражеских танков и удержали плацдарм. 10-й корпус получил почетное наименование Днепровского.

В середине января 1944 года генерал-майор В. М. Алексеев был назначен командиром 5-го гвардейского Сталинградско-Киевского танкового корпуса 6-й танковой армии.

26 января началось очередное наступление наших войск. Но ни стрелковые части, ни танкисты прорвать оборону противника не смогли. Это удалось в другом месте. Командующий танковой армией генерал-лейтенант А. Г. Кравченко ввел в прорыв из своего резерва 233-ю танковую бригаду, а 5-му гвардейскому танковому корпусу приказал развить успех танковой бригады. Танковые и мотострелковые подразделения ринулись в

прорыв, чтобы окружить вражеские войска в районе Корсунь-Шевченковского. И это было сделано успешно.

Фашисты произвели перегруппировку и утром 11 февраля после сильной артиллерийской и авиационной подготовки бросили в атаку танки, чтобы помочь своим окруженным частям. Сто пятьдесят вражеских танков в населенных пунктах Бужанка и Франковка атаковали позиции 5-го гвардейского танкового корпуса. Бой был жарким. Противник потерял здесь шестьдесят пять машин, но прорваться не смог. Корпус Алексеева задачу выполнил.

После жарких боев 27 марта 1944 года 5-й танковый корпус вышел на реку Прут. Реки, горные хребты пришлось преодолевать танкистам. Генерал-лейтенант Алексеев готовил танковый корпус к новым боям.

20 августа 1944 года в 6 утра началась артиллерийская подготовка. Затем стрелковые части пошли в наступление. Решительный натиск — и оборона фашистов прорвана. Танковые и мотострелковые бригады корпуса ринулись в прорыв. Громя на пути опорные пункты врага, корпус устремился в глубь Румынии. Гвардейскому корпусу В. М. Алексеева предстояло взять город Текуч, на северных подступах к которому фашисты создали оборону. В. М. Алексеев в первый эшелон выдвинул 21-ю и 22-ю танковые бригады. Попытка ворваться в Текуч с ходу не принесла успеха. Тогда командир корпуса, подтянув части, бросил в наступление весь корпус, и город был взят. Путь на Фокшаны был открыт.

В бою за город Текуч геройски погиб и командир корпуса Василий Михайлович Алексеев.

М. Мальщук

НА ФРОНТОВОМ ОПЫТЕ

☆ ☆ ☆

Александр Матвеевич Баталов родился в 1918 году в деревне Трифоново Юсьвинского района Коми-Пермяцкого автономного округа Пермской области. В 1938 году он окончил Свердловскую правовую школу, работал следователем, прокурором района. Через год его призвали в армию и направили в Тюменское военное училище.

С первых дней Великой Отечественной войны А. М. Баталов в составе 104-й стрелковой дивизии сражался на Ленинградском, затем на Карельском фронтах. Войну закончил на Дальнем Востоке в должности начальника цикла курсов усовершенствования офицерского состава.

После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе А. М. Баталов был направлен в аппарат Министерства обороны СССР, где и продолжает служить. Звание генерал-майора ему присвоено в 1967 году.

☆ ☆ ☆

Высота была захвачена врагом внезапно. Ее защищали только два наших стрелковых подразделения. А высота была важной. С нее просматривалось все — и дорога, идущая за передним краем противника, и населенный пункт, находящийся неподалеку. Высота надежно прикрывала подступы к нашим позициям.

Фашисты долго не атаковали ее, лишь изредка, раза три-четыре в день, обстреливали из пулеметов, и на этом дело кончалось.

Но в это утро на высоту обрушился шквальный

огонь из минометов, орудий, и вслед за этим фашисты начали атаку и овладели возвышенностью.

Выбить противника с господствующей высоты приказали 6-й роте 273-го стрелкового полка, которой командовал старший лейтенант Г. Носков.

Бой начался утром. Захваченную противником высоту рота атаковала с трех сторон, но, встреченная плотным огнем, вынуждена была залечь. Враг вел сильный огонь не только с высоты, но и с флангов.

Тогда и возникла мысль у командира взвода лейтенанта Александра Баталова — начать атаку со стороны противника. Успех обеспечивался, как он решил, двумя моментами. Первый — неожиданный удар по врагу с тыла, и второй — фашисты, возможно, не осмелятся вести стрельбу с переднего края, чтобы не поразить своих.

Баталов подполз к командиру роты Г. Носкову, который вместе с политруком П. Добронравовым обсудил, как вернуть высоту, изложил им свой план.

— Хорошо. Давай действуй, а мы поддержим твой взвод с фронта, отвлечем внимание противника.

Когда детали были уточнены, лейтенант Александр Баталов повел свой взвод в обход противника. Ползли по-пластунски, добрались скрытно до высоты с западной стороны, и Баталов поднял взвод в атаку.

Первым выскочил к траншее командир отделения младший сержант Власов. Гранатами он сразу же уничтожил расчеты двух пулеметов. Смело действовали старший сержант Шпак, рядовые Лыков, Зорин, Мартынов. Из своих автоматов они вели огонь по фашистам, засевшим в траншее. Действия взвода активно поддержали остальные подразделения роты.

Хозяевами высоты вновь стали советские воины.

Случилось это 27 июля 1941 года. За проявленную инициативу в бою, смелые и находчивые действия Александр Баталов получил свою первую боевую награду — медаль «За отвагу».

В сентябре взвод лейтенанта Александра Баталова вновь отличился в бою.

Произошло это так.

Известно, что Карельский фронт имел свои особенности. Здесь было сложно создавать сплошную линию фронта. Этому мешали заболоченная местность, большие

массивы леса вперемешку с кустарником, чем и воспользовался противник.

Под покровом ночи его подразделения прорвались в стыке двух дивизий и проникли в наш тыл.

Замысел фашистского командования был ясен: ударом с фронта и тыла сбить наши части с занимаемых рубежей, выйти к городу Кандалакша и еще раз перерезать железную дорогу, идущую на Мурманск.

Положение оказалось сложным.

Командир полка вызвал к себе лейтенанта А. М. Баталова и приказал:

— Своим взводом закройте брешь, пробитую противником между нашими дивизиями. Фашисты постараются использовать ее для подброски подкреплений, техники, боеприпасов. Сделайте все, чтобы перекрыть им эту дорогу, полностью лишить их возможности пользоваться ею.

Через болотные трясины и лесные завалы Александр Баталов вывел своих солдат к лесной дороге, по которой просачивались фашистские подразделения. Баталов выбрал место засады на господствующей высоте, примыкавшей к ней.

Прошел час, второй — противник не появлялся. И только часов через пять на дороге показался обоз. Дозорные доложили:

— Двигается около ста повозок. Везут какие-то грузы. Охрана немногочисленная.

Александр Баталов принял решение разгромить обоз.

По противнику ударили с близкого расстояния, всем взводом. Такого неожиданного нападения фашисты не ожидали. Двигались они уверенно, считая, что дорога вполне безопасна.

Обоз был разгромлен. Лишь некоторым из фашистов удалось спастись бегством. Наши бойцы захватили в плен трех уцелевших вражеских солдат, доставили в полк полсотни груженных подвод.

Замысел противника — выйти на подступы к Кандалакше и к железной дороге — был сорван.

Так, в непрерывных боях прошел для Александра Баталова 1941 год, затем следующий. В 1943 году заместителя командира стрелкового батальона А. М. Баталова вызвали в штаб Карельского фронта.

— Собираемся вас, Александр Матвеевич, назначить

преподавателем тактики курсов усовершенствования офицерского состава, — сказали ему в отделе кадров.

— Справлюсь ли?

— Надеемся. Воюете вы с первого дня войны. Воюете умело, с хитрецей, не по шаблону, а с выдумкой. Это проверено в боях. Да и командир вашей дивизии рекомендует. Вот и будете учить других, передавать им опыт. А он у вас не маленький.

И Александр Баталов стал преподавателем тактики. Учил молодых офицеров тому, чему сам научился в военном училище, в боях за два фронтовых года.

Война уходила все дальше и дальше на запад. Военные действия приближались к границам фашистской Германии. Вышла из войны Финляндия. Часть войск Карельского фронта была переброшена на другие фронты. Получил новое назначение и капитан Александр Баталов. Направили его не на запад, куда ему очень хотелось, а на Дальний Восток. Назначили начальником цикла курсов усовершенствования офицерского состава 1-го Дальневосточного фронта.

— Там вы нужнее. Там есть немало офицеров, которые не воевали. Их нужно учить мастерству современного боя. А те, кто прошел подготовку на ваших курсах, — они свое умение доказали в ходе боевых действий.

Слушатели курсов усовершенствования были разными по своему составу. Это были офицеры, окончившие в основном ускоренный курс военных училищ, недавние сержанты и старшины, прошедшие краткосрочную подготовку, и большинство из них не принимали участия в боях. Учились они усердно, настойчиво, зная, что рано или поздно им придется сразиться с врагом.

Александр Баталов учил их всему тому, что требуется в современном бою: как вести бои в лесисто-болотистой местности, в горах, как преодолевать водные преграды, обходить, блокировать или штурмовать укрепленные районы, знакомил курсантов с тактикой ведения наступательных и оборонительных боев японцев и многому другому, столь необходимому на войне. Занятия он проводил чаще всего не в классах, а на местности. Причем каждый раз делал это в разных местах, при любой погоде.

Окончившие курс обучения офицеры, обогащенные

знаниями, возвращались в свои подразделения. Их места занимали другие.

9 августа 1945 года началась война с милитаристской Японией. Войска 1-го Дальневосточного фронта начали военные действия в Приморье. Они должны были нанести главный удар на Муданьцзян, а вспомогательные — на Боли и на Ванцин. Александр Баталов внимательно следил, как под ударами наших войск капитулируют японские гарнизоны, и был рад каждой весточке с фронта, где его бывшие воспитанники умело громили врага.

Н. Ефимов

**СОРАТНИК
БЛЮХЕРА**

☆☆☆

Степан Николаевич Богомягков родился в 1890 году в семье земского врача в селе Богомягково Оханского района Пермской области.

В 1914 году он был призван в царскую армию и определен в Иркутское военное училище. После окончания учебы служил в 20-м Сибирском полку.

В 1918 году С. Н. Богомягков участвовал в подавлении эсеровских мятежей в Оханске, Осе и Ижевске. В этом же году он вступил в Красную Армию и был назначен начальником штаба 2-й бригады 30-й стрелковой дивизии, а затем начальником штаба этой дивизии.

В 1926 году С. Н. Богомягков окончил курсы усовершенствования высшего начсостава РККА при Военной академии имени М. В. Фрунзе, затем оставлен преподавателем в этой же академии.

С. Н. Богомягков командовал стрелковыми корпусами, работал в Наркомате обороны СССР, был начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Он награжден орденом Красного Знамени, другими орденами и медалями.

Генерал-лейтенант С. Н. Богомягков умер в 1966 году в городе Осе.

☆☆☆

Во второй половине дня 22 декабря 1918 года по улице Юго-Камского к дому, где размещался штаб бригады Ивана Дмитриевича Каширина, шел бывший штабс-капитан Степан Николаевич Богомягков. Грозное и трудное время переживал тогда Урал вместе со всей молодой Республикой Советов. Колчаковские войска подходили к Перми. Под напором превосходящих сил про-

тивника части Красной Армии вынуждены были отходить на запад. 30-я стрелковая дивизия 3-й армии в упорных боях с большим трудом сдерживала наступление врага.

Перед командиром 30-й дивизии В. К. Блюхером стояла исключительно сложная задача: вывести свои войска из-под удара и, выиграв время, закрепиться на выгодном рубеже, накопить силы к наступательным боям.

Еще будучи командиром сводного отряда южно-уральских партизан, Блюхер умел вести бои подобного рода. Богомяков знал о беспримерном походе десяти-тысячного отряда под командованием Блюхера от Белорецка до Кунгура по вражеским тылам. Суровая походно-боевая жизнь сцементировала людей в грозную военную силу. Из этого легендарного отряда была позже сформирована прославленная 30-я стрелковая дивизия. Героический поход выявил незаурядный военный и организаторский талант В. К. Блюхера, братьев Николая и Ивана Кашириных, Николая Томина и многих других. И Степан Николаевич был рад, что он направляется именно в эту героическую дивизию.

Спустя некоторое время Богомяков был назначен начальником штаба бригады.

За короткое время комбриг И. Д. Каширин оценил незаурядные способности, высокую штабную культуру, всестороннее развитие, честность С. Н. Богомякова и проникся к нему большим уважением.

Как-то вечером Каширин и Богомяков вместе вышли из штаба. Комбриг был задумчив.

— Что вы задумались? — обратился к нему Богомяков.

— Забот хватает. На ход наших боевых действий влияет плохое обеспечение войск. Нужно послать в Большую Соснову кого-то из штаба, который бы добился получения необходимого имущества. Мне думается, придется послать вас. С начальником штаба дивизии Евгением Николаевичем Сергеевым я уже договорился.

Случилось так, что во время разговора с Сергеевым присутствовал и Блюхер. Вопрос об обеспечении бригады всем необходимым был решен за несколько минут. В конце беседы Блюхер сказал Сергееву:

— Вы, Евгений Николаевич, умеете подбирать себе:

кадры. Используйте в интересах общего дела и Богомягкова. Он опытный в военном деле...

Это была первая встреча Богомягкова с Блюхером. Позднее военная служба не раз сводила их вместе.

14 марта 1918 года бригада Каширина была выведена в резерв. Богомягков был назначен старшим помощником начальника штаба и начальником оперативного отдела 30-й стрелковой дивизии.

Наступила весна. Но как только подсохли дороги, боевые действия усилились вновь. 3 июня колчаковцы потеснили 29-ю и 30-ю дивизии. Благодаря энергичным мерам, принятым комиссией ЦК партии во главе с Ф. Э. Дзержинским и И. В. Сталиным, 3-я армия быстро оправилась и вновь обрела грозную силу. Все эти мероприятия позволили Красной Армии активизировать наступательные бои.

Наступающие красные части 1 июля освободили от колчаковцев Пермь, а 15 июля — Екатеринбург (ныне Свердловск). В это же время Степан Николаевич был назначен начальником штаба 30-й дивизии, в составе которой он воевал до полного разгрома колчаковцев.

Бойцы 30-й дивизии, атакуя, отбивали у неприятеля станции, села, города. Вперед продвигались быстро. Только шесть суток потребовалось воинам, чтобы пройти расстояние от Тайги до Ачинска — почти двести пятьдесят километров.

А вскоре части 30-й дивизии закрыли белым путь на Красноярск. Свернув в тайгу, белогвардейцы попали под огонь партизанской армии. Части же 30-й дивизии в ночь на 7 января 1920 года вошли в Красноярск, захватив в плен около шестидесяти тысяч белогвардейских солдат и офицеров.

В солнечный морозный день 7 марта 1920 года бойцы 30-й стрелковой дивизии стройными рядами с развевающимися знаменами шли по многолюдным улицам Иркутска. Город ликовал. Местные жители радостно встречали прославленных воинов.

А через несколько дней Реввоенсовет Республики наградил 30-ю стрелковую дивизию почетным революционным Красным знаменем. Степан Николаевич Богомягков был удостоен ордена Красного Знамени.

Несколько позже по просьбе трудящихся Иркутской губернии дивизии было присвоено имя Иркутской.

Осенью 1920 года Степан Николаевич Богомятков сидел в вагоне поезда, который вез его вместе со всей дивизией на юг. На вагонах висели полосы кумача с лозунгами: «Разбили Колчака, разобьем и Врангеля». 30-я стрелковая дивизия направлялась на новые боевые дела, на защиту Родины от врагов, наступавших с юга.

После разгрома Врангеля С. Н. Богомятков в должности начальника штаба 3-го конного корпуса участвовал в боях против банд Махно.

Летом 1922 года стало известно о готовящемся приезде в Советский Союз премьер-министра Франции Эдуара Эррио, который, по-видимому, решил лично убедиться в крепости советского строя и его вооруженных сил, прежде чем принять решение об установлении дипломатических отношений с нашей страной.

В конце июля в кабинете командира 2-го стрелкового корпуса Степана Николаевича Богомяткова раздался телефонный звонок.

— Товарищ комкор Богомятков? Здравствуйте. Говорят из Кремля. Вас приглашает Владимир Ильич Ленин...

И далее последовало подробное сообщение о дате и часе встречи.

В. И. Ленин, несмотря на огромную загруженность делами и болезненное состояние, решил сам встретиться с командирами, которые готовили войска для смотра.

Степан Николаевич прибыл в Кремль вместе с командующим войсками Московского военного округа. После небольшого ожидания в приемной они были приглашены в кабинет к В. И. Ленину.

Владимир Ильич быстрыми шагами пошел навстречу гостям.

— Я до сих пор помню, — вспоминал позже Богомятков, — как горяча была его ладонь: он еще не полностью оправился от болезни...

Разговор о том, что и как показать Эррио, длился всего несколько минут, но он на всю жизнь остался в памяти Степана Николаевича.

На премьер-министра Франции все увиденное в нашей стране произвело глубокое впечатление. Несколько позже, 28 октября 1924 года, между Францией и Советской Россией были установлены дипломатические отношения.

Шли годы. Осенью 1935 года на сессии Военного совета РККА маршал Блюхер поставил вопрос о назначении комкора Богомягкова начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, и это назначение состоялось в начале 1936 года.

Во всех его аттестациях красной нитью проходит одна мысль: «Обладая всесторонней общей военной подготовкой, а также большим опытом боевой, штабной и командирской работы, комкор Богомягков талантливый военачальник, опытный штабной работник. Трудолюбие, настойчивость и смелость являются чертами товарища Богомягкова».

За эти качества Степана Николаевича уважали все, кто его знал, кому пришлось с ним работать.

К. Латохин

ТАЛАНТ ПРОПАГАНДИСТА

☆ ☆ ☆

Константин Степанович Бочкарев родился в 1905 году на приiske Архангельском Чесменского района Челябинской области.

В 1926 году он приехал в Пермь и поступил в университет на общественно-экономическое отделение педфака.

После окончания учебы К. С. Бочкарев преподавал философию в вузах Перми. В 1939 году молодой коммунист стал заведующим кафедрой марксизма-ленинизма педагогического института. После защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук К. С. Бочкарев возглавил кафедру марксизма-ленинизма, а затем стал и деканом историко-филологического факультета Пермского университета.

В начале Великой Отечественной войны К. С. Бочкарев ушел на фронт и до окончания войны находился на политической работе в действующих войсках. За заслуги перед Родиной он награжден пятью орденами и многими медалями.

После войны К. С. Бочкарев продолжал службу в Советской Армии.

В 1969 году Константин Степанович вышел в отставку.

☆ ☆ ☆

.Старожилы Перми до сих пор вспоминают публичные лекции по философии Константина Степановича Бочкарева, с которыми он выступал в тридцатых годах. Глубокое знание предмета, ясность мысли, простота изложения привлекали на его лекции много слушателей — студентов, научных работников, пропагандистов с фабрик и заводов.

Его знали в городе и как общественного деятеля.

Несколько лет Константин Степанович был бессменным директором Дома ученых, председателем городской секции научных работников. Он руководил созданным при Доме ученых городским университетом марксизма-ленинизма для научных работников, читал им курс диалектического материализма и диалектики природы. Его статьи и рефераты печатались в «Ученых записках», на страницах газет.

Товарищи по работе ценили оригинальность его мышления, глубину разработки проблем, хорошее знание произведений классиков марксизма-ленинизма. Его научный труд на тему «Чувственные восприятия и их роль в познании» получил высокую оценку ученых. Константин Степанович защитил диссертацию на эту тему в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Перед ним открывалась широкая дорога в науку. В тридцать пять лет он уже доцент, кандидат наук, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. Он любит свой предмет, студенческую аудиторию, не мыслит прожить хотя бы день без книг.

Жизнь не баловала его с детства. Отец покинул семью, когда дети были совсем маленькими. Матери очень тяжело было одеть, обуть и прокормить четырех ребят. Целыми днями и долгими вечерами склонялась она над швейной машинкой, выполняя различные заказы. С ранних лет Константин Степанович начал помогать семье. Днем шел в школу, а оттуда — на погрузочные работы. Хотя труд был тяжелый и уставал он изрядно, но учебу не бросал.

После окончания средней школы Бочкарев уехал в Омск и поступил в сельскохозяйственный институт на землеустроительный факультет.

Но учеба не приносила ему удовлетворения. Он писал друзьям, знакомым, что это не его призвание.

И вот Константин Степанович в Пермском университете. Успешно прошел экзаменационный конкурс. С увлечением штудировал литературу по философии, увлекался работами Маркса, Энгельса, Ленина. Еще студентом он активно участвовал в дискуссиях по теоретическим вопросам, выступал с докладами и лекциями. После трех лет учебы в университете Бочкарев был назначен ассистентом кафедры философии с правом само-

стоятельного чтения курса диалектического и исторического материализма.

Константин Степанович так вспоминает о годах, проведенных в стенах университета, о его преподавателях, профессорах:

— Творческое отношение к делу, дружба, товарищество всегда отличали коллектив университета. Помню, перед войной я работал над книгой «Материализм и идеализм». Тема сложная, требующая серьезного анализа фактов и событий. Приходилось использовать много различной литературы не только по философии, но и по политической экономии, физике и другим отраслям знаний. К кому бы я ни обращался за помощью — к историкам, философам, экономистам, — никто не отказывал. К сожалению, эта книга не появилась на прилавках книжных магазинов. Началась война, я уехал из Перми, занялся другими делами...

Великая Отечественная война внесла существенные поправки в его личные планы. «Надо учиться воевать, — решает Бочкарев. — Долг, совесть коммуниста не позволяют мне оставаться в тылу». И он написал заявление в обком партии с просьбой направить его в действующую армию. Оставшееся до отправки на фронт время Бочкарев использовал для пропагандистской работы. В докладах и лекциях он разоблачал немецко-фашистских захватчиков, их планы покорения огнем и мечом советского народа. Он написал брошюру «Фашизм — злейший враг культуры», которая была выпущена Пермским книжным издательством в первые месяцы войны. Бочкарев усиленно занимался военной подготовкой — изучал боевое оружие, читал военную литературу.

В сентябре 1941 года Константина Степановича призвали в армию и отправили на Калининский фронт. Он был назначен в политотдел стрелковой дивизии инструктором по пропаганде.

Трудно было в первые месяцы привыкать к фронтовой обстановке. Сугубо гражданский человек, никогда не служивший в армии, в первое время Бочкарев с трудом осваивался в новой должности. Фронт его работы — агитаторы полков. Его трибуной становятся землянки и окопы. Он рассказывает бойцам о положении на фронтах, о трудовой жизни в тылу. Во фронтовой газете на-

чали появляться заметки о нем, как об умелом пропагандисте и агитаторе.

Как и каждому политработнику, Бочкареву не раз приходилось участвовать в боевых операциях с оружием в руках. Свой первый орден Красной Звезды он получил за то, что в сложной боевой обстановке у города Ржева под сильным обстрелом противника сумел организовать оборону важного участка и удержать его до подхода подкрепления.

По роду службы подполковнику Бочкареву много приходилось колесить по фронтовым дорогам. Он видел страшные картины разрушенных городов, сожженных деревень, трупы женщин, детей. Он видел советских людей, освобожденных из фашистской неволи.

Вот его записи тех лет:

«Побывал я в Е. Город весь в развалинах. Сердце сжимается, когда смотришь на освобожденных от оккупантов русских людей. Лица у всех истощены. Вместо одежды — лохмотья. Я проводил здесь митинг. Посмотрели бы вы, как плакали эти люди — старики, женщины, дети. Плакали, наверное, от того, что услышали родную речь, свободно гремевшую на площади».

А какую выдержку, какое спокойствие приходилось сохранять во время допросов военнопленных. Гнев и омерзение вызывали эти мародеры и убийцы безоружного населения.

Вот выдержка из письма Бочкарева фронтовому товарищу:

«Передо мной стоял человек, по наружности интеллигент. И очки на нем, и манера держаться, и речь — немецкого интеллигента. Но не могу я смотреть на него как на человека! Ведь он только что поджигал, кого-то грабил, кого-то беззащитного убивал — обо всем этом он рассказал, когда я его допрашивал. А передо мной он стоял трусливый, как заяц. И такие проходили передо мной один за другим».

Всю войну находился Константин Степанович в действующих войсках. Воевал на Калининском, Западном, 2-м Прибалтийском фронтах, был заместителем начальника политотдела дивизии, начальником отделения пропаганды и агитации и заместителем начальника политотдела армии, испытал горечь отступления и радость завоеванной победы.

После окончания Великой Отечественной войны началась постепенная демобилизация армии. Тысячи воинов возвращались к мирным профессиям. К. С. Бочкарев получил приказ прибыть к новому месту службы. Знания, приобретенные в стенах пермских учебных заведений, практика партийно-политической и пропагандистской работы, полученная в годы Отечественной войны, помогали Бочкареву воспитывать новое поколение воинов Советской Армии.

Последние годы перед отставкой генерал Бочкарев был заместителем начальника Управления пропаганды и агитации Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, начальником лекторской группы.

Сейчас Константин Степанович Бочкарев живет в одной из квартир большого московского дома. Дверь открыл сам генерал. Он среднего роста, худощав, лицо утомлено, в глазах любопытство.

— С Урала? Вот приятная встреча! — обрадованно проговорил Константин Степанович. — Так хочется поехать в Пермь, походить по аудиториям университета, побывать в педагогическом институте...

Хотя ему за семьдесят, но он по несколько часов в день проводит за рабочим столом. Его кабинет заставлен полками книг. Многие изданы в последние годы, но есть и такие — потрепанные, подклеенные, — которые Бочкарев пронес по дорогам войны, по местам службы в послевоенные годы.

С особым интересом он работал над темой о роли Коммунистической партии в строительстве Вооруженных Сил Советского Союза, их морально-политической подготовке. В послевоенные годы Бочкарев совместно с другими авторами написал книгу «Программа КПСС и защита социалистического Отечества». Она получила положительную оценку читателей.

Сейчас Константин Степанович работает над книгой «Воинский коллектив как фактор воспитания». Он выступает со специальными статьями в военных журналах.

— Укрепляя боевую мощь и морально-политический потенциал нашей армии, мы тем самым отстаиваем мир на земле, — говорит генерал Бочкарев. — Я рад, что и мой скромный труд служит этому делу.

А. Дидык

ДОРОГИ МУЖАНИЯ

☆☆☆

Василий Павлович Брюхов родился в 1924 году в городе Осе Пермской области. В начале Великой Отечественной войны добровольцем ушел в армию, окончил танковое училище.

Он участвовал в Курской битве, в освобождении многих городов и районов страны, а также Румынии, Венгрии, Австрии. На фронте стал коммунистом.

В. П. Брюхов награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, медалями.

В послевоенные годы В. П. Брюхов окончил Академию бронетанковых и механизированных войск, Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, Академию Генерального штаба.

В настоящее время гвардии генерал-лейтенант В. П. Брюхов продолжает служить в рядах Советской Армии.

☆☆☆

Василий Брюхов с малых лет мечтал о том, чтобы свою жизнь посвятить военной службе. И немалую роль в рождении этой мечты сыграла кинокартина «Чапаев», которой бредили все мальчишки.

Началась Великая Отечественная война. Семнадцатилетний Василий сразу решил, что должен быть на передовой. Вместе с Геннадием Светлаковым, двоюродным братом Николаем Брюховым и другими сверстниками он обивал пороги райвоенкомата.

— Подождите, придет время, призовут в армию и вас, — отвечали на их просьбы.

Но ждать Василий не мог. И он добился своего: был зачислен рядовым в стрелковую бригаду. А в августе 1942 года его направили учиться в танковое училище.

В апреле 1943 года Василию Брюхову было присвоено воинское звание — лейтенант.

И вот фронт. Шли бои под Курском и Орлом. Наши части готовились к контрнаступлению. Чтобы уточнить силы и средства противника, командование приняло решение провести разведку боем. В лесу на поляне выстроились танкисты.

— Вы сражались героически. И каждый из вас имеет право на отдых. Но Родина требует не упускать момента, чтобы нанести фашистам сокрушительный удар. Нам необходимо уточнить данные о прочности обороны противника. Кто из вас желает пойти на выполнение этой задачи?

Первым вышел из строя невысокого роста, подтянутый молодой лейтенант. Это был Василий Брюхов.

Вскоре взвод лейтенанта Брюхова пошел в дерзкую атаку.

Танкисты, умело маневрируя и прикрываясь складками местности, все ближе и ближе подбирались к вражеским окопам. Тогда фашисты не выдержали, открыли по смельчакам огонь, раскрывая свои огневые точки.

Рискуя жизнью, лейтенант Брюхов и его товарищи выполнили задачу.

Используя данные, полученные разведкой боем, советские подразделения перешли в контрнаступление. В нем участвовал и Василий Брюхов.

Позже он сражался за освобождение Орла, Унечи, Брянска, Клинцов и вместе со своим подразделением вышел на реку Сож. В этих боях мужал молодой лейтенант, приобретал боевой опыт.

Всю дождливую и суровую осень 1943 года лейтенант Брюхов провел в тяжелых боях, называемых в сводках Совинформбюро «боями местного значения». В них он постигал науку боевых действий в лесисто-болотистой местности, в тяжелых климатических условиях. А 1944 год для Брюхова начался боями за Витебск, за Невель и станцию Пустошка. В этом районе гитлеровцы перекрыли все проезжие дороги, превратили деревни и села в сильные опорные пункты, укрепили высоты долговременными огневыми сооружениями.

Особенно памятен лейтенанту Брюхову бой за село Васюково. Оно стояло на возвышенности. Гитлеровцы сильно укрепили его. Бои тогда шли с переменным успехом несколько дней. А в тот запомнившийся Брюхову день танковая бригада подполковника Воронова, в которой он воевал, несколько раз бросалась в атаку. И снова откатывалась назад.

После очередного боя, когда танкисты остановились в лесу, подполковник вызвал к себе Брюхова.

— Видишь на окраине села сгоревший сарай? — сказал он Брюхову.

— Так точно, вижу.

— Как ты думаешь, можно взводом к тому сараю проскочить?

— Трудно.

— Я не спрашиваю, трудно ли, а можно?

— Если отвлечь внимание...

— В том-то и дело, что тебе нужно отвлечь внимание фашистов на себя. Запомни. Ровно в восемнадцать тридцать, ни минутой позже, пойдешь в атаку. Прямо на сарай. Если доберешься, дальше действуй по обстановке. Понял?

В назначенное время взвод Брюхова рванулся в атаку.

Танкисты выскочили на ровное поле. И сразу же заговорила вражеская артиллерия.

Вдруг лейтенант Брюхов заметил небольшой овраг, даже не овраг, а какое-то углубление.

— Влево, — скомандовал он механику-водителю.

Машина сразу же прикрылась спасительной низинкой. За ней пошли остальные танки. Но овраг скоро кончился. Танки летели прямо к сараю. Механик-водитель резко бросал машину то вправо, то влево, не позволяя фашистам вести по ней прицельный огонь...

Искусно маневрируя, действуя стремительно и смело, взвод лейтенанта Брюхова ворвался на окраину Васюкова. Главные силы бригады воспользовались благоприятной обстановкой, стремительным ударом овладели селом и продолжали наступление.

Затем Василий Брюхов форсировал Днестр, участвовал в Яско-Кишиневской операции, в боях в Трансильванских Альпах.

В наградном листе Василия Брюхова о тех боях ска-

зано, что при переходе государственной границы между Румынией и Венгрией в районе города Баттоня офицер проявил находчивость и инициативу. Действуя в составе передового отряда, он первым вышел на территорию Венгрии и достиг намеченного рубежа. Противник бросил в контратаку двенадцать танков и до батальона пехоты. Брюхов смело принял бой и в течение восьми часов удерживал занятый рубеж, отбил пять контратак противника. В этом бою Брюхов лично уничтожил четыре танка, семь противотанковых пушек, тринадцать минометов, два дзота, два склада с боеприпасами и немало фашистских солдат и офицеров.

Плечом к плечу сражаясь со своими боевыми товарищами, он принял участие в Балатонской операции и завершил свой боевой поход на территории Австрии.

Великую Отечественную войну Василий Павлович Брюхов закончил командиром танкового батальона. В ту пору ему шел двадцать первый год.

После войны Василий Павлович поступил учиться в Военную академию бронетанковых и механизированных войск и по окончании ее командовал полком. Вскоре его часть стала передовой, не раз выступала инициатором патриотических начинаний. Все это говорило о том, что В. П. Брюхов умел находить ключи к людям, помогать им в совершенствовании своего воинского мастерства. Эти качества были подмечены командованием, и оно предложило ему возглавить политотдел соединения. Новые обязанности требовали от него более глубоких и всесторонних знаний. И снова учеба в Военно-политической академии имени В. И. Ленина, а затем в Академии Генерального штаба.

Нелегкими армейскими дорогами шагает генерал-лейтенант Василий Павлович Брюхов. И, на какой бы должности он ни находился, ему присуще стремление наилучшим образом выполнить стоящие перед ним задачи, свой воинский долг.

Н. Коскова

**СЛУЖИЛ
БЕЗЗАВЕТНО**

Василий Афанасьевич Бурмасов родился в 1900 году в селе Телес Кунгурского района Пермской области. В 1918 году он добровольно вступил в Красную Армию, в 1919 году стал коммунистом.

После гражданской войны В. А. Бурмасов служил в ОГПУ, а затем снова в армейских частях. Он был командиром роты 170-го полка 57-й Уральской стрелковой дивизии, начальником полковой школы, командиром 255-го полка 85-й стрелковой дивизии, командиром батальона курсантов Свердловского пехотного училища. После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе его назначили начальником штаба 57-й стрелковой дивизии.

В годы Великой Отечественной войны он командовал 210-й стрелковой дивизией 36-й армии.

В. А. Бурмасов награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, монгольским орденом Сухэ-Батора, медалями. Звание генерал-майора ему присвоено в 1944 году.

В послевоенные годы В. А. Бурмасов был командиром дивизии, начальником Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР, заместителем начальника кафедры Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Умер он в 1963 году.

В феврале 1965 года в адрес Пермского областного краеведческого музея пришел ценный пакет. Евдокия Филипповна Бурмасова писала: «Посылаю Вам документы генерала Василия Афанасьевича Бурмасова. Всю свою жизнь он посвятил служению Родине в рядах Со-

ветских Вооруженных Сил. Сорок пять лет генерал Бурмасов честно и беззаветно стоял на боевом посту».

Василий Афанасьевич родился в бедной крестьянской семье. Шесть сыновей было у Бурмасовых. А вся семья состояла из двенадцати человек. Земли не хватало. Жили впроголодь, в постоянной нужде.

Василию исполнилось девять лет, когда семью постигло горе: богатеи убили отца. В доме остался один работник — старший брат. И Васе пришлось наняться в батраки. Но любознательный мальчик хотел учиться, и брат пристроил его в Уинское начальное училище.

В 1912 году Василий закончил училище. А учиться дальше не пришлось. Началась империалистическая война, и старшего брата призвали в армию. На плечи Василия легла забота о младших братишках и сестренках. Только через четыре года он сдал экстерном экзамен за курс педагогического училища и был назначен на работу в школу.

Наступил 1917 год. Молодой учитель был увлечен вихрем революционных событий. У юноши из бедняцкой семьи не было сомнений в вопросе: «С кем идти?»

В 1918 году Василия Бурмасова избрали первым секретарем волисполкома, он активно участвовал в разделе кулацкой земли между крестьянами, за что его возненавидели местные богатеи. Почувяв приближение колчаковцев, они арестовали Бурмасова и многих других активистов, а председателя волисполкома Клима Юдина зверски замучили.

Через три дня село заняли части Красной Армии, и Василий с товарищами был освобожден.

Этот год знаменательный в жизни Василия — он стал добровольцем Красной Армии. Бурмасов сражался в частях прославленного героя гражданской войны В. К. Блюхера. Здесь, на Восточном фронте, приобрел он боевой опыт.

В июне 1919 года Василий Бурмасов был принят в ряды ленинской партии. Ему доверили вести политическую работу среди бойцов. О нем говорили: «Хороший партиец, стойкий и выдержанный».

Молодая рабоче-крестьянская армия нуждалась в грамотных, политически зрелых командирах. И в июле 1919 года партийная организация полка направила ком-

муниста В. А. Бурмасова в Казань на курсы красных командиров.

Учеба была очень напряженной — приходилось быть постоянно начеку. Не раз курсантов по тревоге поднимали по ночам, и они шли на подавление бандитских мятежей и выступлений.

Через три месяца на руках у Василия Афанасьевича было удостоверение о том, что он окончил пехотные командные курсы и стал командиром.

И снова фронт... Волга, Кавказ, бои в районе Темир-Хан-Шуры с войсками интервентов, освобождение Баку, борьба с грузинскими меньшевиками, освобождение Тифлиса и, наконец, Туркестанский фронт — вот далеко не полный перечень тех мест, где сражался за Республику Советов Бурмасов.

Вихрем пронесли боевые годы. Закончилась гражданская война. Но Василий Афанасьевич остался служить в рядах Советской Армии, пройдя по всем ступеням службы: от рядового до генерала.

В 1925 году В. А. Бурмасов получил назначение в 57-ю Уральскую стрелковую дивизию командиром роты 170-го стрелкового полка.

8-я рота, которой командовал В. А. Бурмасов, была лучшей в полку. Бывший командир одного из взводов роты, ныне генерал артиллерии Д. М. Краснокутский вспоминает: «Василий Афанасьевич часто говорил нам: «Вы добиваетесь быстрого внешнего успеха без должного внутреннего содержания». И он подробно объяснил нам, молодым командирам, как надо действовать, чтобы закрепить успех.

Василий Афанасьевич был волевым и энергичным командиром, но твердость и строгость сочетались у него с товарищеским подходом и выдержанностью. И это помогало ему быстро завоевывать сердца людей, с которыми он работал.

Генерал Д. М. Краснокутский рассказывает: «Когда я в сентябре 1926 года приехал в полк, командир полка сказал: «Будете служить у хорошего, умного командира роты Бурмасова». Василий Афанасьевич с первого взгляда вызвал к себе симпатию. Он был среднего роста, крепко сколочен. Характер имел ровный, никогда не срывался и не кипятился. Мы, младшие командиры, старались во всех начинаниях и действиях поддержать

своего комроты, учились у него методике военного дела, выдержке, принципиальности и партийности».

В феврале 1936 года В. А. Бурмасову присвоили звание майора. Он был назначен командиром батальона курсантов Свердловского пехотного военного училища. Полученный во время гражданской войны боевой опыт, приобретенные знания Бурмасов умело передавал будущим командирам. Никогда не сковывал инициативу подчиненных, прислушивался к их мнению, не торопил, когда дело требовало серьезных размышлений. Военные игры, учения он всегда глубоко анализировал, учил своих воспитанников выбирать наилучшие варианты, учил свой штаб мастерству ведения боя.

Василий Афанасьевич постоянно стремился к повышению своего воинского мастерства, неутомимо совершенствовал знания. В сентябре 1937 года майор Бурмасов был зачислен слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе сразу на второй курс основного факультета.

В личном деле В. А. Бурмасова есть скромная, всего в одну строку, запись: «Будучи слушателем Академии имени М. В. Фрунзе, выполнял правительственное задание». А за этой строкой — сражающаяся героическая Испания. В ряды защитников Испанской республики вставали многие советские добровольцы — мужественные люди.

После окончания академии полковник Бурмасов стал начальником штаба 57-й Уральской стрелковой дивизии, которая к этому времени входила уже в Забайкальскую группу войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. И здесь проявились незаурядные организаторские способности Бурмасова, его высокая культура.

Весной 1939 года японские войска вторглись в Монголию.

В район боев подтягивались войска. 57-я стрелковая дивизия героически и стойко сражалась на реке Халхин-Гол. Особо была отмечена отличная работа штаба и его начальника полковника В. А. Бурмасова.

За боевые заслуги, проявленные в боях с японскими милитаристами, В. А. Бурмасов был награжден орденом Красного Знамени.

В 1959 году, когда отмечалось двадцатилетие побе-

ды на Халхин-Голе, Указом Президиума Великого народного хурала МНР многие участники боев были награждены орденами и медалями Монгольской Народной Республики, в том числе и В. А. Бурмасов. Он был награжден орденом Сухэ-Батора и медалью МНР.

Когда началась Великая Отечественная война, В. А. Бурмасову приказом Военного совета Забайкальского фронта было поручено формирование 210-й стрелковой дивизии.

В 1944 году В. А. Бурмасову было присвоено звание генерал-майора. Это было признанием его заслуг перед Родиной.

За несколько месяцев до начала войны с Японией В. А. Бурмасов был назначен на должность командира 36-го стрелкового корпуса.

После разгрома фашистской Германии Япония осталась последней агрессивной державой, продолжающей войну.

Главной ударной силой японской армии была Квантунская армия, которая специально предназначалась для войны против Советского Союза.

Готовясь к предстоящим боям, В. А. Бурмасов уделял большое внимание изучению японской тактики — сам лично проводил занятия с офицерским составом. Часто в офицерском клубе выступал с беседами об агрессивном характере японского милитаризма.

Советское командование разработало план разгрома милитаристской Японии, и 9 августа 1945 года главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А. М. Василевский отдал приказ о наступлении. Впереди были японские сильно укрепленные районы — целая полоса новейших военных сооружений.

Забайкальским фронтом командовал маршал Р. Я. Малиновский. На левом крыле этого фронта двигались войска 36-й армии.

Вот как это описано в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945»:

«Наибольшие трудности встретились в полосе действий 36-й армии. Войска армии наступали в двух направлениях: главными силами из района Стар-Цурухайтуй на Хайлар, а частью сил из района Отпор на станцию Маньчжурия и город Чжалайнор. Соединения удар-

ной группировки успешно преодолели реку Аргунь и продвигались по дороге на Хайлар. В авангарде наступал армейский передовой отряд под командованием генерал-майора В. А. Бурмасова»¹.

Перед бойцами раскинулась 120-километровая маньчжурская пустыня. Палило солнце. Идти было трудно. Отряд наступал на Хайлар. Это был главный заслон японцев на пути к Хинганскому перевалу. Даже без укреплений он был труднодоступен: вокруг него поднимались цепи гор.

На пути к Хайлару находились железобетонные укрепления Оботу, Хэнаньтая. Все доты, бункера располагались внутри гор. Доты-ансамбли имели два и три этажа под землей, которые соединялись подземными ходами, траншеями.

Особенно сильно был укреплен Оботу. Его доты были сильнейшими.

Таков был Хайлар — японская твердыня. Японцы строили его пятнадцать лет.

Подразделения передового отряда к концу дня овладели мостом через Аргунь, который был в нескольких километрах от Хайлара. Японцы открыли сильный огонь из дотов Оботу. Начались упорные бои. Японцы ушли в подземелья, сдаваться отказались. Тогда был отдан приказ блокировать Хайлар. В течение дня 10 августа передовой отряд вел упорные бои, но враг оказывал яростное сопротивление. Только утром 11 августа отряду удалось захватить железнодорожную станцию, электростанцию и военный городок. И начались кровопролитные бои уже в районе Хайлара. В этих боях мужество, стойкость, отвагу проявили советские бойцы. Сражаться приходилось в невероятно трудных условиях: шли муссоны — страшные проливные дожди, вода залила все вокруг, туманы полезли по горам. Японцы скрылись в своих дотах. И все же к концу дня 11 августа были взяты несколько дотов, значительная часть города и аэродром. В последующие дни развернулась упорная борьба за город, а 18 августа гарнизон сложил оружие и сдался в плен. Хайларский укрепленный район

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5. М., Воениздат, 1961, с. 563.

капитулировал. За взятие Хайлара генерал Бурмасов был награжден орденом Суворова 2-й степени и медалью «За победу над Японией».

Отгремела вторая мировая война. Но по-прежнему в боевом строю до конца своей жизни оставался генерал Василий Афанасьевич Бурмасов. В послевоенный период ему поручали ряд ответственных участков работы. В марте 1947 года, после окончания Высших академических курсов при Академии Генерального штаба В. А. Бурмасов служил на Севере. Маршал К. А. Мерецков высоко оценил этот период службы генерала Бурмасова, наградил его золотыми часами.

В 1952 году В. А. Бурмасов переходит на педагогическую работу. Его назначили начальником Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР, а позже — заместителем начальника кафедры Военной академии имени М. В. Фрунзе. Все свои силы и знания отдавал Василий Афанасьевич подготовке офицерских кадров для Советской Армии.

В январе 1955 года В. А. Бурмасов ушел в запас, но продолжал вести большую партийную и общественную работу, исполнял депутатские обязанности в городе Люберцы Московской области; постоянно выступал с лекциями и беседами. Он никогда, казалось, не уставал. Никогда не жалел для дела ни времени, ни сил. Многие благодарны ему за практическую помощь, деловой совет, вовремя сказанное доброе слово.

Высший долг советского воина Василий Афанасьевич Бурмасов видел в самоотверженном служении Отчизне. И сам он всегда с честью нес боевую вахту, до последнего удара сердца был солдатом, коммунистом, верным сыном своего народа.

Н. Филиппов

**И СЛОВО —
ОРУЖИЕ**

☆☆☆

Алексей Николаевич Быков родился в 1921 году в деревне Бисарка Удмуртской АССР. После окончания средней школы работал учителем в селе Рябки Пермской области. В феврале 1940 года А. Н. Быков был призван в ряды Красной Армии. В Великой Отечественной войне принимал участие с июня 1941 года. Воевал на Западном, Калининском, Северо-Западном, Брянском, 1-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Службу в армии начал башенным стрелком, был командиром танка, комиссаром роты, комсоргом полка, помощником начальника политотдела по комсомольской работе, пропагандистом, заместителем начальника политотдела дивизии, отдела пропаганды и агитации политуправления военного округа. Он окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, награжден семнадцатью орденами и медалями.

Звание генерал-майора А. Н. Быкову присвоено в 1973 году. В настоящее время он возглавляет военно-политическое училище.

☆☆☆

Алексей Быков не мечтал стать военным. Закончил с отличием среднюю школу, решил поступить в институт, но призвали в армию, в танковые войска. Стал башенным стрелком, потом командиром танка. Перед отправкой на фронт его избрали секретарем комсомольской организации.

И вот первый бой. Произошел он около берегов Западной Двины, на Лепельском направлении. Почти пять дней продолжались упорные схватки, и противник, потеряв немало техники и живой силы, откатился.

После боев собрались танкисты вместе, и как-то само собой, без подсказки завел комсорг Алексей Быков разговор о прошедших боях. Рассказывал, как умело и храбро сражались с фашистами комсомольцы старшие сержанты Хитров, Малашонок, ефрейторы Боков, Мельников, Глазов, рядовой Жуков. Подмечал и оплошности, говорил, как надо еще более грамотно применяться к местности, действовать с хитрецей. Танкисты слушали его внимательно, с интересом. И как было не воспринимать советы комсомольского секретаря, когда сами видели, как он метко уничтожал вражескую технику, подавлял огонь фашистских орудий и миномета.

С того дня так и повелось. Перед боем, после боя Алексей Быков всегда проводил беседы, советовал, как тактически грамотнее действовать в бою, подводил итоги каждой схватки с противником, знакомил с газетными статьями.

Воспитывать в солдатах храбрость, поднимать их боевой дух стало у Алексея Быкова повседневным делом, его обязанностью. И он видел, что эти беседы оставляют след в солдатской душе. Танкисты сражались с противником не жалея сил, смело и отважно, давали ему сокрушительный отпор.

Умение Алексея Быкова вести душевные разговоры с танкистами подметил комиссар батальона старший политрук Гаврилов:

— Вы, старший сержант, родились политраблотником. Будете заместителем политрука.

Спустя месяца три у Алексея Быкова вновь состоялся разговор с комиссаром батальона.

— Посылаем вас на месячные курсы. Они созданы при политотделе 3-й ударной армии. После их успешного окончания будете комиссаром танковой роты. Вы — кандидат в члены партии. И вам, как молодому коммунисту, оказано большое доверие. Хотя курсы и месячные, но они вам дадут многое.

Разговор определил дальнейшую судьбу Алексея Быкова.

После курсов — вновь танковый полк, куда он вернулся комиссаром танковой роты.

Навсегда остался в его памяти сентябрь 1942 года. Бой юго-восточнее Ржева. В один из таких сентябрьских дней было приказано овладеть населенным пунк-

том Болдино. Бой за него продолжался целый день. К вечеру большая часть села была освобождена. Противник отошел на его окраину, отделенную оврагом и небольшой речкой, и там закрепился. С наступлением темноты три наших танковых экипажа с трудом преодолели преграды и вышли на противоположный берег реки. Стрелкам же это сделать не удалось: минометный огонь прижал их к земле. Танкисты остались на нейтральной полосе, захватив пяточок земли.

Утром началась бомбежка. Танк Алексея Быкова был разбит. Боеспособными остались две машины: на правом фланге — командира роты Александра Полякова, метрах в ста пятидесяти — вторая, командир которой накануне был ранен.

Алексей Быков ползком добрался до командирской машины.

— Что будем делать, комиссар? — спросил Поляков, когда Быков через нижний люк вполз в машину. — Горючее кончилось, снаряды на исходе.

— Кому-нибудь нужно пробраться к своим. Позади нас овраг. Пулеметными очередями он не простреливался. Попадают туда мины, да и то не каждая. По оврагу нужно проползти метров двести, а там поле. Правда, фашисты освещают его ракетами, но добраться до своих можно. А в батальоне что-нибудь придумают.

— Мне нельзя. Я обязан оставаться здесь.

— Я тоже.

Решение с командиром роты приняли быстро: послать в батальон заряжающего Павла Михайлова — танкиста быстрого, проворного, смелого и находчивого.

Ночь прошла более или менее спокойно. Противник изредка открывал беспорядочный огонь, но на другой день стрельбу усилил. Фашисты кричали:

— Рус, сдавайс! Иван капут!

Потом вновь обстреливали танки из минометов. Весь день.

Механик-водитель нервничал:

— Что это фашисты задумали? Видят нас как на ладони. Стреляй — не промахнешься. Что, у них противотанковых орудий нет?

— Ты фильм «Чапаев» смотрел? — спросил его Быков.

— Видел раз десять.

— Помнишь психическую атаку каппелевцев?

— Как же, помню, как их Анка-пулеметчица косила.

— Вот и сейчас противник хочет на нас психически воздействовать. Собираются изнурить нас и стрельбой непрерывной, и криками и принудить к сдаче. Так что сиди спокойно, не обращай внимания, но гляди в оба. Покажется противотанковое орудие — ударим. У нас десять снарядов, у командира шестнадцать. Есть еще чем воевать.

Вскоре вернулся Павел Михайлов. И не один. С солдатами батальона. Притащили термосы с едой, три десятка снарядов, гранаты. Утром противник усилил стрельбу. Танкисты ответили огнем.

Так продолжалось шесть суток. И каждую ночь Алексей Быков раза по два ползком пробирался к экипажу другого танка, чтобы согласовать действия, подбодрить танкистов.

На седьмые сутки танк комиссара роты покинул плацдарм. Еще четверо суток выдерживал осаду Александр Поляков, потом привел машину и он.

За стойкость и мужество, умелые действия в те сентябрьские дни Александр Поляков был удостоен звания Героя Советского Союза. Алексея Быкова наградили орденом Красного Знамени.

Ему и позднее нередко приходилось пробираться к застрявшим на минных полях танковым экипажам, уточнять обстановку в стрелковых подразделениях, с которыми взаимодействовали танкисты, заботиться о доставке танкистам боеприпасов, пищи, оказании помощи раненым. А бои тогда на Брянском фронте шли напряженные, упорные.

Много пришлось заниматься ему с бойцами перед началом Курской битвы. В наших частях знали, что противник введет в бой новинки — «тигров» и «пантер». Немало пришлось Алексею Быкову провести бесед и занятий с танкистами, рассказывая об уязвимых местах вражеских танков и о том, как их лучше поражать. Отгремела Курская битва, и наши войска устремились на запад.

Наступил 1945 год. В то мартовское утро гвардии капитан Алексей Быков возвращался от мотострелков в танковые батальоны. Был рассвет, ожидалась атака

противника, и Быков спешил к танкистам, хотя еще накануне побывал во всех экипажах, рассказал им о силах противника, которые намереваются сбить наши подразделения с занимаемого рубежа, говорил и о том, как должен действовать в бою каждый танкист.

Теперь он проходил по наспех вырытой траншее у деревни, где занял исходные позиции 1-й танковый батальон.

Но добраться до батальона не успел. Около траншеи неожиданно начали рваться снаряды. Алексей Быков увидел вражеские штурмовые орудия, фашистских автоматчиков, выскочивших из предутренней пелены тумана, они двигались к нашему переднему краю.

Штурмовых орудий было около двадцати и больше сотни автоматчиков.

«Могут смять, захватить траншеею», — мелькнула мысль у Алексея Быкова, и он встал рядом с пулеметчиком.

Грохот боя нарастал. Ближе к штурмовым орудиям подтянулись фашистские автоматчики. Алексей Быков вместе с пулеметчиком открыл огонь по атакующим пехотинцам. Но через четыре-пять коротких очередей «максим» смолк. Пулеметчик откинул крышку пулемета, что-то поправил, нажал на гашетки, но выстрелов не последовало. А неприятельские солдаты уже метрах в ста. Тогда Алексей Быков резко отодвинул молодого солдата от пулемета и крикнул ему:

— Бей из моего автомата!

А сам тут же нашел неисправность — перекос патрона, и пулемет снова «заговорил».

На поле перед траншеей уже горело три вражеских штурмовых орудия, еще одно стояло неподвижно, опустив ствол к земле. Но фашистские автоматчики продолжали атаковать. Алексей Быков переносил огонь с одной группы на другую, скашивал их то короткими, то длинными очередями. Фашисты дрогнули, стали отходить.

Когда бой закончился, к Алексею Быкову подошел командир стрелкового батальона.

— Танкист? — удивленно сказал он.

— Как есть.

— Тоже комбат?

— Нет. Политработник. Заместитель по комсомолу.

— Спасибо за выручку, за меткую стрельбу.

На этом и расстались.

Однако командир батальона не забыл Алексея Быкова. Через полтора месяца гвардии капитан А. Быков был награжден за этот бой орденом Отечественной войны 1-й степени.

Вот так воевал и убеждал примером коммунист Алексей Быков.

Потом новое назначение — помощником начальника политотдела по комсомолу 19-й гвардейской Минской танковой бригады и новые бои на 1-м Прибалтийском, 2-м Белорусском фронтах. И снова учеба — в военно-политическом училище, Военно-политической академии имени В. И. Ленина и новые должности — замполит полка, заместитель начальника политотдела дивизии, начальник политотдела; служба в аппарате Политического управления Белорусского военного округа, был начальником военно-политического училища.

Партийно-политическая работа для Алексея Николаевича Быкова стала профессией, воспитание воинов в духе преданности Родине, советскому народу — кровным делом.

М. Колпаков

ВЕРНЫЙ СЫН РОДИНЫ

Николай Михайлович Быстрых родился в 1893 году в Перми. Окончив трехклассное училище, он начал работать токарем на Мотовилихинском заводе. В 1911 году Н. М. Быстрых вступил в партию большевиков.

В 1914 году он был призван в армию. Участвовал в боях на Юго-Западном фронте. После ранения Н. М. Быстрых вернулся в Мотовилиху и снова работал токарем, а в декабре 1917 года ушел добровольцем в красногвардейский отряд А. Л. Борчанинова. Активный участник гражданской войны, он прошел путь от рядового красногвардейца до командарма.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с врагами Советской республики, Н. М. Быстрых был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный чекист», именованным оружием.

Н. М. Быстрых умер в 1939 году в Москве.

Передо мной на столе лежит слегка пожелтевшая от времени небольшая фотография человека с мужественным, волевым лицом, в военной гимнастерке с четырьмя ромбами в петлицах и боевыми орденами на груди. На обороте старой фотографии четким, твердым почерком написано: «Моей милой дочери на добрую память. Папа. 1932 год».

Прошло более сорока лет с тех пор, как написаны эти простые и теплые слова. Срок немалый!

Чем он знаменит, этот военный человек со знаками

отличия командарма? Какой хороший след на земле и в памяти людей он оставил после себя? Найденные во время поисков многочисленные архивные документы и воспоминания людей, хорошо знавших Николая Михайловича Быстрых, помогли воссоздать героический образ нашего земляка.

Старая Мотовилиха... На семи холмах-увалах разбросаны крохотные, почерневшие от копоти и дыма домишки. Нестройными рядами сбегают они к пруду и речкам Иве и Мотовилихе. Так выглядел до революции рабочий поселок.

Увалы назывались: Запруд, Висим, Заива, Луга, Вышка... На одном из них — Первой Вышке, позже ставшей знаменитой, в семье токаря Быстрых в конце января 1893 года родился черноглазый мальчик. Его называли Николаем...

Едва Коля окончил начальное училище, как четырнадцатилетним подростком повел его отец на завод и упросил мастера принять сына подручным токаря.

Однажды, в конце апреля 1911 года, к молодому токарю Николаю Быстрых подошел рабочий-большевик Василий Максимович Сивилев, недавно вернувшийся из ссылки, которую он отбывал за участие в декабрьском вооруженном восстании в Мотовилихе, и тихо сказал:

— Вот что, Николай, ты вроде свой парень, наш, приходи завтра к Костареву вечером — побеседуем, поговорим...

И Николай Быстрых пришел на занятие тайного рабочего кружка. Он внимательно и жадно слушал простые, понятные ему слова о партии большевиков, классовой борьбе, революции. Впервые он услышал тогда о В. И. Ленине и его книгах.

Появились у Николая Быстрых и новые товарищи: большевики братья Гребневы — Николай и Алексей, Иван Башков, Николай Гамов. Появились и новые заботы. Он выполнял уже небольшие поручения Сивилева: извещал нужных людей о сходках, распространял среди рабочих листовки и прокламации Пермского комитета РСДРП.

Осенью 1911 года токарь Николай Быстрых стал членом РСДРП и навсегда связал свою судьбу с партией большевиков, оставаясь верным ее сыном до последних своих дней. Началась новая для него жизнь, полная ки-

пучей деятельности, насыщенная тревогами, волнениями и радостями.

Молодой большевик стал подпольщиком, учился искусству конспирации, тайному и незаметному выполнению партийных поручений. Дважды пришлось ему сидеть в пермской тюрьме за свою революционную деятельность, ему грозила ссылка в Сибирь. Но в августе 1914 года началась империалистическая война. Николай Быстрых вместе с другими рабочими был отправлен на фронт и стал солдатом 194-го Троицко-Сергиевского полка.

После третьего ранения в июне 1917 года Н. М. Быстрых был демобилизован и возвратился в Мотовилиху.

На заводе он снова включился в революционную работу, участвовал в подготовке вооруженного восстания, в составе рабочих боевых отрядов разоружал казачьи эшелоны, идущие с фронта, нес караульную службу, выполнял другие боевые задания Мотовилихинского Совета рабочих депутатов.

...Началась гражданская война. В красногвардейском отряде А. Борчанинова воевал добровольцем и Николай Быстрых. Сначала он был пулеметчиком, а потом ротным инструктором и командиром пулеметной команды.

Во многих жестоких схватках и боях с белогвардейцами при подавлении кулацко-эсеровских мятежей и восстаний принимал участие отважный уралец. Смелый, решительный воин Н. М. Быстрых всегда успешно выполнял боевые задания командования.

Вскоре Н. М. Быстрых был назначен сотрудником контрразведки при штабе Красной гвардии, а затем заведующим оперативной частью и членом коллегии Вятской губчека.

В мае 1919 года Реввоенсовет Республики назначил Н. М. Быстрых начальником Особого отдела 3-й армии, сражавшейся с войсками Колчака на Урале и в Сибири.

Трудной была здесь обстановка в то время. На фронтах и в тылу наших войск контрреволюционеры готовили заговоры и выступления против Советской власти. Враги свили гнездо и в штабе 3-й армии. Сюда пробрался колчаковский шпион, бывший офицер старой царской армии, некто Каргальский. Занимая пост начальника автоуправления армии, он вовлек в шпионскую организацию кое-кого из сотрудников других управле-

ний. Через них добывал сведения о частях Красной Армии и передавал их врагу.

Много сил, выдержки и профессионального умения потребовалось начальнику Особого отдела Н. М. Быстрых, чтобы обезвредить вражескую шпионскую организацию. Николаю Михайловичу в то время едва исполнилось 26 лет, но это был уже зрелый чекист.

Весной 1920 года Н. М. Быстрых был назначен начальником Особого отдела 16-й армии, сражавшейся против белополяков на Западном фронте, а в сентябре — начальником Особого отдела 6-й армии Крымского фронта.

За мужество и героизм при ликвидации махновщины Реввоенсовет 6-й армии 10 января 1921 года наградил Николая Михайловича именными часами с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Армии Н. М. Быстрых».

Высокую награду получил Николай Михайлович из рук Ф. Э. Дзержинского, лично вручившего ему почетное оружие — серебряную шашку с памятной надписью: «Николаю Михайловичу Быстрых за храбрость в борьбе с врагами Советской Республики от Феликса Дзержинского. 1921 год».

После окончания гражданской войны Реввоенсовет Республики назначил Н. М. Быстрых начальником Особого отдела Харьковского военного округа, затем начальником первого отделения и членом коллегии ГПУ Украины.

Враги Советской власти избрали новую тактику в борьбе с Советской республикой. Пользуясь еще слабой охраной границ, они забрасывали в нашу страну шпионов и диверсантов. Надо было срочно укреплять государственную границу, и для руководства этим сложным делом необходим был стойкий и волевой человек, большевик-ленинец.

Центральный Комитет партии в 1923 году посылает Н. М. Быстрых на важнейший участок работы — начальником Управления и членом коллегии ГПУ Украины.

Перед Николаем Михайловичем снова встали сложные задачи, их нужно было решать быстро, обдуманно. Он настойчиво и упорно занимался укреплением границ, наводил должный порядок во вверенных ему войсках, часто бывал на пограничных заставах. Личным

примером вдохновляя пограничников, он терпеливо обучал их всем особенностям службы на границе.

Замечательными качествами обладал командующий пограничными войсками. Николай Михайлович был простым, душевным человеком, строгим и требовательным к себе и в то же время внимательным и чутким к красноармейцам и командирам.

В одной из аттестаций на командующего пограничными войсками Украины есть такие слова:

«Н. М. Быстрых поставил на должную высоту охрану Украинской границы. Испытанный боевой командир. Знает и любит военно-чекистскую работу. Обладает инициативой, настойчивостью. Прекрасный товарищ. Пользуется общим уважением работников ГПУ».

В начале 1931 года Н. М. Быстрых был назначен начальником Главного управления пограничных войск СССР.

Тревожные сообщения приходили в то время из Средней Азии. Басмачи, засланные на территорию СССР из Ирана и Афганистана, терроризировали местное население, грабили колхозы, убивали партийных и советских работников, бесчинствовали. Партия направила Н. М. Быстрых на разгром и уничтожение басмаческих банд. С весны 1933 года по 1934 год он возглавлял пограничные войска Средней Азии.

За умелое руководство боевыми операциями против басмачей и проявленные мужество и отвагу Н. М. Быстрых был награжден вторым орденом Красного Знамени и вторым нагрудным знаком «Почетный чекист».

После разгрома басмачей Н. М. Быстрых назначили главным инспектором пограничных войск и внутренней охраны СССР. Этот умелый руководитель, волевой и мужественный военачальник все свои знания, боевой опыт, свой талант отдавал делу служения Родине.

Славный боевой путь прошел Николай Михайлович Быстрых. Он был верным сыном партии и Родины. Светлая память о большевике-ленинце, отважном командаре Н. М. Быстрых дорога нам, уральцам, его землякам.

Б. Грин

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

☆☆☆

Абрам Исаевич Быховский родился в 1895 году в белорусском городке Дубровно. Шестнадцать лет он стал рабочим, затем учился в институте и получил диплом инженера-механика широкого профиля. В 1939 году он вступил в члены КПСС.

В годы первых пятилеток **А. И. Быховский** на руководящей работе в тяжелой индустрии. Длительное время он был директором заводов в Ижевске, а в 1939 году стал директором пермского машиностроительного завода имени **В. И. Ленина**, где проработал тринадцать лет.

В 1942 году **А. И. Быховскому** присвоено звание Героя Социалистического Труда. За большие заслуги в развитии тяжелой индустрии он был награжден тремя орденами Ленина, орденами Суворова 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

А. И. Быховскому присвоено звание генерал-майора инженерно-технической службы. Он был депутатом Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета Удмуртской АССР.

Из Перми **А. И. Быховский** был переведен в Подмоскowie — возглавлял крупное предприятие. Выйдя в отставку, он жил в Москве, где в 1972 году скончался.

☆☆☆

Всемирно известная Мотовилиха, завод-гигант... Металлургические и металлообрабатывающие цехи, необозримый станочный парк, собственный железнодорожный и водный транспорт, многомиллионные денежные обороты, тысячи и тысячи рабочих, инженеров, техников, служащих — людей разного склада, с их заботами и тревогами. И во главе всего этого один человек —

директор. Его приказы приводят в движение людей и технику, он вправе наказать или вознаградить человека, в его власти принять окончательное решение. Велики его права, еще более велика ответственность.

Директоров таких предприятий Серго Орджоникидзе называл капитанами социалистической индустрии.

Быховский всегда считал себя учеником товарища Серго. И всегда помнил урок, преподанный ему любимым наркомом.

Это был поздний, можно сказать, ночной телефонный разговор между Москвой и далеким провинциальным городком, где только что пустили машиностроительный завод. Быховский оказался там в качестве директора «на месяц-другой», как сказали ему в наркомате, до выздоровления инженера, построившего этот завод и уже назначенного его директором. Месяц-другой... Да за такой срок не то что серьезного дела не сделаешь, но и цехи толком обойти не сумеешь. Однако же приказ есть приказ, и он приехал. И вот телефонный звонок...

На проводе был Орджоникидзе. Состоялся примерно такой разговор:

- Здравствуйте, товарищ Быховский!
- Доброго здоровья, товарищ нарком!
- Как у вас идут дела?
- Дела идут хорошо, товарищ нарком.
- Вы в этом уверены?

Ответа не последовало, и Орджоникидзе повторил свой вопрос:

— Вы уверены, что дела у вас идут хорошо? Ответьте!

Лицо мгновенно покрылось испариной, и Быховский рукавом пижамы провел по лбу.

- Отвечаю, товарищ нарком: не уверен.
- Почему же?
- Потому что не успел еще побывать на бирже готовой продукции и лично проверить, как идет отгрузка.
- У вас сейчас близко к полуночи... — в раздумье сказал Орджоникидзе. — А далеко до вашей биржи?
- Десять минут ходьбы, товарищ нарком.

— Вот и отлично, немедленно отправляйтесь, лично проверьте и ровно через час позвоните мне в наркомат.

Ровно через час телефонистка соединила Быховского с Москвой, а Москва — с Орджоникидзе.

— Ну, так как у вас идут дела? — с усмешкой спросил нарком.

— Дела идут хорошо, товарищ Серго!

— Вы в этом уверены?

— Уверен, товарищ Серго!

— Вот и отлично, товарищ Быховский, теперь и я в этом уверен.

То был урок начинающему руководителю, рассчитанный на благодатную почву. Орджоникидзе не ошибся: почва действительно оказалась благодатной.

Быховский сделал для себя важные выводы. Во-первых, постиг он, что руководитель обязан досконально знать положение дел в своем хозяйстве («Вы в этом уверены?»). Во-вторых, надо быть решительным и твердым («...Немедленно отправляйтесь... проверьте, позвоните...»). В-третьих, необходимо уметь доверять людям («...Теперь и я в этом уверен»).

Без малого за четверть века, прошедших после памятного разговора с Орджоникидзе, Быховский всего три или четыре раза рассказывал о нем людям. Зато, будучи директором, он не уставал повторять три заповеди руководителя: «Знание, решительность, доверие».

Какие чувства испытывал Быховский, приехав в Мотовилиху и впервые опустившись в директорское кресло? Ведь тремя годами раньше на заводе завершили реконструкцию, и стал он заводом заводов, связав себя прочными нитями с предприятиями, набиравшими мощност, с важнейшими пусковыми объектами, чья судьба была определена правительственными решениями. Плюс к тому возросший план по выпуску основной продукции; за нее придется отчитываться в самых высоких инстанциях, где никакие оговорки не будут приняты в расчет... За все это отвечать директору. Не промахнулся ли он, взвалив на себя такой груз?

Быховский долго сидел за столом, подперев кулаком подбородок. Он, похоже, забыл, что часы его директорства пущены и уже отсчитывают время. Но именно в эти минуты невидимо свершалась необходимая работа ума, происходила та самая настройка, без которой немислим первый ответственный шаг.

В свои сорок четыре года он прошел путь, которого иным хватило бы на две жизни. Подростком поступил на фабрику, работал и учился, в возрасте, когда обыч-

но кончают институт, сел на вузовскую скамью, потом снова пришел на завод, уже инженером; был мастером, начальником цеха, стал директором; не один месяц прожил в Германии, проходя практику на заводе крупновского концерна; возвратившись на Родину, опять возглавил большое дело, потом стал руководителем, как он шутя говорил, «Ижконцерна».

Он никогда не думал, что покинет Ижевск и переедет в Пермь. Зачем? Дела шли превосходно, под его руководством был освоен выпуск важнейших видов продукции. Предстояло выдвижение в наркомат, к чему он, правда, не стремился, его отмечали наркомовскими премиями. Уйти от всего этого?

Но на него уже был «нацелен глаз». Прослышав о Быховском, первый секретарь только что созданного Пермского обкома партии Николай Иванович Гусаров потерял покой. Вот кого нужно директором на Мотовилиху! У Быховского, говорят, обширные знания, он, говорят, человек решительный, ему, говорят, присуще очень хорошее качество — доверие к людям. Его и только его!

Так Абрам Исаевич оказался в директорском кресле Мотовилихи.

...Он долго сидел, подперев кулаком подбородок, потом решительно встал, надел фуражку и, крупно шагая, направился осматривать цехи.

Что такое завод?

На этот вопрос каждый ответит по-своему. По-своему отвечал на него и Быховский. Обладая умением масштабно мыслить, он считал, что завод — это как бы цех государства, живая клетка гигантского организма страны. Для того чтобы этот организм непрестанно креп, должна крепнуть и каждая его клетка. Значит, недопустимы застой и преждевременное старение, необходимы движение, широкий шаг, рост.

Из этого суждения руководитель завода делал практический вывод: никакого местничества, на первом плане — государственные интересы; им должна быть подчинена вся деятельность завода.

Но кто конкретно призван блюсти интересы государства? Директор? Да. Партийный комитет? Само собой разумеется. Однако же в самую первую очередь это дело

коллектива завода. Выходит, надо добиваться сплоченности рабочего коллектива. Только сплоченность ведет к глубокому пониманию и верному решению выдвинутых жизнью задач.

Что касается директора, он ни в коем случае не должен быть над коллективом. Только с коллективом! Руководитель — единоначальник, слово его — закон, но чтобы стать таковым, оно не должно расходиться с делом. Требовательность — не одностороннее понятие, надо уметь быть требовательным к самому себе. Тогда и подчиненные будут исполнительны, инициативны.

Эти принципы, которых придерживался Быховский, в полной мере отвечали духу решений XVIII съезда партии. Шел 1939 год, и коллективу завода предстояло на деле осуществлять указание съезда о дальнейшем росте технического вооружения всех отраслей народного хозяйства страны.

В условиях Мотовилихи эта задача не была однозначной. С одной стороны, надо было технически перевооружать свой завод, с другой — помочь сделать это же самое на многих других предприятиях, поскольку Мотовилиха располагала богатыми возможностями. Нельзя было медлить с выполнением заказов угольщиков, нефтяников, химиков — у них были свои очень большие планы.

На этом пути у рабочих Мотовилихи вырабатывалось драгоценное чувство коллективизма, личной ответственности за положение дел в стране. Любое задание воспринималось ими с большой заинтересованностью.

Курс, взятый в предвоенные годы коллективом завода и его директором Быховским, оказался плодотворным. Со всей очевидностью это подтвердилось во время Великой Отечественной войны, когда завод стал работать по заданиям Государственного Комитета Обороны. Не было такого задания, с которым бы мотовилихинцы не сумели справиться.

На исходе 1942 года перед заводом была поставлена задача особой важности. Надо было освоить выпуск новых образцов боевой техники. Верховное Главнокомандование намеревалось направить эту технику против новейших танков и штурмовых орудий гитлеровской армии.

Задача осложнялась тем, что времени было в обрез. Конечно, в довоенных условиях все бы шло своим чередом: разработка новой технологии, пусковой период и пе-

риод освоения. Но фронт торопил, руководствоваться прежними нормами было невозможно. И тогда директор, партийный комитет, рабочий коллектив решили перестроить производство в небывало короткие сроки, чтобы как можно раньше начать выпуск новой боевой техники.

В битве на Курской дуге враг в полной мере узнал ее сокрушающую мощь. Один за другим на фронт уходили груженые эшелоны. Смертоносный огонь уничтожал живую силу, батареи, танки, укрепления гитлеровцев.

У завода были обязанности и другого рода. На его базу опирались многие предприятия, эвакуированные из временно оккупированных областей. Он обеспечивал полуфабрикатами большинство заводов, работавших для нужд фронта, снабжал их сталью и прокатом. Неоценимой была его помощь шахтам, нефтепромыслам, колхозам.

В те грозные дни директор завода Быховский крепко держал в руках все нити управления огромным предприятием. Его авторитет был непоколебим, его приказы выполнялись безоговорочно. По представлению Государственного Комитета Оборона он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Показательна и другая сторона деятельности коллектива завода и его руководителя. Создавая боевую технику для фронта, мотовилихинцы ни на один день не прекращали соревнование за высокую эффективность своего производства, начатое ими еще в предвоенные годы. Продолжался поиск резервов повышения производительности труда, улучшалось использование металлургических агрегатов и станочного парка. Только за три военных года рационализаторы сберегли 65 миллионов рублей, фронтовые бригады сэкономили десятки тысяч тонн стали и проката, уменьшили расходы цветных металлов.

Работа днем и ночью, круглые сутки. Все мысли о работе, о заводе. Ведь это фронт за линией фронта, и коллектив завода — боевое соединение, участвующее в решении единой стратегической задачи. Рабочий — словно солдат, инженер — словно офицер... И было естественно, что в один из будничных дней Быховский появился на заводе в военной форме. Ему было присвоено звание генерал-майора инженерно-технической службы.

Трудовой подвиг коллектива Мотовилихи получил достойную оценку. Многие рабочие и специалисты были на-

граждены орденами и медалями. Высокие правительственные награды увенчали заводское знамя. Тех же орденов, что и завод, был удостоен его директор.

Через несколько дней после победного салюта в адрес Быховского и других руководителей завода поступила телеграмма, в которой Государственный Комитет Обороны исключительно высоко оценил деятельность коллектива Мотовилихи: «Ваш самоотверженный труд оказал большую помощь нашей Красной Армии в разгроме гитлеровской Германии и победоносном окончании войны».

Директор завода был счастлив.

В распахнутую дверь балкона врвался многоголосый шум летнего московского дня. Он сопровождал весь наш долгий разговор, и теперь, когда я вспоминаю неторопливую и чуть глуховатую речь Быховского, слышится мне она на фоне веселого воскресного гула, доносившегося к нам с проспекта Мира.

Быховский встретил меня при полном параде — в генеральском мундире, со всеми орденами и Звездой Героя, энергично пожал руку и пригласил к столу.

— Как там поживает Пермь, милая Мотовилиха? — задал он первый вопрос и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Это были лучшие мои годы, несомненно, лучшие годы. Нет, нет, не подумайте, что я совершил там «революцию», ничего подобного. Просто я понял коллектив, а коллектив понял меня, и возникло то самое «то», которое делает чудеса. Золотой народ на Мотовилихе!..

Трогательные эти слова стоили ему усилий. Он никогда не отличался красноречием, говорил сдержанно и кратко, и я понял, что его порыв объясняется глубоким волнением. Как преображают человека воспоминания! Все, что давным-давно ушло, он переживает заново.

Генерал сидел прямо, чуть склонив свою седую голову, рука его недвижно лежала на скатерти.

— Что же это я, — встрепенулся Быховский, — звал земляка, а сам — о своем?.. Да вы угощайтесь, вот это попробуйте непременно.. Или у вас ко мне вопросы?

Вопросов набегало множество. Сам облик этого человека, несмотря на его обыденную простоту, всегда казался мне загадочным. Он был причастен к таким делам во время войны, к таким событиям более позднего времени, его душа вместила и успокоила столько страстей! Каждую встречу с ним я старался использовать так, чтобы

хоть чуточку продвинуться по извилистой тропке узнавания.

— Вам, сугубо штатскому человеку, присвоено генеральское звание, — начал я свой вопрос, — как вы это восприняли?

Он усмехнулся, покачал головой.

— Как воспринял? Как должное, очевидно. Даже не знаю, что сказать... Думаю, не переменялся. Отношения с коллективом стали, пожалуй, даже более сердечными.

Он вышел в другую комнату, погремел ящиками письменного стола и вернулся с листком бумаги в руке.

— Вот, храню с незапамятных времен. Дорого мне это.

Я взял у него листок и прочитал:

«Дорогой товарищ генерал Абрам Исаевич! Разрешите пригласить Вас на нашу с супругою золотую свадьбу. Будешь дорогим гостем, Абрам Исаич, мы же с тобой заводские...»

Да, это был красноречивый человеческий документ.

Все мечтал Быховский побывать в Перми, подышать воздухом Мотовилихи, увидеться со старыми товарищами. Времени у него было достаточно, но задумал он объездить столицы всех союзных республик и тщательно осуществлял свой план. Мимо Перми проходили его маршруты.

Только накануне столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина он внес в свой план поправку. Приехал на Курский вокзал, сел в фирменный поезд «Кама» и отправился в Пермь.

Завод, встречи, приемы, прогулки по городу, театр, телевидение — Быховский и не предполагал, что эти несколько дней будут уплотнены до предела.

Но главным для него все же был завод, встреча с незабываемым прошлым, восхищение настоящим. Он узнавал и не узнавал многих своих товарищей, из тайников памяти извлекал забытые имена и фамилии, припоминал эпизоды тридцатилетней давности. Его одолевали вопросами: «А помните?..» И он отвечал: «Еще бы!»

Накануне отъезда Быховский улучил момент и один, без сопровождающих, приехал в район Мотовилихи. Он выбрался из машины, прошел сотню шагов и остановился на взгорье, откуда хорошо виден завод.

Родной завод, с которым были связаны лучшие годы...

А. Ломаев

ДВАЖДЫ ЧЕРЕЗ СИВАШ

Павел Михайлович Волосатых родился в 1897 году в городе Усолье Пермской области. В 1916 году он был призван в армию, служил на подводной лодке. Был командиром Ревельского красногвардейского отряда, участвовал в разгоне Учредительного собрания, был помощником начальника отряда особого назначения, участвовал в боях против кайзеровских войск под Псковом, затем воевал на Южном и Северо-Кавказском фронтах.

В годы Великой Отечественной войны П. М. Волосатых командовал 1127-м стрелковым полком 337-й стрелковой дивизии на Южном фронте, затем возглавил 335-ю стрелковую дивизию на Юго-Западном фронте, воевал в Крыму, участвовал в Берлинской операции.

П. М. Волосатых награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 3-й степени. Звания Героя Советского Союза и генерал-майора ему присвоены в 1944 году.

П. М. Волосатых умер в 1956 году в Киеве.

Девятнадцатилетним пареньком Павла Волосатых призвали в армию. Шла империалистическая война. Его, как опытного речника, определили во флот, в подводники. Недолгое учение в Ревельском отряде, и он — рулевой подводной лодки «Кугуар».

Павел Волосатых родился в Усолье, известном своими соляными варницами. Отец его работал кочегаром на солеварне, мать — соленокской. Отец умер рано, в 1902 году. Павел окончил двухклассное училище, носившее

громкое название — министерское. Вот и все его образование. В двенадцать лет он начал работать на пароходах. Надо было кормиться, а зимой на реке не заработаешь, и Павел приехал на Мотовилихинский завод. Но вскоре его призвали на флот.

Моряки-балтийцы всегда отличались организованностью и революционным духом. Они поддержали февральские выступления большевиков, активно участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции. Мог ли вчерашний рабочий остаться в стороне от кипящих страстями революционных событий? Конечно, нет! После победы Октября Павел Волосатых вступил в партию большевиков. В 1918 году П. М. Волосатых командует ротой красногвардейцев Ревельского отряда, участвует в разгоне контрреволюционного Учредительного собрания.

На Южном фронте он сражался против войск Краснова, Деникина, с белоказаками.

На судах Донской и Волжско-Каспийской флотилий он участвовал в обороне Царицына, был комиссаром судов среднего Дона в составе 10-й армии. С октября 1919 года П. М. Волосатых был агитатором политотдела Волжско-Каспийской флотилии, а затем комиссаром военных заводов в Астрахани. Героической обороной этого города руководил С. М. Киров.

В феврале 1920 года произошла их встреча. Сергей Миронович изложил командиру отдельного батальона флотилии важную задачу — обеспечить вывоз горючего и смазочных материалов из Гурьева, где были немалые запасы нефтепродуктов. В них нуждалась армия и страна. Нужно было не только найти нефтеналивные суда, тару под нефть и мазут, но и обеспечить работу изношенных судов. Почти полгода П. М. Волосатых помогал вывозить нефтепродукты. А с июля 1920 года воевал на Северном Кавказе — был начальником штаба 1-й бригады морской дивизии, командиром 7-й бригады и 3-го Волжского полка 9-й армии.

В 1921—1922 годах П. М. Волосатых был комиссаром артиллерийского инженерного управления Перекопско-Сивашского укрепрайона. Думал ли тогда комиссар, что через двадцать два года все эти знания пригодятся ему при форсировании Сиваша полками 263-й дивизии, командиром которой он был?

Бои на Южном фронте с конца 1941 года были тяжелыми. Наши части отступали, позади остался Ростов-на-Дону. 1127-й полк 337-й стрелковой дивизии, которым командовал П. М. Волосатых, вместе с другими частями оборонял восточные районы Донбасса. Затем в течение года он командовал стрелковыми полками 150-й и 335-й дивизий. В тяжелых и упорных боях он вновь показал свое умение руководить людьми и личную храбрость. Летом 1942 года он вывел из окружения 1500 солдат и офицеров соседней 4-й дивизии в районе города Изюм. Прижатые к Северному Донцу, они под руководством Павла Михайловича не только пробились к своим, но и вместе с 1118-м стрелковым полком, которым он командовал, окружили и взяли в плен 5000 фашистов, в том числе 150 офицеров и двух генералов.

Затем были ожесточенные бои в Сталинграде. Полк П. М. Волосатых сражался на внешнем кольце окружения сталинградской группировки. Закрепившись в районе Котельниково, бойцы утром готовились атаковать фашистов. Проверая готовность воинов к предстоящему бою, П. М. Волосатых обратил внимание на то, что вражеские самолеты снижаются за соседней возвышенностью. Разведка подтвердила его предположение — неподалеку расположился вражеский аэродром. Павел Михайлович принял решение — захватить аэродром.

Неожиданная атака застала противника врасплох. Все фашистские самолеты были уничтожены.

В июне 1943 года П. М. Волосатых был назначен командиром 263-й стрелковой дивизии, с которой он прошел по многим фронтовым дорогам.

К весне 1944 года наши войска очистили от фашистов Донбасс, форсировали Днепр и изолировали крымскую группировку врага. И, как в гражданскую войну, снова перед командиром дивизии предстал Сиваш — Гнилое море. Знал командир хорошо эту местность. Знал и жителей этого района. Они помогали М. В. Фрунзе в 1920 году, помогли и теперь перейти Сиваш — были проводниками.

Форсировав Сиваш, дивизия вышла в тыл чонгарско-перекопской группировки. Последовал стремительный бросок на Симферополь и далее — на юг и запад. Крым снова стал советским.

И опять новое назначение — заместителем командира

40-го стрелкового корпуса 2-го Белорусского фронта. Павел Михайлович дошел до Берлина вместе со своим корпусом и другими частями. Участвовал в боях до последнего дня войны.

Вся его жизнь была связана с Советской Армией. Но три войны, ранения оставили свой след: в 1950 году он ушел в отставку.

И. Кондауров

**В ОТВЕТЕ
ЗА ВСЕ**

☆☆☆

Владимир Никитович Глазунов родился в 1901 году в Калининской области. Член КПСС с 1925 года.

В годы гражданской войны он служил кавалеристом в Красной Армии. После демобилизации работал печатником в типографии газеты «Правда». В 1933 году окончил Московский энергетический институт.

В. Н. Глазунов был начальником политотдела МТС, партгором завода, вторым секретарем Свердловского райкома партии города Москвы, первым секретарем Пермского горкома и вторым секретарем обкома КПСС. В сентябре 1941 года В. Н. Глазунов ушел на фронт. Он был заместителем начальника Политуправления Северо-Западного, а позже — начальником Политуправления Юго-Западного фронтов. В 1953 году он окончил Академию Генерального штаба. Позднее служил в Южной группе войск в Венгрии.

Звание генерал-майора ему присвоено в 1944 году.

В. Н. Глазунов награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями.

В 1960 году генерал-майор В. Н. Глазунов ушел в запас, он живет в Москве, много сил отдает общественной работе, являясь заместителем председателя совета ветеранов Северо-Западного фронта.

☆☆☆

Вот уже более тридцати лет Владимир Никитович Глазунов бережно хранит документ, мандат делегата XVIII съезда Коммунистической партии. Он начинается словами, известными трудящимся всего мира:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»
Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
Мандат № 0632

Предъявитель сего тов. Глазунов В. Н. избран делегатом на XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) от Пермской организации с правом решающего голоса.

Председатель мандатной комиссии».

Быть делегатом столь высокого форума партии — большая честь для каждого коммуниста. К тому же с мандатом связана особая страничка в личной жизни Владимира Никитовича — уральская, чем он всегда гордится.

...Март 1938 года. Второй секретарь Свердловского райкома партии города Москвы Глазунов вернулся к себе в кабинет после заседания бюро райкома партии. Бюро представило к награде коммунистов, добившихся высоких результатов в строительстве Метрополитена. К правительственной награде представлен и он, ведающий вопросами промышленности района. Эту высокую оценку хотелось оправдать новыми делами.

Владимир Никитович подошел к окну. Склонявшееся к закату весеннее солнце осветило его фигуру. Со стороны нельзя было не залюбоваться им: среднего роста, широкий разворот плеч, под копной пышных черных волос высокий лоб, в глазах одновременно — доброта и твердость, на губах мелькала улыбка, располагающая к нему людей.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Вызывали в ЦК партии. Вошел он туда москвичом, а вышел уральцем — членом оргбюро Центрального Комитета партии по созданию Пермской области.

...29 марта состоялся пленум Пермского горкома партии. В. Н. Глазунов был избран в состав бюро и первым секретарем горкома.

3 октября 1938 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Пермской области. Она выделялась из состава Свердловской области. Город Пермь становился областным центром.

Члену оргбюро В. Н. Глазунову приходилось одновременно заниматься и вопросами открытия первой Пермской областной партийной конференции. Она состоялась в марте 1939 года. Владимир Никитович на конференции был введен в состав обкома и избран делега-

том с правом решающего голоса на очередной съезд партии. На первом пленуме его избрали членом бюро и вторым секретарем обкома партии. С XVIII съезда КПСС он вернулся с орденом Трудового Красного Знамени.

В должности второго секретаря обкома партии Владимир Никитович проработал больше года. Затем был направлен на учебу в Высшую партийную школу.

Когда началась Великая Отечественная война, В. Н. Глазунов обратился в ЦК партии с просьбой направить его на фронт. Но положительный ответ получил не сразу. Причина выяснилась позже.

...Лента проселочной дороги упиралась в край леса. Полковой комиссар Глазунов ехал в штаб Северо-Западного фронта, который находился под Валдаем.

Неожиданно со стороны леса появился фашистский самолет. Спикировав, он сбросил две бомбы. «Эмку», в которой рядом с шофером сидел Владимир Никитович, вздыбило и бросило в сторону. Но шофер сумел справиться с управлением, выровнял машину и дал полный газ. Глазунов ударился о что-то твердое и очнулся только тогда, когда «эмка» уже стояла на противоположной стороне леса.

К машине бежала группа красноармейцев во главе с лейтенантом. Глазунов поднялся навстречу.

— Я вновь назначенный заместитель начальника Политуправления Северо-Западного фронта, — представился он.

Офицер доложил о том, что часть их выходит из окружения. Командный состав и многие бойцы погибли, есть раненые. Противник неотступно их преследует.

Нарастающий гул моторов прервал доклад. Надо было действовать немедленно и решительно. В. Н. Глазунов приказал построить весь личный состав части. Зычный голос лейтенанта, казалось, взбудоражил всю округу. Бойцы спешно строились. Подходили и раненые. Всего было около двухсот человек.

В конце строя он увидел людей с противотанковыми ружьями и артиллеристов с двумя пушками. У них в запасе были патроны и снаряды. Это окрылило полкового комиссара.

— Коммунисты, вперед! Раненых в тыл! Их оружие передать тем, у кого его нет. Занять оборону! — приказал Глазунов.

Все бросились к речке. Окопались. И только заминировали единственный мостик через речку, появились фашистские машины с солдатами. Скаты передней машины коснулись моста. Раздался взрыв. Колонна остановилась. Гитлеровцы, соскочив с машин, залегли и открыли сильный автоматный огонь. Обходя колонну, к речке двинулись танки. Их тоже встретили дружным огнем. Клубы дыма окутали сначала один, затем второй, третий фашистские танки. Гитлеровцы отпрянули назад.

— Враг, — вспоминает Владимир Никитович, — рвался отчаянно. Но и мы не уступили ему в стойкости.

Так началась боевая биография В. Н. Глазунова. Член Военного совета В. Н. Богаткин встретил его тепло и поблагодарил за воинскую находчивость, проявленную в той схватке с противником.

Сложность обстановки первых месяцев войны бросала Владимира Никитовича с одного участка фронта на другой. И так уж складывалось, что он попадал чаще туда, где было больше трудностей.

Противник наступал.

Его части после захвата Калинина попытались развить наступление на Торжок и выйти в тыл войскам Северо-Западного фронта.

Чтобы разрушить замысел врага, была создана оперативная группа наших войск. Ее комиссаром был назначен В. Н. Глазунов.

Особенно сложной для оперативной группы оказалась обстановка на заключительном этапе боевых действий. 185-я стрелковая дивизия, входившая в группу, сражалась на правом крыле. Она должна была стремительным ударом во фланг расчленить силы противника, замкнуть кольцо окружения и принудить врага к капитуляции. Но этого не произошло. Более того, противник своими активными действиями сам создал обстановку почти полного окружения этого соединения.

В. Н. Глазунов в сопровождении двух штабных работников спешно прибыл на участок боевых действий. В полках беседовал с командирами, политработниками, с личным составом. Потребовалось почти двое суток, чтобы дивизия выполнила стоящую перед ней задачу.

А Владимир Никитович в штабе фронта снова решал неотложные задачи. Фронт крайне нуждался в улучшении снабжения продовольствием, обмундированием, во-

оружием. Об увеличении централизованных поставок в те дни не могло быть и речи. Решением этой проблемы было поручено заняться Глазунову.

...Новогодняя ночь 1942 года. Полковой комиссар В. Н. Глазунов вышел из вагона поезда, остановившегося на станции Пермь.

«Нет, не откажут пермяки в просьбе фронта», — решил Владимир Никитович. Рано утром его принял первый секретарь обкома партии Н. И. Гусаров. Они расцеловались. Николай Иванович интересовался делами на фронте и очень скоро понял, с чем же пожаловал гость.

— Вот что, дорогой комиссар, сейчас пойдем по заводам, заглянем в колхозы. Побеседуем с людьми. А вечером посоветуемся с членами бюро обкома.

Возвращался Глазунов на фронт в приподнятом настроении. Не обманулись его надежды. Пермяки не только выделили помощь, но и решили поддержать предложение о начале соревнования тружеников тыла с фронтовиками.

Тогда же выяснилась и причина с задержкой его выезда на фронт. Оказалось, что и Н. И. Гусаров тоже подал заявление в ЦК с той же просьбой. Но Центральный Комитет мог удовлетворить просьбу только одного из них. С получением предварительного согласия Гусаров не замедлил сшить себе военную форму.

— И даже примерил ее, — улыбаясь, сказал на прощание Николай Иванович. — Но, видимо, генералом суждено все же стать тебе.

Почти сразу же после возвращения из тыла в распоряжение фронта стали поступать вагоны с одеждой, продовольствием, вооружением. Теперь Владимир Никитович занимался уже знакомыми ему делами — формированием и отправкой в тыл врага партизанских отрядов особого назначения. Ранее сформированные под его руководством такие отряды активно действовали в Новгородской, Псковской, Калининской и других областях. Тогда-то и родилась у него мысль — послать осажденному Ленинграду продукты. Его инициативу одобрил Военный совет фронта.

...Наступила весна 1942 года. Подсохли дороги. На стол Глазунова стали ложиться донесения: «Старушка» двинулась в путь», «Старушка» пересела на скорый», «Старушку» встретили хорошо». Это означало: двести

подвод с продовольствием в пути, груз перекачивали на автомашины, ленинградцы благодарят за помощь.

За успешное осуществление этой операции партизаны, в том числе и Владимир Никитович, были отмечены правительственными наградами.

Едва политработник В. Н. Глазунов успевал решать один вопрос, как наплывали другие, не менее важные, не менее трудные. Но и это не страшило его. Владимир Никитович всегда исходил из того, что трудности легче преодолевать, когда к делу подходишь с огоньком, когда опираешься на коллектив. Его личные качества ценились высоко. Он был выдвинут на должность начальника Политуправления Юго-Западного фронта. Вскоре ему было присвоено генеральское звание.

И в послевоенные годы В. Н. Глазунов продолжал службу в армии.

Сейчас он на заслуженном отдыхе. Сказываются ранения, перенесенные нелегкие операции. Но отдых его относителен. То и дело в его квартире раздаются телефонные звонки. Ветераны войны, молодежь ждут встреч с ним. Владимиру Никитовичу есть что рассказать о себе, о своих боевых друзьях. Глазунов и теперь считает, что ему есть дело до всего и за все он в ответе.

А. Ожегов

ПО ВРАЖЕСКИМ ТЫЛАМ

☆☆☆

Василий Сергеевич Головской родился в 1895 году в городе Богородицке Тульской области. Военскую службу начал с 1915 года в стрелковых частях.

В 1918 году он добровольно вступил в Красную Армию и был направлен на кавалерийские курсы. Затем командовал эскадронам в 8-й армии Южного фронта. Участвовал в боях против армии Врангеля, отрядов Махно, воевал с басмачами. В период сражений на Халхин-Голе был командиром полка 22-й кавалерийской дивизии. В 1944 году В. С. Головской назначен командиром 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, участвовавшего в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии.

В. С. Головской награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды, венгерским орденом Знамени Республики 1-й степени, медалями, удостоен звания почетного гражданина Братиславы.

Звание генерал-майора ему присвоено в 1942 году. В том же году он стал коммунистом.

После войны В. С. Головской окончил Высшие академические курсы при Академии Генерального штаба и был назначен заместителем начальника Высшей офицерской кавалерийской школы. После выхода в отставку В. С. Головской жил в Перми.

В. С. Головской умер в 1975 году.

☆☆☆

Война ничем не «обделила» Василия Сергеевича Головского. Она сразу навалилась всеми своими тяготами в самые же первые недели. В начале июля на Кубани

спешно формировалась 50-я кавалерийская дивизия под командованием генерала И. А. Плиева. Вот в этой-то дивизии В. С. Головскому и было поручено формирование 37-го полка.

Казаки издревле легки на подъем, и дивизия была сформирована быстро. Вскоре она уже отправилась на Западный фронт и вступила в сражение на Смоленском направлении. В первом же бою полковник Головской был тяжело ранен.

Затем В. С. Головского назначили командиром 79-й кавалерийской дивизии. Воевал он на Южном фронте. В апреле 1942 года принял командование 30-й кавалерийской дивизией.

Много выпало испытать конникам 30-й вместе с ее командиром. Но, верно, ни у кого из оставшихся в живых не изгладится в памяти августовское отступление через Главный Кавказский хребет. Вечно снежный заоблачный Марухский перевал и для нынешних-то туристов, специально экипированных, считается не из легких. А тогда его преодолела целая дивизия. Да какая: кавалерийская. С конями, с артиллерией, с боеприпасами.

Я не мог видеть Василия Сергеевича на фронте, поэтому воспользуюсь характеристиками авторитетных людей, хорошо знавших его в те годы. И прежде всего, конечно, воспоминаниями дважды Героя Советского Союза генерала армии И. А. Плиева. Вот что писал Исса Александрович:

«Василий Сергеевич — мой старый сослуживец. Еще в начале войны, когда формировалась на Кубани 50-я кавалерийская дивизия (под Москвой ей было присвоено наименование 30-й гвардейской), Головской прибыл ко мне на должность командира 37-го кавалерийского полка. В первых же боях в лесах Смоленщины полковник Головской при прорыве через большак Борки — Жарковский был тяжело ранен. И вот уже генерал, командир дивизии.

Комдив 30-й был из тех командиров дивизий, которые очень надежны в обороне. У него всегда все до конца продумано: каждая складка местности грамотно использована в интересах обороны, каждый танк и самоходка, орудие, миномет, пулемет и автомат, все инженерные заграждения расставлены и оборудованы так, что нечего улучшить. Он хорошо и своевременно разгадыва-

ет тактические ходы противника и не упустит его оплошности, умело маневрирует своими силами и средствами, смело проводит контратаки».

Как рассказать о боевом генерале? Видимо, прежде всего следует описать боевые действия подразделений, которыми он командовал. Лучше всего рассказать о Березнеговато-Снигиревской операции конно-механизированной группы в марте 1944 года.

Почему именно об этой операции? Ведь были и другие блестящие рейды, великолепные победы. Причин несколько. Ну, хотя бы потому, что этот рейд был первым, когда кавалерия корпуса действовала в оперативной глубине противника. Еще и потому, что «первый блин» не получился «комом»: все три дивизии корпуса действовали очень успешно.

В ночь на 28 февраля 4-й кавалерийский корпус совершил шестидесятикилометровый ночной марш из района Никополя на северо-запад, на исходные позиции.

Из данных разведки было известно, что к началу марта 6-я фашистская армия — «армия мстителей», как ее называли гитлеровцы, — насчитывала семь корпусов. В Новом Буге находилась и оперативная группа штаба во главе с командиром генерал-полковником Холлидтом. Перед нашими войсками была поставлена задача: разгромить вражескую группировку.

Днем 2 марта резко потеплело. Несмотря на трудности перехода, к утру 3 марта в этом районе сосредоточились все войска конно-механизированной группы. Прорыв должна была осуществить 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова.

К утру 5 марта оборона фашистов была прорвана, и конно-механизированная группа получила приказ, не ожидая полного прорыва, захватить крупный населенный пункт Троицко-Сафоново.

Не успел передовой отряд пройти и трех километров, как наткнулся на хорошо организованную оборону противника в селе Вольная Карповка. Генерал приказал командиру полка оставить небольшое прикрытие и, обойдя село стороной, продолжать движение. Кавалеристы в течение всей ночи, подавляя отдельные очаги вражеской обороны, с ходу захватывали деревеньки и, обходя сильно укрепленные опорные пункты врага, продвигались в направлении Нового Буга.

Бои шли всюду: перед фронтом наступления, на флангах, в тылу. Конная группа рвалась все дальше и дальше в оперативную глубину «армии мстителей».

В Троицко-Сафоново части 30-го армейского корпуса генерала фон Эдельхайма оказали упорное сопротивление. Но и этот узел был взят настолько стремительно, что даже в штабе Холлидта об этом ничего не знали. Фашисты выслали самолеты и старательно бомбили подходы к Троицко-Сафоново, в то время как части конно-механизированной группы уже давно были в селе.

Первый этап общей задачи был выполнен, 6-я армия противника в основном была рассечена на две части и пути отхода ее к Новому Бугу отрезаны. Теперь для незадачливых «мстителей» встала другая задача: как спасти армию от очередного разгрома?

До Нового Буга оставалось не более двадцати километров. А пока в штабе врага не опомнились, надо развивать успех, нанести решающий удар — прорваться через густую сеть опорных пунктов и на рассвете 7 марта атаковать город со всех сторон.

В связи с этим генерал Головской получил боевое распоряжение штаба конно-механизированной группы: его дивизия со средствами усиления должна совершить обходной маневр с юга через Скобелево и нанести удар частью своих сил по южной окраине Нового Буга, а главными силами перерезать дороги, идущие из города на запад, воспрепятствовать отходу частей фашистского гарнизона за реку Ингул и в то же время не допустить подхода свежих резервов с запада.

Генерал Головской поставил перед своими частями боевые задачи: 138-й полк со средствами усиления должен овладеть южной окраиной города, 133-й, обойдя город с юга, перерезать дорогу, идущую на запад, а также занять переправу через Ингул у села Софиевка, 127-му полку было приказано двигаться во втором эшелоне за стыком полков второго эшелона и быть готовым прийти на помощь первым двум полкам.

После сильного огневого налета 138-й полк атаковал южную окраину города. Внезапность была полнейшая. Противник в панике начал отходить, и полк ворвался в город. Однако, опомнившись от первого потрясения, фашисты стали оказывать упорное сопротивление. Наступле-

ние замедлилось. Тогда Головской ввел в бой 127-й полк с танками и артиллерией.

Штурмовыми действиями оба полка стали отбивать у противника квартал за кварталом. Противник откатывался в центр. Но судьба города была решена.

Успешно выполнил свою задачу и 133-й полк: дорога на запад была перекрыта.

Утром 7 марта Новый Буг был окончательно очищен от врага. Противник бросил в городе много боевой техники. Одних автомашин было около двух тысяч. На станции были захвачены эшелоны с горюче-смазочными материалами, продовольствием, шесть складов с боеприпасами, элеватор, заполненный зерном.

Вот только генерала Холлидта захватить не удалось. Уже во второй половине ночи он успел-таки выскользнуть в Николаев. Поезд штаба армии фашисты отправить не успели и подожгли по приказу Холлидта. Но кое-какие документы все же оказались в руках разведчиков. Среди них приказ командира 30-го армейского корпуса. Генерал требовал от командиров дивизий ответа на вопросы: почему местный прорыв распространился столь быстро и перерос в общий? Что привело к такому беспорядочному отходу? «Кроме того, — говорилось в этом документе, — согласно приказу господина командующего, командиру 16-й дивизии провести следствие по ходу прошедших боев. Виновные командиры должны быть осуждены Военным судом соответственно их положению».

Генерал не успел получить ответы: гитлеровцы поспешно отступали.

В адрес частей, успешно выполнивших боевую задачу, пришла тогда телеграмма от С. М. Буденного. Он писал:

«Поздравляю весь личный состав с блестящей победой, одержанной вами в районе города Новый Буг... Блестящие действия казаков-кубанцев по разгрому немецко-фашистских войск будут вписаны золотыми буквами в историю Красной кавалерии...»

Несколько месяцев спустя после боев за Новый Буг дивизия Головского отмечала трехлетие со времени своего формирования. Корпусная газета «Казак-гвардеец» 17 августа 1944 года была от первой до последней строчки посвящена боевым действиям дивизии.

В передовой говорилось:

«Сегодня четырежды орденосные подразделения тов. Головского отмечают третью свою годовщину.

Рожденные в огне Отечественной войны, они с боями прошли свыше 14 тысяч километров. Более 28 тысяч трупов вражеских солдат и офицеров остались на этом легендарном пути конников. Девять благодарностей от Верховного Главнокомандующего, девять салютов столицы нашей Родины Москвы, звание Новобугских, ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова».

Всего же соединение генерала Головского за время войны получило тринадцать благодарностей Верховного Главнокомандующего, и столько же Москва салютовала доблестным кавалеристам-гвардейцам.

С. Мокроусов

СЫН ЧАПАЕВЦА

☆ ☆ ☆

Андрей Феоктистович Гребнев родился в 1912 году в городе Уральске, в семье, глава которой стал бойцом прославленной Чапаевской дивизии. В 1934 году А. Ф. Гребнев был призван в армию. Через два года, окончив командирские курсы, стал командовать взводом, затем ротой.

В начале Великой Отечественной войны А. Ф. Гребнев был командиром стрелкового батальона, а с 1944 года начал командовать стрелковой дивизией. А. Ф. Гребнев участвовал в боях под Москвой, Ельней, Смоленском, в освобождении Белоруссии, Польши. Войну закончил в Восточной Пруссии. Был дважды ранен, контужен. Звания Героя Советского Союза А. Ф. Гребнев удостоен в 1945 году, а в августе 1953 года ему присвоили звание генерал-майора.

А. Ф. Гребнев награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Суворова 2-й степени, Красной Звезды, многими медалями.

Генерал-майор А. Ф. Гребнев в течение многих лет был военным комиссаром Пермской области.

Умер он в 1973 году.

☆ ☆ ☆

В тот январский день 1945 года, когда 17-я Краснознаменная Бобруйская стрелковая дивизия завершала разгром очередного укрепленного района фашистских войск, на наблюдательный пункт полковника Андрея Феоктистовича Гребнева прибыл посыльный из штаба.

— Товарищ полковник, вас срочно вызывают в штаб армии, — доложил он.

Через несколько минут маленькая юркая машина ко-

мандира дивизии ушла на восток, где километрах в двадцати от линии фронта размещался штаб армии.

Ехали с трудом, чуть ли не по обочине дороги, шоссе было забито подходящими к передовой частями. Нестроеными рядами шли стрелковые батальоны, тракторы и автомашины тянули за собой орудия и минометы.

В штаб полковник Гребнев прибыл через полчаса. Здесь уже находились командиры других дивизий, поддерживающих частей и подразделений.

Командующий армией Н. И. Гусев подошел к висевшей на стене оперативной карте, кратко изложил обстановку, сложившуюся к исходу дня.

— Задача наших соединений и частей,—сказал он,—отрезать восточно-прусскую группировку фашистских войск от основных сил вермахта. Таков приказ командующего фронтом К. К. Рокоссовского.

Генерал изложил суть приказа, затем поставил конкретные задачи каждому соединению. Очередь дошла до 17-й стрелковой дивизии.

— Вашей дивизии, полковник Гребнев, приказываю завтра к десяти ноль-ноль перерезать автостраду между городами Вурдмитт — Либштадт и не дать возможности частям противника прорваться на запад и выйти из окружения...

Андрей Феоктистович нанес на свою карту разграничительные линии, определившие расположение соседей справа и слева, а затем стал внимательно изучать на карте местность, на которой предстояло действовать дивизии.

Дивизия должна была совершить ночной марш, чтобы утром быть на месте и занять полосу, ширина которой достигала восемнадцати километров.

В районе предстоящих действий, кроме автострады, было еще несколько проселочных дорог и пролегал железнодорожная линия. По ним фашистские войска тоже смогут выскочить из ловушки, создаваемой фронтом.

Андрею Феоктистовичу припомнились бои, которые проводил прежде. Особенно первые, осенью 1941 года, под Москвой. Тогда он командовал батальоном. Время от времени его батальон растягивался цепочкой на три, а то и на пять километров по фронту, удерживая оборону. Почти без огневой поддержки, без прикрытия с воздуха отражали натиск оголтелых фашистских частей, отстаивали рубежи ружейным огнем, гранатами, косили атакую-

щего врага из пулеметов, а танки останавливали связками гранат, бутылками с горючей жидкостью и хитро расставленными на флангах противотанковыми орудиями.

Атаки врага захлебывались, и гитлеровцам не удавалось преодолеть боевые порядки батальона.

Потом начался разгром фашистских войск под Москвой. За успешное завершение разгрома фашистских войск под Бобруйском и его освобождение 17-й стрелковой дивизии было присвоено наименование Бобруйской.

В свой штаб полковник Гребнев вернулся около полуночи. Вызвал командиров полков и спецподразделений. До их прихода вместе с начальником штаба и начальником оперативного отдела разработали решение. Задолго до рассвета начали марш. А до этого вперед ушли разведчики добывать «языков» и сведения о противнике, минеры — готовить на всякий случай к взрыву мосты на автостраде и железнодорожное полотно.

Заняли позиции. Несмотря на то что январский мороз сковал землю, отрывали окопы, ходы сообщений.

Первая группа разведчиков вернулась под вечер с «языком». Пленный ефрейтор был очень удивлен, увидев здесь наших солдат, готовые к бою орудия.

— Сегодня наш командир сказал, что путь к Висле свободен, — сказал он.

На все вопросы ефрейтор отвечал подробно:

— Все части завтра должны двигаться по автостраде на запад. Расчет прост — уйти к Висле, соединиться с другими частями и продолжать воевать.

Ефрейтор рассказывал охотно. Он знал одно — для него окончилась война, которую проиграла Германия, а он уцелеет и со временем вернется домой.

Ночью и перед рассветом по рации приняли еще несколько донесений от остальных разведгрупп — по автостраде начали движение танки и пехотные части. Для Гребнева стало ясно, что участок расположения дивизии станет ареной упорных боев. Он вновь и вновь со своими штабными офицерами уточнял организацию всей системы обороны, укреплял ее огневыми средствами. К встрече с превосходящими силами готовились все — стрелки, артиллеристы, минеры и связисты.

Полоса обороны была выбрана удачно. С одной стороны боевые порядки прикрывала железнодорожная насыпь, с другой — высокие берега реки. В этой местности

проходил один из оборонительных обводов укреплений Восточной Пруссии, которые гитлеровцы усилили перед войной. И все бетонированные доты, капониры, подземные склады с боеприпасами находились в руках фашистских войск. Поэтому вести дивизию в наступление не имело смысла. Это бы принесло большие потери, да и вряд ли привело бы к успеху.

Утром, часов около десяти, доставили очередное донесение: «Подходят танки противника. В основном «тигры». Они в десяти километрах. На небольшом удалении — пехота на автомашинах». Затем новое сообщение: «От станции Вормдйт отошли три бронепоезда». Этого никак не ожидали. По железной дороге ожидали только эшелоны с войсками противника, но никак не бронепоезда.

Гребнев тут же отдал приказ:

— Батарею противотанковых орудий срочно перебросить к железной дороге и не пропустить бронепоезда.

Вскоре показались вражеские танки и штурмовые орудия. Они шли по автостраде, возле нее. Вот до них осталось пятьсот метров... четыреста, триста. Почти одновременно подходили бронепоезда.

Когда танки подошли метров на двести, наши бойцы открыли огонь. Выстрелы были точными. Более десяти танков вспыхнули, несколько взорвались. А орудийные расчеты уже перенесли огонь на другие машины. Одновременно артиллеристы стали обстреливать бронепоезда. Первыми же снарядами был разбит бронепаровоз головного бронепоезда. В какие-то считанные минуты все его бронев вагоны были покорежены. Повреждения получили и остальные бронепоезда и поспешили отойти назад.

Противник приостановил продвижение. Только часа через три фашистская артиллерия открыла огонь по нашим позициям. Били ориентировочно, по площадям, так как не знали точно, где наши траншеи и огневые позиции орудий и минометов.

После артподготовки фашисты пошли в атаку. Ее отбили. Потом новая атака. И снова неудача.

Бой закончился под вечер. На исходе суток из штаба армии запросили обстановку, Гребнев доложил кратко:

— Отбили шесть атак. Держимся.

— Надо держаться. Вся надежда на вашу дивизию. Подкрепления дать пока не можем.

За ночь фашисты перегруппировали свои силы, под-

тянули новые танковые и артиллерийские подразделения. Едва рассвело, как на боевые порядки 17-й стрелковой дивизии обрушился шквал огня. И опять атака, вторая, третья.

А силы были уже на исходе. Батальоны понесли потери. Подходили к концу боеприпасы. Приказ о их бережном расходовании никто не отдавал. В этом не было никакой надобности. Берегли каждый патрон, снаряд, стреляли только наверняка, точно поражая цели. Раненые не покидали поле боя.

Наступил новый день — 27 января. Ценой больших потерь противнику удалось потеснить батальоны на обоих флангах. На запросы штаба, как идут дела, полковник Гребнев неизменно отвечал:

— Рубеж удерживаем. Противник теснит нас на флангах. Отбиваем непрерывные атаки. На исходе боеприпасы. Будем держаться до последнего.

На вопрос «Как с мостами на автостраде?» Гребнев ответил:

— Мостов нет. Мы их взорвали.

Дивизия была совсем прижата к железнодорожному полотну. А враг все время атаковал. Его танки и штурмовые орудия прорвались к позициям артиллеристов, но обратно не вернулись — их тут же уничтожили из орудий, гранатами, трофейными фаустпатронами.

Вскоре с Гребневым связался командующий фронтом К. К. Рокоссовский:

— Какая обстановка на вашем участке?

— Держимся. Дивизия полностью окружена. Нет боеприпасов. Используем трофейное оружие.

— Направляю вам на помощь кавалеристов.

И помощь пришла. Ночью кавалерийский корпус прорвался через боевые порядки гитлеровцев и, разгромив тылы нескольких вражеских частей, соединился с войсками 17-й стрелковой дивизии.

В последние два дня противник продолжал атаки. Пытался пробить брешь и уйти на запад, но не добился успеха. Бросая орудия, автомашины, танки, он отошел на север, к берегам Балтийского моря.

Об этой ожесточенной схватке с врагом в одном из номеров «Военно-исторического журнала» было сказано:

«Немцы осыпали «островок» (дивизию Гребнева) тысячами снарядов и мин. Казалось, нет живого места на

этом клочке земли. Но едва фашисты начинали новую атаку — «островок» оживал, встречал гитлеровцев дружным пулеметно-артиллерийским огнем. На смерть стояли бойцы поредевшей дивизии, удерживая плацдарм, который был очень нужен для будущего наступления. Фашисты так и не смогли сломить сопротивление воинов 17-й Краснознаменной Бобруйской стрелковой дивизии».

Потрепанные вражеские дивизии решили пробиться на запад другим путем — морем. Остатки их отошли к заливу, стали сосредотачиваться на косе. Отсюда они намеревались на самых разнообразных плавучих средствах отплыть в порты Восточной Померании.

Совместно с кавалерийским корпусом 17-я стрелковая дивизия завершила разгром и этой группировки.

С. Мокроусов

**ГЛАВНЫЙ
ИНТЕНДАНТ**

Павел Иванович Драчев родился в 1897 году в городе Осе Пермской области. Работать начал с двенадцати лет. В 1918 году добровольцем вступил в Красную Армию, был активным участником гражданской войны. В 1919 году он стал коммунистом.

В 1930 году П. И. Драчев окончил курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе, был старшим преподавателем Военно-хозяйственной академии.

В 1940 году П. И. Драчева назначили начальником Управления вещевого снабжения всей армии и присвоили ему звание генерал-майора интендантской службы. С 1942 года он — Главный интендант Советской Армии.

П. И. Драчев награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени, Красной Звезды, медалями.

П. И. Драчев умер в 1964 году.

Всего год пробыл на посту начальника Управления вещевого снабжения Красной Армии генерал-майор П. И. Драчев, как началась Великая Отечественная война. На его плечи легли тяжелые и ответственные задачи. Предстояло одеть и обуть миллионы советских воинов. Правда, для обеспечения армии всем необходимым еще раньше было сделано немало. Созданы запасы обмундирования, вещевые склады, разработаны вопросы теории тылового обеспечения, в которых учитывался опыт боевых

действий в Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии. Это все было учтено в изданном в 1941 году новом проекте Устава тыла Советской Армии. Он устранял многообразие в форме одежды. Прежде имелась особая форма обмундирования для казачьих частей, военно-воздушных и бронетанковых войск. Это несколько затрудняло производство и снабжение вещевым имуществом.

В январе 1941 года была введена новая, одинаковая для всех родов войск форма, единого цвета (защитный) для мирного и военного времени.

В предвоенные годы армия была полностью обеспечена вещевым имуществом, и его запасы покрывали мобилизационные нужды. Но началась война. На огромном пространстве от Баренцева до Черного моря развернулись невиданные по своему размаху кровопролитные сражения. На направлении своих главных ударов враг имел тройное и даже пятикратное превосходство. Значительная часть вещевого имущества хранилась в западных областях. В ходе боев большая часть его была уничтожена при отходе и часть захвачена противником. А нужно было как можно быстрее обуть и одеть десятки вновь сформированных дивизий. И ответственность за это лежала на генерале П. И. Драчеве.

С первого же дня войны органы тыла армии в трудных условиях приступили к выполнению возложенных на них задач. Придавая исключительно важное значение материальному обеспечению армии, партия привлекла на постоянную работу в центральные органы управления тылом крупных специалистов различных отраслей народного хозяйства. Так, например, в управление вещевого снабжения был назначен известный всей стране рабочий-обувщик, затем заместитель наркома легкой промышленности Н. С. Сметанин, директор одной из крупнейших швейных фабрик Москвы А. К. Осина стала помощником генерала П. И. Драчева по женскому обмундированию.

Война потребовала резкого увеличения производства вещевого имущества, но выполнение задачи осложнялось захватом противником ряда важнейших районов нашей страны, потерей необходимого сырья и предприятий легкой промышленности. Не хватало не только сырья, топлива, электроэнергии, но и рабочей силы и транспортных средств. Эвакуированные на восток предприятия легкой промышленности, поставлявшие вещевое имущество для

армии, не были еще введены в строй. Для решения проблемы стали привлекаться разные наркоматы. Так, например, к обеспечению войск теплым обмундированием были подключены предприятия легкой промышленности Москвы, Ивановской, Ульяновской, Пермской и других областей. В свою очередь, для ускорения выполнения заказов армии генерал П. И. Драчев оказал текстильщикам помощь, выделив им грузовые машины. Кроме того, к выполнению военных заказов были привлечены некоторые предприятия восточных районов страны, которые раньше не выполняли такие заказы, а также местная промышленность, артели промысловой кооперации, инвалидов. Все это позволило полнее использовать материальные ресурсы страны в интересах снабжения войск. Одновременно стали внедряться материальные и технологические допуски на ряд предметов вещевого имущества. Это позволило расширить ассортимент применяемых материалов, упростить технологический процесс, а следовательно, увеличить выпуск продукции.

Важную роль в развертывании выпуска вещевого имущества для армии сыграли военные представители службы вещевого снабжения на предприятиях. Генерал П. И. Драчев возложил на них ответственность за полное и своевременное обеспечение войск. Кроме того, обязал их осуществлять контроль за обеспечением предприятий сырьем, электроэнергией, материалами, рабочей силой, за ходом производства и отгрузкой продукции.

В результате такой огромной работы Управление вещевого снабжения поставило для армии во второй половине 1941 года более 5 миллионов пар обуви и другое вещевое имущество.

Но в те дни у генерала П. И. Драчева была и другая задача. Наступила зима. Требовалось снабдить армию полушубками, валенками, теплым бельем, рукавицами. По распоряжению П. И. Драчева все теплые вещи были сосредоточены на центральных складах и складах военных округов. В то же время было расширено их производство.

Известно, что с первых же дней войны советский народ стал вносить немалые средства на строительство танков, самолетов, подводных лодок. Одновременно для нужд армии население сдавало немало теплых вещей. Только за три осенних месяца 1941 года оно передало для

армии 1175 тысяч пар валенок, более 500 тысяч полушубков, 2 миллионов овчин, свыше 4500 тысяч пар шерстяных варежек, перчаток, меховых рукавиц. Кроме того, было получено около 3 миллионов килограммов шерсти, из которой затем изготовили сотни тысяч пар валенок, миллионы пар варежек. За счет полученных от населения в 1941 году теплых вещей и белья можно было одеть и обуть более 2 миллионов воинов. Такой огромной материальной поддержки народа не знала ни одна армия мира.

В результате Управление вещевого снабжения к зиме 1942 года имело в своем распоряжении миллионы полушубков, ватных телогреек, валенок, шапок-ушанок и пар теплого белья. Все это было изготовлено, собрано, доставлено на склады, в воинские части. Обеспечение войск фронтов зимним обмундированием было завершено за месяц, к ноябрю 1941 года.

Такую колоссальную работу генерал П. И. Драчев и его подчиненные провели в сжатые сроки.

Готовилось наступление под Сталинградом. С разных направлений скрытно к городу на Волге подтягивались наши войска. Приближалась зима. Но здесь уже было все готово, чтобы фронтовики быстро сменили свою летнюю форму на зимнюю. В разных местах были созданы склады с теплым обмундированием, строго определено потребное количество теплых вещей, утвержден порядок и очередность их получения. И в этом была немалая заслуга генерала П. И. Драчева, который умело организовал работу своего управления.

Огромный труд был вложен интендантскими службами, когда армия перешла в ходе войны на новую форму одежды. Разработка ее и введение погон начались в конце 1942 года.

К этому времени вступили в строй многие предприятия легкой промышленности, эвакуированные в восточные районы. Это намного облегчило снабжение армии вещевым имуществом.

Разгром фашистской Германии убедительно подтвердил ленинское положение о том, что крепкий, организованный тыл является одним из решающих факторов, определяющих ход и исход операций, военных кампаний и войны в целом.

Труженики советского тыла дали фронту все необхо-

димое для победы — прекрасную военную технику, боеприпасы, горючее, продовольствие, вещевое имущество и другие материальные средства. Работники же войскового тыла сделали все, чтобы бесперебойно снабжать ими войска. И видную роль в этом сыграл Главный интендант Советской Армии Павел Иванович Драчев.

С. Мокроусов

НА СЛУЖБЕ ШТАБНОЙ

Евгений Константинович Дурбажев родился в 1917 году в городе Чермозе. В 1938 году окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище имени Красного Октября. Член КПСС с 1941 года.

С первых дней Великой Отечественной войны Е. К. Дурбажев на фронтах — сначала на Ленинградском, затем на 2-м Белорусском. Был начальником разведки дивизиона, помощником начальника оперативного отдела артиллерийской дивизии. После войны он был на различных командных и штабных должностях в соединениях и штабе военного округа. За успешное выполнение заданий командования он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями, правительственными наградами Польши и Венгрии. Звание генерал-майора ему присвоили в 1966 году.

Е. К. Дурбажев окончил Военную академию имени Ф. Э. Дзержинского и Академию Генерального штаба.

Вел педагогическую работу.

В 1977 году Е. К. Дурбажев ушел в запас.

Для Евгения Дурбажева эти места оказались знакомыми. Здесь наподалеку располагался летний лагерь. Впервые он с ним познакомился, когда стал курсантом 1-го Ленинградского артиллерийского училища имени Красного Октября. А после окончания его не одно лето занимался здесь со своими курсантами — став командиром взвода, затем заместителем командира батареи, потом начальником штаба дивизиона.

На рассвете 22 июня 1941 года Евгений Дурбажев под-

нялся по боевой тревоге: фашистская Германия начала военные действия.

Вскоре из курсантов трех ленинградских военных училищ была создана бригада и направлена на фронт. Евгения Дурбажева назначили начальником разведки 1-го дивизиона. Вначале воевали севернее Ленинграда, а потом июльским днем всю бригаду спешно перебросили в сторону города Луга.

В те дни фашистские войска нацелились на город Луга, чтобы через него пробиться к Ленинграду и овладеть им. Но все вражеские попытки преодолеть Лужский оборонительный сектор окончились неудачей. Тогда противник немалые силы повернул на другое направление, скрытно по лесным дорогам вышел на реку Луга юго-восточнее Кингисеппа и внезапно, с ходу захватил два плацдарма — у деревни Ивановское и у села Большой Собек.

Сюда, на помощь своим войскам, и прибыла бригада ленинградских курсантов. Она заняла позиции в тот момент, когда фашисты повели очередной бой за расширение плацдармов и приступили к наводке переправ через реку, чтобы пустить в ход танки и бронетранспортеры.

Командир дивизиона капитан Н. Рыков тут же получил задачу — сорвать вражеские атаки и попытки создать переправы через реку.

Об оборудовании обычного наблюдательного пункта старшему лейтенанту Евгению Дурбажеву нечего было и думать. Вместе с курсантом Михаилом Фроловым, ставшим в этом бою разведчиком, выбрали для наблюдения за противником сосну с кроной погуще, забрались на нее. Чуть пониже примостился телефонист Павел Иноземцев. Отсюда старшему лейтенанту Дурбажеву было хорошо видно, как суетливо копошатся на берегу вражеские солдаты, другие торопливо переправляются на противоположный берег. Увидел он и фашистских саперов, которые готовили переправочные средства.

Цели засечены. Подготовлены данные для стрельбы. И через несколько минут по фашистам ударили орудия всего дивизиона. Снаряды точно ложились в гуще тех, кто уже успел обосноваться на плацдарме, и среди тех, кто намеревался переправиться на противоположный берег, и на опушке леса, где саперы готовились к форсированию Луги.

Курсанты артиллерийского училища хорошо знали свое дело. Каждый мог с успехом выполнять обязанности заряжающего, наводчика, командира орудия, готовить данные для стрельбы и вести меткий огонь по целям.

В тот день противник еще дважды предпринимал попытку навести переправу, но, накрытый точным огнем, откатывался назад. Трижды фашисты начинали атаки, чтобы расширить захваченную территорию на плацдарме, но после нашего артиллерийского налета отходили на исходный рубеж.

Следующее утро началось авиационной бомбежкой. Почти пятьдесят вражеских бомбардировщиков обрушились на боевые порядки наших подразделений. Вслед за бомбежкой началась атака. Евгений Дурбажев точно наводил на цель артиллерийские расчеты.

Затем — снова налет вражеских бомбардировщиков и очередная атака противника. Кругом горел лес, валились деревья, огонь подступал к нашим артиллерийским позициям, но курсанты и ленинградские ополченцы держались стойко, не отходили ни на шаг. Частыми бомбардировками, ожесточенным артиллерийским и минометным огнем, атаками фашисты пытались внести в ряды ленинградцев смятение и панику, но все безрезультатно. Курсанты и ополченцы стояли насмерть и наносили захватчикам немалые потери, перемалывали их силы.

Потом пришел приказ — отойти на подготовленные позиции. Курсантов вывели из боя. Их место заняли свежие силы. Курсантов вернули в училище. Объявили приказ о присвоении им офицерских званий. Распределили по артиллерийским частям. Такого же назначения ожидал и Евгений Дурбажев. Но ему сказали:

— Вы нужны училищу. Будете готовить офицерские кадры.

С молодыми курсантами он уехал в город Энгельс, куда было переведено училище.

В адрес командования пошли рапорты. В них Евгений Дурбажев писал почти одни и те же слова: «Прошу отправить на фронт. Здесь справятся без меня. Меня есть кому заменить». Сколько их было написано — учесть трудно. И все же добился своего — получил назначение в 26-ю артиллерийскую дивизию резерва главного командования.

И вновь Евгений Дурбажев на передовой. В то время

наше командование готовило Висло-Одерскую операцию. Велась усиленная разведка сил противника, выискивались его командные и наблюдательные пункты, расположение позиций, средств усиления. Для Евгения Дурбажева главной заботой было спланировать боевое использование всей артиллерии своей позиции. Она должна была подавить оборону противника по всей тактической зоне тех частей, которые поддерживала, разрушить оборонительные сооружения, проделать проходы в проволочных заграждениях, не допускать подхода резервов врага, поддерживать атаки пехоты и танков, сопровождать их продвижение вперед своим огнем. Работать приходилось с раннего утра до глубокой ночи. У помощника начальника оперативного отделения штаба артиллерийской дивизии Евгения Дурбажева на походный стол то и дело ложились отработанные документы предстоящего артиллерийского наступления. Наряду с кропотливой штабной работой — выезды в бригады, полки, батареи.

И вот в январе 1945 года один за другим начали наступление советские фронты: 1-й Украинский — 12 января, через два дня — 1-й Белорусский, в движение пришли и части остальных фронтов.

Фашистское командование не ожидало столь мощного наступления советских войск. Один за другим взламывались неприятельские оборонительные рубежи, освобождались города и села, в ходе боев были разгромлены многие фашистские соединения и части. 18 января войсками 1-го Белорусского фронта штурмом взята крепость Модлин, через четыре дня — города Алленштейн и Дейч-Эйлау. Наши части вышли к заливу Фришес-Хафф, к реке Висле и отсекали главные силы восточной группировки от центральных районов Германии...

У Евгения Дурбажева не было тогда спокойной жизни. Планирование огня артиллерии, изучение разведанных, конкретная помощь артиллеристам в успешном решении боевых приказов — на все это уходили дни и ночи.

Отгремела война. Е. К. Дурбажев — слушатель Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского. После ее окончания вновь началась штабная работа в частях и соединениях. В последние годы службы он был преподавателем в Академии Генерального штаба.

Н. Максаров

**ТАЛАНТ
ВОЕННОГО
ИНЖЕНЕРА**

Василий Федорович Елисеев родился в 1898 году в деревне Сая Березовского района Пермской области. В 1912 году поступил на Лысьвенский металлургический завод рабочим. Здесь же в ноябре 1917 года стал коммунистом.

В 1918 году В. Ф. Елисеев добровольцем ушел в Красную Армию, участвовал в боях с колчаковцами и белополяками.

После окончания Военно-инженерной академии он служил в Главном артиллерийском управлении, участвовал в Великой Отечественной войне.

В ноябре 1944 года В. Ф. Елисееву присвоено звание генерал-майора. Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, двумя иностранными орденами и многими медалями.

В настоящее время В. Ф. Елисеев в отставке, живет в Москве.

Листаю свой домашний альбом. Вот фотография генерал-майора. Он коренаст, по-военному подтянут. Вспоминаю: знакомство с генералом Василием Федоровичем Елисеевым произошло несколько лет назад в Лысьве. Он приехал в места, которые связаны с его молодостью.

Побывал генерал и на Лысьвенском металлургическом заводе. Вот тогда фотоаппарат и запечатлел его с листом луженого железа. А вечером В. Ф. Елисеев зашел в заводской музей.

Его внимание привлекла большая картина в тяжелой раме. Опершись на лопату, стоит человек. Толстые цепи крепко обхватили руки и ноги, серый арестантский кос-

твом дополняется такой же бескозыркой. Однако на мужественном лице, обрамленном черной окладистой бородой, и в глазах каторжника просматривается непокорность, мужество, воля к борьбе. Под картиной надпись: «Участник лысьвенского восстания 1914 года С. Ф. Елисеев».

— Так это же мой брат Степан! — вырвалось у генерала.

Вспомнился ему далекий 1912 год, когда четырнадцатилетним подростком пришел в Лысьву. Старшие братья помогли устроиться шуровщиком в лудильный цех. Потом Василия назначили помощником лудильщика, а позже лудильщиком железа. Со временем он освоил также профессии токаря и слесаря.

В 1914 году на лысьвенских заводах вспыхнуло восстание. Поводом послужило бедственное положение рабочих, а сигналом — мобилизация на фронт.

Казачи жестоко расправились с участниками восстания — пятеро были повешены, многих, в том числе и Степана Елисеева, угнали на пожизненную каторгу в Сибирь.

В ноябре 1917 года Василий Елисеев стал большевиком, а через год ушел добровольцем на фронт, чтобы защищать завоевания Октября. Сначала его назначили комиссаром батареи 5-й стрелковой дивизии, затем комиссаром дивизиона. Василий Елисеев прошел с боями от Прикамья до Омска, участвовал в освобождении Белоруссии от белополяков.

Вскоре Василий Федорович окончил Ленинградскую военно-инженерную академию и навсегда связал свою судьбу с армией.

Наша новая встреча с генералом В. Ф. Елисеевым произошла в его московской квартире. С интересом перебираю фотографии разных лет. На одном снимке вижу: два генерала смотрят вдаль. На фотографии запечатлены конструктор артиллерии доктор технических наук Герой Социалистического Труда генерал-полковник В. Г. Грабин и генерал-майор В. Ф. Елисеев, посвятивший жизнь артиллерии, материально-техническому снабжению армии и совершенствованию ремонтной службы. Не случайно в Главном артиллерийском управлении Василия Федоровича называли главным ремонтником пушек. В годы войны В. Г. Грабин конструировал новые орудия,

а В. Ф. Елисеев возглавлял ремонт подбитых и возвращал их фронту.

Предыстория этой фотографии уходит в прошлое. В. Ф. Елисеев руководил производственным отделом Главного артиллерийского управления (ГАУ) армии. В его обязанности входило размещение военных заказов на предприятиях и прием артвооружения. Как-то Василия Федоровича вызвал начальник ГАУ комкор Н. А. Ефимов. Он повел разговор о необходимости оснащения армии современной артиллерией.

— Большие надежды, — сказал он, — мы возлагаем на один из артиллерийских заводов. Но произошла заминка. Германия прекратила поставку необходимого оборудования, приходится срочно перестраиваться на отечественные станки, но все идет медленно. Надо вам поехать на завод и помочь.

— Когда выезжать?

— Чем быстрее, тем лучше.

Главным конструктором на заводе был знакомый еще по учебе в академии Василий Гаврилович Грабин. Они много сделали, чтобы наладить производственный процесс на заводе.

Вскоре заводу поступил заказ на разработку и выпуск дивизионной пушки Ф-20 с круговым обстрелом. Она должна быть пригодной для уничтожения наземных и воздушных целей. Тогда же в стране был объявлен конкурс на лучшую дивизионную пушку. Конструкторы, руководимые В. Г. Грабиным, не только разрабатывали Ф-20, но и готовили свою — Ф-22 с раздвижными станинами.

Летом 1935 года ГАУ организовало испытание орудий, изготовленных заводами. Ф-20 признали лучшей. В то же время В. Ф. Елисееву поручили испытать Ф-22 и дать о ней заключение. Несколько дней испытывали орудие стрельбой, пробегом в самых трудных условиях. Пушка Ф-22 превосходила Ф-20, требовалось только укрепить отдельные узлы. В результате завод стал головным в выпуске полевой дивизионной пушки.

Вскоре В. Ф. Елисеева назначили директором ремонтно-опытного завода. В те годы шла дискуссия по поводу организации ремонтной службы. Одни утверждали, что ремонт орудий должны производить заводы-изготовители, но В. Ф. Елисеев предлагал текущий ремонт передать

войсковым мастерским, а средний и капитальный — передвижным мастерским армии, которые нужно оснастить станочным парком, сварочными аппаратами, а не загружать ремонт заводы. Великая Отечественная война подтвердила целесообразность создания таких мастерских.

Война застала Василия Федоровича на посту начальника производственного отдела и заместителя начальника управления снабжения и ремонта ГАУ.

По существу, он возглавлял ремонт всех средств артиллерийского вооружения армии. Созданные по его предложению мастерские и арсеналы в годы войны быстро восстанавливали поврежденные орудия, минометы и другую артиллерийскую технику, что позволило артиллерийским заводам непосредственно заниматься изготовлением пушек, наращивать их выпуск. В то же время, по мере продвижения фронтов на запад, В. Ф. Елисеев передвигал мастерские ближе к передовой, чтобы как можно быстрее вводить в строй поврежденные артиллерийские системы.

В целях обобщения и пропаганды опыта Василий Федорович вместе с другими работниками ГАУ организовал в Москве выставку отремонтированного вооружения, а также оптических приборов, приспособлений. Тут было наглядно показано, как заделаны винтными пробками пробоины в артиллерийских стволах, исправлены помехоты люлек и станин, восстановлены разбитые пулеметы, автоматы и даже оптические приборы, вплоть до четырехметровых дальномеров.

Выставка превратилась для ремонтников в своеобразную школу. Не случайно маршал К. Е. Ворошилов, посетив выставку, написал в книге отзывов слова благодарности в адрес ее организаторов.

Для Елисеева выставка послужила отчетом о его многолетней работе по налаживанию ремонтного дела в арсеналах, стационарных мастерских и в войсках.

За заслуги в этом большом и нужном деле, безупречную службу и добросовестное исполнение заданий в 1944 году В. Ф. Елисееву было присвоено звание генерал-майора инженерно-артиллерийской службы.

Н. Сумской

**ПРИЗВАН
КОМСОМОЛОМ**

Александр Петрович Заякин родился в 1911 году в городе Нытве Пермской области. После окончания школы ФЗУ работал разметчиком на Мотовилихинском заводе. В 1930 году по путевке комсомола он был направлен на учебу в Киевское военное училище связи. После непродолжительной службы в войсках связи А. П. Заякин становится слушателем Харьковского военно-авиационного летного училища.

А. П. Заякин окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, Академию Генерального штаба.

Коммунист А. П. Заякин принимал участие в боях против белофиннов. В Великой Отечественной войне участвовал с первых ее дней: возглавлял штаб воздушных сил 32-й армии, штаб авиадивизии, был начальником оперативных отделов 7-й, затем 8-й и 9-й воздушных армий.

За успешную организацию и умелое проведение военно-воздушных операций А. П. Заякин награжден орденом Ленина, орденом Кутузова 2-й степени, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Сейчас генерал-майор авиации А. П. Заякин в запасе, живет в Ленинграде.

Всегда приходит такая пора, когда перед любым мальчишкой встает тревожный вопрос: «Кем быть?» Для Саши Заякина, росшего в многодетной семье городского кустика, вопрос этот решился сам собой. В семье двенадцать ртов. Отец портняжничал, мать со старшими детьми обрабатывала небольшой клочок тощей земли, которая

требовала больше, чем отдавала. Нужда ходила по пятам, и маленькому Саше больше всего хотелось скорее подрасти, стать рабочим человеком, принести в дом, отцу и матери, свой заработанный кусок хлеба. Недалеко от дома дымил своими трубами старинный металлургический завод. Саша часто с завистью провожал глазами возвращавшихся с работы литейщиков, кузнецов, токарей...

Вот так и случилось, что семнадцатилетний паренек пришел в школу фабрично-заводского ученичества, а уже через год рабочий человек Александр Заякин входил в огромный цех Мотовилихинского завода, слушал его могучее дыхание, уханье парового молота, от которого вздрагивала окрест земля. Александра приставили учеником к разметчику. Учеба в ФЗУ очень помогла Саше быстро освоить тонкое дело разметки деталей. Разметчик все чаще доверял Саше самостоятельную работу. С каждым днем увереннее чувствовал себя нытвенский паренек среди знаменитых пушкарей, потомственных металлистов. А когда Сашу перевели из учеников в разметчики, он не скрывал своей радости. Значит, быть Заякину рабочим человеком.

Но судьба распорядилась по-иному. В 1930 году Александр Заякин по комсомольской путевке направляется на учебу в Киевское военное училище связи. Началась совсем другая жизнь, так не похожая на прежнюю, — жизнь профессионального военного. Александр досрочно закончил училище, показав отличные знания, и был оставлен в училище курсовым командиром.

Это были особенные годы. Страна Советов превратилась в огромную стройку. Заканчивалась первая пятилетка. Продолжалась индустриализация. Красная Армия оснащалась современным боевым вооружением. Особенно бурно развивалась авиация. Ей нужны были новые кадры. Александра Петровича Заякина направляют в Харьковское военно-авиационное училище летчиков и летчиков-наблюдателей. Он закончил его в 1934 году. Начались будни военного летчика: освоение первоклассного по тому времени самолета ТБ-3, постоянная учеба, боевое крещение в операциях против финнов. Бои в условиях суровой зимы, штурм «линии Маннергейма» — все это дало молодому командиру тот незаменимый боевой опыт, который очень скоро пригодился ему.

Работая в штабе Одесского военного округа, А. П. Заякин участвовал в освободительном походе Красной Армии в Бессарабию и Северную Буковину. Волнующие события тех дней навсегда останутся в его памяти...

Но надвигалась грозная военная пора. Командование Одесского военного округа внимательно следило за обстановкой на границе. 16 июня войска округа были выведены на учения и заняли позиции, определенные им мобилизационным планом. 20 июня вся авиация округа была перебазирована на полевые аэродромы, и поэтому в первый день войны удар фашистских бомбардировщиков не достиг цели: пострадало только три самолета. Войска округа, преобразованные в 9-ю армию, стойко обороняли свои позиции. Советские летчики в первых тяжелых воздушных боях учились бить врага не числом, а умением.

В годы войны А. П. Заякин участвовал в планировании и осуществлении многих воздушных операций.

В марте 1943 года он был назначен начальником оперативного отдела штаба 8-й воздушной армии.

А. П. Заякин прибыл сюда, когда Сталинградская эпопея уже закончилась. Враг здесь потерял лучшие свои 6-ю армию, 4-ю танковую, а также 3-ю и 4-ю румынские и 8-ю итальянскую армии и не смог компенсировать эти потери.

Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение — разгромить немецко-фашистские войска на южном крыле фронта. В операции приняли участие два фронта — Южный и Закавказский. Главная роль отводилась первому, действия которого должна была поддерживать 8-я воздушная армия.

Война не дает времени на долгие размышления и крайне мало оставляет его на прояснение обстановки. Изучив состояние частей, их боевые возможности, А. П. Заякин принял активное участие в разработке и проведении Сальской, Батайской и Ростовской операций. Он хорошо знал местность и условия, в которых велись боевые действия. В этих местах он служил до войны, а позже участвовал в обороне Ростова-на-Дону.

Временное затишье на Южном фронте помогло ему глубже изучить положение войск фронта. Накопленный опыт, академическая подготовка позволили ему планиро-

вать авиационное наступление совместно с войсками фронта с большим знанием дела.

В середине августа 1943 года войска Южного фронта, в составе которого находилась 8-я воздушная армия, начали широкие наступательные операции по освобождению Донбаса. Подготовка фронтовой операции — чрезвычайно трудоемкое, напряженное и очень ответственное дело. Начальник оперативного отдела 8-й воздушной армии А. П. Заякин принимал самое непосредственное участие в проведении известной Миусской операции. Наступлению советских войск на реке Миус предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Вся воздушная армия (около 1600 боевых самолетов) участвовала в ней. Наша авиация впервые в таких масштабах провела массированный удар на участке прорыва. К концу дня в штаб воздушной армии начали поступать сообщения из других частей. Их командование благодарило летчиков за отличные действия, сообщало, что небо было «закрыто» нашими самолетами, которые полностью господствовали в воздухе. Решительные и смелые действия нашей авиации оказали огромную поддержку сухопутным войскам, вселяли в них уверенность и способствовали успешному завершению крупной военной операции.

В марте 1944 года А. П. Заякин был направлен на Карельский фронт начальником оперативного отдела 7-й воздушной армии, принял участие в планировании и проведении Свирской операции.

Для прорыва обороны противника на реке Свирь была сосредоточена наша 7-я армия с частями усиления при поддержке 7-й воздушной армии. Подготовка операции велась в сложной обстановке. Дело в том, что предстояло перебросить в условиях весенней распутицы почти всю воздушную армию с правого на левый фланг фронта. Было принято решение вдоль линии фронта построить в лесисто-болотистой местности ряд аэродромов для заправки истребителей и штурмовиков. С этой задачей в считанные недели отлично справились инженерные части.

Наступление 7-я армия начала 24 июня. Перед его началом была проведена артиллерийская и авиационная подготовка, которая продолжалась три с половиной часа. Действия нашей авиации затруднялись тем, что наступили белые ночи, и войска круглосуточно вели бои. Поэто-

му на самолетах был двойной летный экипаж, сменявший друг друга. Особая нагрузка легла тогда на плечи технических экипажей. После упорных боев войска Карельского фронта вышли к государственной границе с Финляндией.

Успешное наступление советских войск заставило Финляндию искать выхода из войны. Но, хотя и было подписано в Москве перемирие с Финляндией, на севере этой страны оставался Лапландский горный корпус фашистской армии. Перед Карельским фронтом была поставлена задача изгнать гитлеровцев из Северной Финляндии, освободить наш район Петсамо и Северную Норвегию. Началась переброска войск и техники из Южной Карелии на север. 7-ю воздушную армию предстояло разместить на узком фронте, где совсем не было аэродромов. Их строили в голой тундре при отсутствии жилья, топлива, а главное, коммуникаций. Все снаряжение, горючее, боеприпасы, продовольствие доставлялись только самолетами, связь осуществлялась исключительно по радио. Тяжелые условия наложили особый отпечаток на весь ход подготовки операции, однако все было преодолено.

25 октября 1944 года началась Петсамо-Киркенесская операция. Войска фронта в тесном взаимодействии с Северным флотом начали ее мощным штурмом укреплений противника. Артиллерия не поспевала за войсками из-за бездорожья, но сильную поддержку атакующим частям оказала истребительная и штурмовая авиация. Погода была неустойчивая, ясное небо мгновенно заволакивало тучами со снежными зарядами. И только хорошее знание района боевых действий и многолетний опыт ведения боев на севере позволяли летчикам и командирам 7-й воздушной армии успешно решать самые сложные задачи.

За участие в этой операции А. П. Заякин был награжден орденом Кутузова 2-й степени...

Наступил День Победы. Но не окончилась война для Александра Петровича Заякина: его направили на Дальний Восток. Там в составе 9-й воздушной армии он и завершил свой боевой поход, приняв активное участие в разгроме милитаристской Японии.

В. Голованов

**НА
ЗАБАЙКАЛЬСКИХ
РУБЕЖАХ**

Александр Иванович Зудов родился в 1908 году в деревне Петухи Петро-Каменского района Свердловской области. Перед первой мировой войной семья переехала в Пермь. А. И. Зудов работал на заводе имени Ф. Э. Дзержинского слесарем. В 1930 году его призвали в армию.

В годы Великой Отечественной войны А. И. Зудов был комиссаром дивизии, членом Военного совета 36-й армии. После войны он был назначен начальником одного из высших военных учебных заведений, служил военным атташе в Китае. После ухода в отставку преподавал в Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова.

Звание генерал-майора А. И. Зудову было присвоено в 1942 году. За успешное выполнение заданий командования он был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

А. И. Зудов умер в Ленинграде в 1973 году.

Телефонный звонок раздался поздним вечером. Член Военного совета 36-й армии генерал-майор А. И. Зудов оторвался от бумаг и взял трубку. Говорил командующий армией генерал-лейтенант А. А. Лучинский.

— Александр Иванович, собирайтесь. Срочно выезжаем к «хозяину».

Под словом «хозяин» подразумевался командующий Забайкальским фронтом маршал Р. Я. Малиновский.

Одновременно с А. А. Лучинским и А. И. Зудовым

в штаб фронта прибыли другие командующие армиями, начальники штабов, члены Военных советов.

Маршал Р. Я. Малиновский был немногословен.

— Только что получен приказ Ставки Верховного Главнокомандования, — сказал он. — Согласно приказу, через два дня, с утра девятого августа, войска нашего фронта, а также первого и второго Дальневосточных фронтов совместно с Тихоокеанским флотом начинают военные действия против вооруженных сил милитаристской Японии.

Р. Я. Малиновский зачитал приказ Ставки и телеграмму начальника Генерального штаба, которая уточняла выполнение приказа.

Для генерала А. И. Зудова исчезла ночь. Он ясно и четко представил, какую ответственную задачу возложили на воинов Дальнего Востока. Предстояло разбить сильнейшую армию Японии — Квантунскую, заставить Японию капитулировать, положить конец войне, принести народам Азии, поработанным японскими захватчиками, мир и свободу.

Войска 36-й армии всегда находились в состоянии боевой готовности. Этому способствовали хорошо налаженная партийно-политическая работа, идейная и моральная подготовка каждого бойца, широкая пропаганда опыта фронтовиков, воспитание бдительности, боевого наступательного духа, лекции и беседы о захватнических целях милитаристской Японии. Член Военного совета генерал А. И. Зудов особенно следил, чтобы основным содержанием агитационно-пропагандистской работы в частях и подразделениях являлось разъяснение международной обстановки, чтобы воинами был усвоен опыт войны с фашистской Германией, чтобы каждый солдат понимал задачи, которые стояли в то время перед нашими соединениями, защищавшими восточные рубежи.

Генерал А. И. Зудов требовал, чтобы тематика лекций, докладов и бесед с личным составом отражала вопросы военно-политического положения на Востоке, воспитывала чувства высокого долга советского солдата.

В конце июля и начале августа 1945 года по его инициативе при политотделе 36-й армии и в соединениях были проведены семинары с молодыми парторганами, агитаторами, пяти- и шестидневные семинары агитаторов соединений и полков, комсоргов, помощников начальников

политотделов по комсомолу и других политработников. Среди вопросов, которые рассматривались на сборах-семинарах, были: «Опыт партполитработы в наступательном бою и особенности боевых операций на театре военных действий в Маньчжурии», «Место коммуниста в бою», «Система укрепленных районов и полевых оборонительных сооружений противника», «Тактика японской армии в обороне и наступлении», «Вооружение японской армии и его тактико-технические данные».

Член Военного совета А. И. Зудов все время находился в войсках. Он проверял, как политработники выполняют его указания об усилении партийно-политической работы, учил и подсказывал, что нужно сделать, чтобы еще выше поднять наступательный дух воинов, выступал с лекциями, докладами.

Все это невольно припомнилось ему, когда он вернулся из штаба фронта. Об отдыхе даже нечего было и помышлять. За эти несколько десятков часов, которые остались до начала наступления, следовало продумать все вопросы и детали партийно-политической работы, чтобы все боевые приказы были безупречно выполнены.

Ведущая роль в разгроме японской Квантунской армии отводилась двум фронтам — 1-му Дальневосточному и Забайкальскому. Они должны были нанести внезапный удар по вражеским войскам. Перед воинами 36-й армии поставлена задача развить наступление в направлении Хайлара и Чжаланьтуна.

Основа успеха закладывалась в высоком темпе наступления. А как его выдержать, если Забайкальский фронт должен действовать в резком отличии от западных театров военных действий? На пути 36-й армии — полупустынные степи Внутренней Монголии, восточные районы безжизненной пустыни Гоби и горы Большого Хингана протяженностью почти 400 километров.

Правда, еще раньше были проведены беседы, изданы брошюры-памятки: «Научись правильно утолять жажду»; «Летняя эксплуатация машин в Монголии»; «Как наступать в горах»; «Способы ведения боя в пустыне»; «Маневр мелкими группами в горно-лесистой местности» и другие. Все это, конечно, давало свои результаты. На занятиях, проводившихся в условиях максимальной приближенности к боевой обстановке, воины действовали умело и решительно.

А как быть с водой? Ею нужно заливать не только солдатские фляжки. Она нужна для приготовления пищи, заправки машин. Ведь армии предстояло пройти сотни километров через горы и пустынные степи. Обеспечение водой и топливом стало одной из сложнейших проблем.

Было известно, что в пустынной и полупустынной местности Монголии вода в озерах горько-соленая, непригодная ни для питья, ни для хозяйственных и технических целей. Вопросами снабжения войск водой и топливом А. И. Зудов начал заниматься вместе с командующим армией А. А. Лучинским еще в первых числах июля. Тогда были созданы команды, которые получили задание заняться организацией водоснабжения и сбором любых емкостей, пригодных для хранения воды, а также воссозданием шахтных колодцев.

Были трудности и в обеспечении топливом походных хлебозаводов и кухонь. Железная дорога не смогла бы в полной мере обеспечить их дровами. Ведь она проходила от фронта в 500—600 километрах. Но выход нашли — изготовили самодельные форсунки и перевели выпечку хлеба и приготовление пищи на жидкое топливо.

...Через полчаса после возвращения из штаба фронта А. И. Зудова уже не было на месте. Он поехал в полки, дивизии, части, поддерживающие армию. Ночь уже вступила в свои права. Под ее покровом на исходные позиции выдвигались стрелки, артиллеристы, с приглушенными моторами двигались танковые колонны.

Бодрствовали в штабе 94-й дивизии, которая около полуночи должна была выйти на свои позиции. Разговор А. И. Зудова с начальником политотдела был кратким, минут пятнадцать-двадцать.

— Как настроение солдат? — спросил генерал.

— Боевое, — ответил начальник политотдела. — Солдаты рвутся в бой. Позавчера подали заявления о приеме в партию сорок два человека. Хотят идти в бой коммунистами.

Начальник политотдела доложил о той работе, которая была проведена за последние дни, о подготовке и, главное, о том, как довели до воинов приказ о предстоящем наступлении.

Не прошло и часа, как А. И. Зудов уже был в 293-й дивизии. И здесь все сделано для предстоящего наступления. Так же было и в остальных дивизиях и полках.

9 августа ранним утром началось наступление наших войск.

Основные силы 36-й армии быстро форсировали реку Аргунь и начали развивать наступление на город Хайлар с севера. Для захвата города с ходу и выхода в тылы противника был создан передовой отряд. В его состав вошли танковая бригада, стрелковый полк, усиленные артиллерией и саперами. Передовой отряд утром 10 августа внезапно для врага ворвался в Хайлар. В городе завязался напряженный бой. Японцы пытались контратаками выбить наши части из города. На помощь передовому отряду была переброшена 94-я стрелковая дивизия генерал-майора И. Замахаева и другие части. И противник был выбит из города.

Об этом вскоре получил политдонесение генерал А. И. Зудов. В нем подробно рассказывалось об отличившихся в бою за Хайлар, о коммунистах и комсомольцах, проявивших героизм и отвагу, о том, как воины передового отряда, 94-й и 293-й дивизий самоотверженно уничтожают части, засевшие в долговременных оборонительных сооружениях. Такие политдонесения регулярно поступали из соединений главных сил 36-й армии, которые стремительно продвигались в направлении на город Цицикар, уничтожая противника, успешно выполняя поставленную перед ними задачу, надежно обеспечивая ударную группу всего Забайкальского фронта. Вскоре соединения армии вошли в оперативное взаимодействие с войсками 2-го Дальневосточного фронта и содействовали дальнейшему успешному развитию Маньчжурской наступательной операции.

Советским войскам потребовалось немногим больше десяти дней, чтобы разгромить сильнейшую армию Японии — Квантунскую. Видный вклад в ее разгром внесли воины 36-й армии, политорганами и коммунистами которой руководил член Военного совета, наш земляк генерал-майор Александр Иванович Зудов.

П. Ефимов

НА ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ

☆☆☆

Леонид Петрович Казаков родился в марте 1912 года в городе Нытве. Работал на местном заводе учеником слесаря, учился в школе ФЗУ, Лысьвенском металлургическом техникуме. Член КПСС с 1930 года. В 1932 году Л. П. Казаков по спецнабору был направлен в армию. Он закончил Калининское военное училище, Военную академию имени М. В. Фрунзе, Академию Генерального штаба.

В 1939—1940 годах командовал полком, участвовал в освободительном походе на Западную Украину. Великая Отечественная война застала его в должности заместителя начальника оперативного отдела 9-й армии. С ноября 1941 года по 1945 год он был заместителем начальника оперативного отдела штаба фронта.

Л. П. Казаков участвовал в битвах под Москвой, Харьковом, в Сталинградской, Курской битвах, в сражениях на Днепре, Висле, в Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. После войны преподавал в Академии Генерального штаба на кафедре оперативного искусства, участвовал в разработке трехтомника «Развитие советского военного искусства по опыту Великой Отечественной войны». С 1959 по 1964 год он выполнял обязанности заместителя и начальника одного из управлений Главного Штаба Сухопутных войск, в последующие годы — начальника штаба, первого заместителя командующего, члена Военного совета Одесского военного округа.

За умелое выполнение заданий командования Л. П. Казаков награжден тридцатью пятью орденами и медалями, в том числе четырьмя орденами Красного Знамени, тремя — Красной Звезды, тремя иностранными орденами. Звание генерал-майора ему присвоено в 1955 году.

Сейчас генерал-лейтенант Л. П. Казаков в отставке, живет в Одессе, ведет большую общественную работу.

Домашний кабинет генерала Леонида Петровича Казакова очень похож на служебный: строгая мебель, на стене карта, на столе лишь самое необходимое — ручка, карандаши. И книги. В кабинете много книг. Они везде и самые разные: от брошюр общества «Знание» до новейших мемуарных изданий.

— Думал, уйду в отставку и отдохну, — говорил Леонид Петрович, — да где уж тут...

Узнаю, что он заместитель председателя Одесской секции Советского комитета ветеранов войны, член военно-научного общества при окружном Доме офицеров, заместитель председателя научно-методического совета областного общества «Знание». Это, так сказать, нагрузки постоянные. А так почти каждый день генерал-лейтенанта приглашают для выступления на предприятиях, в школах, институтах.

Генерал поддерживает связь с музеями, в частности с Нытвенским. В этом городе он провел детство, начал работать.

Леонид Петрович показывает именные часы.

— Готовлю им подарок...

На оборотной стороне читаю: «Капитану Казакову в день 23-й годовщины Красной Армии от командования дивизии». Вручили их перед самой войной...

Упомянул Леонид Петрович Нытву и задумался. Подошел к карте, сказал:

— Вот где она...

Отчий дом. Незабываемые времена. Нас все время тянет туда, где знакома каждая улочка, каждая тропинка, каждый дом. Даже если и детство было безрадостным. Жили тогда Казаковы в рабочем поселке близ Нытвы. Отец и мать денно и нощно трудились на заводе. А он, единственный в семье, был предоставлен самому себе. А когда пришел в эти края голод, подался он вместе с другими в сытные края — в Вологду. Больше месяца тряслись в ящиках под вагонами. И обиднее всего, что проехали все-таки Вологду...

А когда наступили холода, стало невмоготу, и безпризорники ватагой подались в Одессу. Облюбовали подходящий «дворец» в катакомбах, целыми днями бродили по рынкам. А потеплело — занялись рыбалкой. Потом попали в трудовую колонию. Там сразу обжились и стали своими людьми.

— Хорошо там было, — вспоминает генерал, — и учили, и кормили. Вот только домой тянуло.

Вернулся парень в Нытву в двадцать втором. Семь классов окончил и в комсомол вступил. Работал на заводе, потом уехал в Лысьву, в металлургический техникум, который окончил в мае 1932 года. И в этом же году его по спецнабору направили в военное училище.

Вскоре приобретенные знания пришлось применять на практике, когда он участвовал в боевых операциях во время военного конфликта с Финляндией. А Великая Отечественная война застала Леонида Петровича на юге — в Тирасполе, в 9-й армии, в должности заместителя начальника оперативного отдела.

Мы, наверное, не всегда правильно представляем себе штабную роту. Нередко еще в нашем понимании штабист — человек, вечно погруженный в подсчеты, карты, схемы, боевые донесения, докладные записки. Отчасти это верно, потому что штаб называют мозговым центром, где перерабатывается вся оперативная информация с мест и становится видна общая картина. Но одно дело анализировать события по сводкам, другое — увидеть на месте самому. Личное восприятие ничем не заменишь. Так вот, Леонид Петрович Казаков из тех, кто любит все «пощупать», увидеть своими глазами. Он использовал любую возможность, чтобы побывать на передовой, почувствовать пульс боя. Такие поездки на войне всегда рискованны, так и в этот раз...

Было это в мае 1942 года на Харьковском направлении. В ту пору Казаков был старшим офицером оперативного управления штаба фронта. С боевым приказом он вылетел на «пешке» (Пе-2). Налетели «юнкерсы». Наш самолет принял бой, но был подбит и упал в болото. Люди остались живы. Труднее было добраться до своих. Подошли к Северному Донцу. Решили переправиться. И уже на середине, когда до берега оставалось совсем близко, их обнаружили фашисты. Вскипела река. Какими долгими и трудными были те метры. Двоих ранило. Помогая друг другу, они добрались все-таки к своим. А здесь узнали новость: их считали погибшими и отправили домой похоронки...

Дон. Сталинград. Курск... Белорусская, Люблинско-Брестская, Висло-Одерская, Восточно-Померанская, Берлинская... Это далеко не полный перечень операций,

в которых Леонид Петрович Казаков принимал личное участие.

— Какая же из них была самой памятной? — спрашиваю генерала.

Он не сразу ответил. Подумал. Закурил. Выпил несколько глотков крепко заваренного чая.

— Все были и трудными, и памятными. И все же выделяю Сталинградскую и Берлинскую.

Сталинград... Генерал закрывает глаза. Он вспоминает. Перед его мысленным взором сейчас многострадальный, искореженный, но непокоренный город. Он говорит о Сталинграде не только как о городе или точке на карте, а как о событии, от исхода которого зависела судьба человечества. Военные историки написали не один том исследований. И, конечно, еще напишут. Вновь и вновь они будут разбирать стратегические замыслы Советского командования, анализировать просчеты фашистского генерального штаба, который предусмотрел все, кроме нестигаемой стойкости советских людей, великой преданности социалистической Родине.

Леонид Петрович говорит о нравственном аспекте грандиозного сражения на Волге, о героизме советского солдата, о его преданности делу Коммунистической партии.

В октябре 1967 года при открытии памятника-ансамбля на Мамаевом кургане Л. И. Брежнев сказал: «Победа под Сталинградом была не только просто победой, она была историческим подвигом. А подлинная мера всякого подвига может быть справедливо оценена только тогда, когда мы до конца представим себе, среди каких трудностей, в какой обстановке он был свершен».

А тогда Сталинград оборонялся. И готовился к наступлению. Мозг штаба — оперативный отдел — работал круглые сутки. Разве можно в обыденное слово «работа» вместить весь круг обязанностей, которые исполняли штабисты? Л. П. Казаков с оперативной группой выезжал на самые опасные участки фронта. Впрочем, «выезжал» будет не совсем верно. Потому что штаб находился тут же, на передовой.

— Готовить наступление всегда легче, — говорит генерал. — Тем более, что к тому времени мы смогли собрать в кулак солидную силу...

В Сталинград непрерывно перебрасывались войска и

техника. Мощь артиллерийской группировки усилилась благодаря гвардейским минометным частям. К началу наступления Ставка направила сюда 115 дивизионов. В дивизионах насчитывалось 1250 установок и рам, которые за один залп могли выпустить более 10 тысяч мин всех калибров. Это означало, что каждый залп обрушивал на головы врага более 500 тонн металла.

Генерал называет имена и события, будто все это было совсем недавно. Оперативную обстановку он хорошо помнит. Теперь, спустя много лет, лучше видится истине всенародный подвиг у Волги. Генерал говорит о командире роты Рубене Ибаррури — сыне прославленной Пасионарии, о мужественном солдате Матвее Путилове, подполковнике Г. Н. Филиппове, который с бойцами передового отряда захватил очень важную переправу через Дон.

— Мне нередко приходится выступать перед молодежью, — говорит Леонид Петрович. — О чем я больше всего говорю — о русском характере.

И продолжает свою мысль...

После Сталинградской битвы многие западные публицисты заговорили о загадочном, чуть ли не мистическом русском характере. Не таинственность, а вполне реальные, земные человеческие качества: стойкость, мужество, самопожертвование, смелость — вот что остановило врага. И еще, а вернее, прежде всего — всепобеждающая любовь к партии, своему народу, своему социалистическому Отечеству...

Мне казалось, что, рассуждая таким образом, мы все время уходим от главного — личного участия генерала в операциях. А потом подумал: а ведь во всем этом, наверное, и есть сам Леонид Петрович, человек храбрый, рассудительный, знаток военной теории и человеческих душ, скрупулезный штабист, тонкий психолог. Не зря, видимо, разработку самых трудных операций, где надо учитывать не только количество пушек, боеприпасов и самолетов, но и моральный заряд, психологическую устойчивость, доверяли ему. И каждому плану, каждой операции и бою он отдавал частицу своего неугомонного сердца.

Так было и в Висло-Одерской и Берлинской операциях. Кроме оперативных карт, боевых приказов, он написал тогда около 200 страниц пояснительной записки.

И хотя сам называет это «техническим оформлением», можно себе представить, сколько они стоили труда, энергии, времени.

Умение «видеть» предстоящий бой со всех сторон, точно рассчитать силы, уловить все неожиданные нюансы послужило основной причиной, по которой и в послевоенные годы Леонид Петрович остался верен штабной работе.

Тяготеют к отцовской профессии и сыновья генерал-лейтенанта в отставке Леонида Петровича Казакова: готовится к защите докторской диссертации кандидат технических наук подполковник-инженер Евгений Леонидович. Олег Леонидович окончил высшее военное училище и служит в Генеральном штабе. За пределами Родины — в Южной группе войск — служит младший Казаков — старший лейтенант Андрей Леонидович. Да и отец их еще в строю, в поиске. Одесская областная организация общества «Знание» выпустила в помощь лекторам брошюру «Героическая оборона Одессы». Составлена она генералом Л. П. Казаковым. Несмотря на недуги (годы берут свое), перенесенную тяжелую операцию, он не мыслит себя без работы, приносящей радость и моральное удовлетворение.

Н. Сумской

**СТРАЖИ
ФРОНТОВОГО
НЕБА**

☆ ☆ ☆

Иван Гаврилович Каменский родился в августе 1898 года в деревне Боярских Нытвенского района Пермской области. Работал сначала на пристани Усть-Качка, затем на Мотовилихинском заводе. В 1918 году И. Г. Каменский добровольцем ушел в Красную Армию, стал артиллеристом, воевал против Колчака, Юденича, белополяков, сражался с махновцами.

И. Г. Каменский окончил 2-е Ленинградские командные артиллерийские курсы, Военно-артиллерийскую академию, служил в Ленинградском, Московском и других военных округах.

В годы Великой Отечественной войны И. Г. Каменский командовал 8-й зенитной артиллерийской дивизией РГК (4-й гвардейской), с которой прошел боевой путь от Курской дуги до Берлина.

В 1944 году ему было присвоено звание генерал-майора.

И. Г. Каменский награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды и медалями.

Сейчас И. Г. Каменский в отставке, живет в Евпатории.

☆ ☆ ☆

Эта местность Ивану Гавриловичу Каменскому была хорошо знакома. Те же балки и возвышенности, так же невозмутимо и спокойно катил свои волны Днепр. Здесь И. Г. Каменский в годы гражданской войны сражался за Советскую власть. Воевал с польской шляхтой. Был он тогда командиром взвода артиллерийского дивизиона 7-й Краснознаменной дивизии. Весной 1920 года он вместе со своими артиллеристами форсировал Днепр, осво-

бождал Киев, потом «крошил» пилсудчиков у Новоград-Волынска, Грубешова и Холма. Тогда за героизм, проявленный при взятии Ковеля, И. Г. Каменский получил свой первый орден Красного Знамени. Теперь ему вторично предстояло форсировать Днепр, сражаться за Киев. В его распоряжении были уже не трехдюймовки с ограниченными возможностями действия и запасом снарядов, а мощные зенитки. К тому же его 8-я зенитная дивизия, которую он формировал и готовил к предстоящим боям, прошла хорошую боевую закалку на Курской дуге. Она была придана 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова. Зенитчики заняли огневые позиции в боевых порядках армии, и ночью в какие-то считанные часы отрыли «карманы» для орудий, тщательно замаскировали их. А утром началось вражеское наступление.

Едва забрезжил рассвет, как на наши позиции обрушился мощный артиллерийский удар, затем фашистское командование бросило сотни бомбардировщиков, а следом за ними начали атаку «тигры» и «пантеры».

И. Г. Каменский умело перенацеливал части дивизии с воздушных на наземные цели. Отбив налет фашистских бомбардировщиков, артиллеристы дивизии принялись уничтожать вражеские танки и пехоту. И это они делали умеючи. Вот где сказались плоды учения частей, подразделений и расчетов перед отправкой на фронт. В период формирования дивизии занятия проводились днем и ночью. Особенно пригодились опыт и мастерство тех, кто уже побывал в боях.

Потом новые вражеские атаки. Они следовали одна за другой. Трудно было зенитчикам вести одновременно огонь и по фашистским самолетам, которые почти непрерывно бомбили, стремясь подавить наши расчеты, и еще помогать пехотинцам отбивать танковые атаки. Не успели зенитчики отдохнуть за ночь (привести в порядок технику и подвезти боеприпасы), как в 3 часа утра противник вновь бросил в атаку авиацию, танки, автоматчиков. Так продолжалось и в последующие дни. Потом войска, измотав противника, нанесли ему мощный контрудар, прорвали линию его обороны, и зенитчики вместе с танкистами устремились на юг.

Теперь зенитная дивизия действовала вместе с 38-й армией К. С. Москаленко.

Советские воины 27 сентября почти с ходу форсиро-

вали Днепр около населенного пункта Сваромье и стали расширять плацдарм, пробиваясь в сторону Лютежа. Фашистское командование сразу же бросило на районы переправ бомбардировщики. По 40—50 вражеских самолетов почти непрерывно стали бомбить наводимые войсками переправы и мосты, правый и левый берег реки. Но И. Г. Каменский заранее подтянул зенитные батареи к переправам. Они надежно прикрывали огнем наши подразделения, форсирующие реку. А по мере расширения Лютежского плацдарма полковник И. Г. Каменский стал перебрасывать на правый берег Днепра зенитные и орудийные подразделения.

Велик был подъем наших воинов перед наступлением на Киев. Они дали клятву — освободить столицу Украины к 26-й годовщине Октября. Огромное воздействие на них имели октябрьские Призывы ЦК Коммунистической партии. В них партия призывала воинов ускорить освобождение советской земли от фашистских оккупантов. За несколько часов до начала наступления на Киев был объявлен приказ Военного совета фронта. В нем говорилось о выпавшей на долю войск 1-го Украинского фронта великой чести вернуть Родине столицу Украины. Этот приказ еще более повысил наступательный дух войск.

Утром 3 ноября с Лютежского плацдарма началось решительное наступление советских войск. И вновь противник бросил против атакующих авиацию, танки, автоматчиков. Самолеты врага почти все время находились в воздухе. И зенитчики 8-й дивизии делали все, чтобы не дать им возможности бомбить наши наступающие части и надежно защитить командный пункт командующего фронтом. На следующий день хлынул морозящий дождь. Дороги стали непроходимыми. И все равно бойцы шли вперед. Разгорелись бои на улицах Киева, и 6 ноября город был освобожден.

В тот же день в своем приказе Верховный Главнокомандующий в числе войск, принимавших участие в освобождении столицы Украины, назвал и воинов 8-й зенитной дивизии и объявил им благодарность. Дивизия получила наименование Киевской.

И снова бои. И вновь вместе с танковой армией генерала М. Е. Катуква. Зенитчики обеспечивали огневое прикрытие от вражеской авиации, когда танкисты и стрелки брали города Черновцы, Перемышль, Сандомир,

когда шло форсирование рек Буга, Днестра, Сана, Прута, Вислы. Позже дивизия вошла в состав 1-го Белорусского фронта и вместе с другими войсками отвоевывала Магнашувский плацдарм южнее Варшавы. После этого — рывок к Познани, снова обеспечение переправы наших войск на реках Варте, Одере, уничтожение танков противника, его авиации.

Отсюда зенитчики повернули резко на север — дивизия должна была помочь наземным войскам рассеять померанскую группу вражеских войск, выйти к побережью Балтийского моря. И это было успешно выполнено.

После этого — снова на юг.

Вместе с 1-й гвардейской танковой армией зенитчики дивизии И. Г. Каменского штурмовали Зееловские высоты, прорвались к Берлину и закончили свой поход в фашистской столице гвардейцами.

Восемь раз воины дивизии получали благодарность от Верховного Главнокомандующего, и Москва салютовала в честь их замечательных побед. Три наградами были отмечены боевые заслуги дивизии — орденом Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени и Богдана Хмельницкого 2-й степени. Дивизия стала называться 4-й гвардейской Киевско-Лодзинской. И ветераны дивизии помнят, что в бой их вел генерал-майор артиллерии И. Г. Каменский.

Л. Аристова

ЧЕРЕЗ ТРИ ВОЙНЫ

Иван Михайлович Карavaев родился в 1897 году в Куединском районе Пермской области. Член КПСС с 1930 года.

И. М. Карavaев в 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Был помощником, а потом командиром 187-го стрелкового полка 21-й Пермской дивизии, затем он командовал 182-м полком этой дивизии.

С 1927 по 1930 год И. М. Карavaев учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе. После окончания учебы служил в частях Московского военного округа. Звание генерал-майора ему присвоено в 1940 году.

В годы Великой Отечественной войны И. М. Карavaев сражался на Южном фронте. В 1943 году он был назначен помощником начальника Академии Генерального штаба, а позднее стал заместителем начальника этой академии.

И. М. Карavaев награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями.

И. М. Карavaев вышел в отставку, живет в Москве.

В Пермском областном краеведческом музее об Иване Михайловиче Карavaеве — участнике трех войн — собран обширный материал. Здесь автобиография, написанная его рукой, фотографии, где он снят еще в период гражданской войны один и в кругу товарищей. Здесь же многочисленные грамоты, выданные ему вместе с награ-

дами, именными подарками, и воспоминания сослуживцев о нем.

Когда знакомишься с этими документами, то начинаешь представлять и понимать этого человека, прошедшего славный боевой путь, всю свою жизнь посвятившего служению Родине, ее защите. Подтверждением тому и многочисленные награды за героизм, мужество, отвагу, украшающие грудь нашего земляка.

В одной из грамот, выданных Караваеву, есть такие слова: «Совет 3-й армии постановил наградить орденом Красного Знамени за № 5177 командира 182-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии И. М. Караваева за отличия в бою против врагов социалистического Отечества 29 сентября 1920 года у деревни Палубники».

То был его первый орден, и события тех дней особенно памяты. А было это, как вспоминают участники боев, так. Осенью 1920 года войска Красной Армии вели жестокие бои на подступах к Варшаве. Город Радимин, находящийся в 25 километрах от Варшавы, несколько раз переходил из рук в руки. Особенно успешно действовала 21-я Пермская стрелковая дивизия. Исход сражения должно было решить дальнейшее наступление наших войск.

А полки, подошедшие к Варшаве, уже были обескровлены, нуждались в пополнении и отдыхе. Они наступали от самой Березины, вели сражение с противником за каждую пядь земли, за каждый населенный пункт. И теперь им не под силу было вести дальнейшие бои. Поэтому командование Красной Армии приняло решение отвести дивизию в тыл для пополнения.

Передав свои позиции, полки отошли на восток, расположившись в районе местечка Василишки восточнее города Гродно.

Но быть в резерве пришлось не долго. Неожиданно белополяки прорвали фронт севернее Гродно, на границе с Литвой, обошли правый фланг и заняли город Лида в тылу наших войск. И 21-я дивизия, выступившая на фронт для ликвидации прорыва, оказалась в окружении.

Командир дивизии принял решение — с боем выходить из окружения через город Лида. Три полка 61-й бригады прикрывали отход передовых частей дивизии. Среди них был и 182-й полк, которым командовал И. М. Караваев.

Попытка прорыва оказалась неудачной, и полки прикрытия отошли к Неману, намереваясь обойти врага. Но белополяки к этому времени уже заняли левый берег реки. Кольцо окружения плотно замкнулось. Никакой связи с соседними частями и со штабом армии не было.

Тогда, тщательно изучив обстановку, командование бригады приняло решение наступать на город. Расчет был прост — вторичная попытка прорыва через город будет неожиданной для врагов.

Наступать решили ночью. На исходе был сентябрь. Было очень тихо и сухо. Луна хорошо освещала широкую грунтовую проселочную дорогу, по которой двигались полки, и расстояние до города преодолели бесшумно и быстро. Но напасть внезапно на город не удалось.

Как только передовые части приблизились к окраинам, плотный ружейный и пулеметный огонь плеснул по рядам наступающих. Полки красноармейцев в первые минуты несколько смешались и не смогли дать достойного отпора. Положение складывалось критическое. Медлить было нельзя. И вот тогда командир 182-го стрелкового полка И. М. Караваев вместе с командиром 183-го полка повели свои полки в наступление на деревню Палубники, в обход города. Маневр был настолько неожиданным для врагов, что после короткого боя гарнизон, расположенный в деревне, был разбит, и все три полка без больших потерь вышли из окружения.

Находчивость, мужество и героизм командиров, возглавивших прорыв, были отмечены высокой наградой.

Это только один эпизод из боевой жизни И. М. Караваева. А ведь было время, когда Иван Михайлович и не думал о том, что когда-нибудь станет кадровым военным, а защита Отечества — делом его жизни, его профессией.

Сын плотника, он с раннего детства видел в руках отца рубанок, пилу, топор, и запах свежеструганных досок и бревен помнится ему с детских лет. И, как истари повелось на Руси, мастерство отца наследовали его сыновья. И Ваня не был бы исключением.

Но жизнь распорядилась иначе. Когда мальчику было пять лет, отец умер. Заводское начальство определило осиротевшей семье пенсию семь рублей в месяц на семь человек. И только благодаря упорству и труду матери детей удалось поставить на ноги. Старшие братья, окон-

чив ремесленное училище, стали работать на заводе, сестра учительствовала неподалеку от родных мест.

Ваня, окончив заводскую школу и четырехклассное городское училище, поступил в Казанское промышленно-техническое училище.

Первая мировая война изменила его планы. Тот день, когда Иван Караваев поступил вольноопределяющимся в Казанский запасный батальон, стал началом его большой военной биографии. В ее первой части были годы, проведенные в Оренбургской школе прапорщиков, затем в действующей армии на Северном фронте, где весной 1917 года он был тяжело ранен и контужен. Врачебная комиссия признала его негодным к воинской службе. Уволенный в запас в чине штабс-капитана с четырьмя боевыми наградами, приехал он в Пермь.

Тут бы и оборваться его связям с армией. Да только события в России разворачивались так, что нужно было защищать Советскую власть от врагов, со всех сторон наседавших на молодую республику. И по личной просьбе в мае 1919 года он был назначен в боевые части. Начался новый этап биографии И. М. Караваева — командира Красной Армии.

В грамоте, выданной Ивану Михайловичу Караваеву вместе с ленинским значком в день седьмой годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии, есть такие слова-призыв: «Будь всегда готов к защите завоеваний Октября!»

Именно этому была посвящена вся жизнь и деятельность Ивана Михайловича. Он защищал эти завоевания, когда сражался на Восточном фронте против Колчака, освобождая Кунгур и Екатеринбург, на Южном фронте — против Деникина, на Западном фронте — против белополяков, участвовал в разгроме белых банд на Алтае, нес службу по охране железной дороги на участке Новосибирск — Ачинск, служил на границе.

Он был на передовой и в годы Великой Отечественной войны. Заместитель начальника штаба по тылу, а позднее — заместитель командующего 12, 18, 46-й армиями, он с первых дней войны участвовал в боях, приближая победу.

Он всегда был там, где нужны были его знания, ум, воля, боевой опыт, умение выбрать единственно правиль-

ное решение и сделать все возможное для успешного исхода боевых действий наших войск.

Но огромное напряжение сил, суровая фронтовая обстановка обострили застаревшие болезни, давали о себе знать старые раны и контузии. И в 1943 году Иван Михайлович был отозван с фронта.

Вскоре И. М. Караваяев был назначен помощником, а затем заместителем начальника Военной академии имени К. Е. Ворошилова. Теперь все свои силы и знания он отдавал делу воспитания военных кадров.

В одной из грамот, выданных И. М. Караваяеву в первые годы Советской власти, есть такие слова: «Новониколаевский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и губернских депутатов от лица трудящихся масс приносит Вам глубокую благодарность за Ваши труды на полях сражений, за дело освобождения трудящихся масс.

...Желаем Вам в будущем успеха в Вашей трудной, ответственной работе командира-воспитателя Рабоче-Крестьянской Красной Армии по подготовке новых стойких бойцов за дело революции».

Его благодарили, в него верили. И это было для него наказом, который он выполнил с честью.

**С. Мокроусов,
И. Русакова**

НА Боевом ПОСТУ

☆☆☆

Иван Ефимович Колегов родился в 1896 году в селе Дуброво Еловского района Пермской области. Участвовал в первой мировой войне в звании старшего унтер-офицера. В феврале 1917 года И. Е. Колегов стал коммунистом.

В 1918 году он добровольно вступил в Красную Армию. Перед Великой Отечественной войной И. Е. Колегов окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. В Великой Отечественной войне И. Е. Колегов участвовал с первых дней войны. Он руководил военно-инженерной службой фронта. Под его руководством создавались оборонительные сооружения. Затем он был начальником военного училища в Чернигове, возглавлял военную кафедру в Московском экономическом институте.

И. Е. Колегов награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. Звание генерал-майора ему присвоено в 1943 году.

И. Е. Колегов умер в 1959 году.

☆☆☆

Эшелон медленно тащился на восток. Вагон, куда втиснулся старший унтер-офицер Иван Колегов со своей командой выздоравливающих, как и остальные вагоны, давно не ремонтировался, скрипел, через щели и выбитые доски дул ветер, проникал снег. Не помогала и «буржуйка», стоявшая в центре вагона, хотя ее непрерывно топили, чем могли разжиться на стоянках — дровами, углем, досками от заборов.

В родные края, в Пермь, держал путь Иван Колегов. Почти два года он не был здесь. И за эту долгую, изнурительную дорогу припоминалось все: и горькое детство в селе Дуброво, когда им все время помыкала мачеха, укорявшая его каждым куском хлеба, и жизнь у деда, куда его спровадили, чтобы избавиться от лишнего едока.

Самым добрым человеком тех его ранних лет был учитель сельской школы Петр Павлович Платонов. Он не только помогал познать мир, получить знания, но и рассказывал, почему на земле все устроено не так, как нужно, почему есть бедные и богатые. С любознательным и жадным к знаниям Ваней Колеговым Петр Павлович занимался особенно охотно, приводил его к себе домой, давал книги.

Но однажды январским утром Петр Павлович пришел в школу страшно возбужденным. Объявил:

— Сегодня и завтра занятий в школе не будет. Я уезжаю в Пермь. В нашей стране произошла страшная трагедия — в Петербурге расстреляли рабочих. Они шли к царю с жалобой на фабрикантов и заводчиков. А царь приказал солдатам и казакам расстрелять их. Убито и ранено почти пять тысяч человек. И за что? Только за то, что шли к царю искать правды и защиты от произвола богатых. А царь-батюшка ответил на это пулями и шашками.

Вернулся учитель в село через три дня. Встретил его Ваня у школы. Учитель нес в руках большой, объемистый пакет.

— Давайте помогу, — сказал Ваня.

— Нельзя. Здесь то, что хлеще динамита, — весело ответил учитель.

Дома распаковали сверток. Там оказались листовки. Ваня уже знал, что это такое, — Петр Павлович иногда брал его с собой, когда ходил по деревням, проводил с крестьянами беседы, и иногда читал такие листовки.

В первое же воскресенье они вновь отправились по деревням. Учитель рассказывал крестьянам о том, что произошло в Петербурге, о забастовках и стачках, охвативших всю страну, о вооруженных столкновениях рабочих с полицией и жандармами, о волнениях в деревнях, захвате крестьянами помещичьих земель.

Был яркий весенний день, когда они отправились на очередную встречу с крестьянами. Петр Павлович взял

с собой новые листовки, полученные из Перми. В деревне их уже ожидали. Закутавшись в домотканые зипуны, сидели мужики на бревнах и дымили самосадам. Только учитель начал беседовать, как на его плечи опустилась рука урядника. Кто-то уже сообщил ему, что учитель Платонов станет вновь говорить «крамольные речи» и читать запрещенные листовки против царя. Схватили за шиворот и Ваню Колегова. Обоих доставили в Осу. Посадили в каталажку. Допрашивали с пристрастием, допытывались, откуда листовки. Ваня все отрицал, говорил, что ничего не знает.

Его отпустили через три дня. Петра Павловича он больше не видел. Сказали, что его куда-то сослали.

Дома Ваню встретили холодно.

— Каторжником хочешь стать? Против царя-батюшки идешь, в бога не веруешь? Антихристово племя! — кричала на него мачеха.

Вскоре Ване Колегову пришлось оставить школу. Пешком добрался до Перми. Устроился чернорабочим на кирпичный завод, а когда подрос — грузчиком в Левшино, молотобойцем и слесарем на спиртоочистном заводе.

В один из августовских дней 1915 года Ивана Колегова вызвали в воинское присутствие.

— Призываем тебя, Колегов, в армию, — сказал писарь.

— Мне еще рано. Мой год не подошел, — ответил он.

— Не рассуждай! Призываем тебя досрочно. Царя-батюшку и веру православную защищать.

Так Иван Колегов попал в 162-й запасный полк. Потом его направили командиром взвода в 87-й сибирский стрелковый полк. Воевать пришлось в Пинских болотах.

Под Луцком его ранили. Госпиталь. И снова фронт. На этот раз Румынский. Здесь под городом Брэила он получил второе ранение. И опять госпиталь. Затем Коренная Пустынь Курской губернии. Команда выздоравливающих № 116. И там однажды в кармане шинели нашупал Иван листок. Развернул и прочитал: «Воззвание к солдатам всех воюющих стран». Внизу подпись: «Центральный Комитет РСДРП». Быстро спрятал. При этом подумал: «Хорошо. Значит, и здесь есть смелые люди, как мой учитель». Листовку не выбросил. Вечером прочитал нескольким солдатам.

— Правильно написано. Пора кончать войну. Она

народу не нужна. От нее богатеют только буржуи, — сказал один из них.

Вскоре Иван Колегов снова обнаружил листовку в кармане. Прочитал солдатам. С того времени он стал действовать смелее. Знал, что боевые товарищи его не выдадут.

И все же кто-то донес... Арест, ему грозит суд, разжалование, отправка в штрафную роту. Но этого не случилось — произошла Февральская революция. К этому времени Иван Колегов уже вступил в ряды большевистской партии.

Теперь эшелон вез его в родные места. Но он уже был другим человеком. Общение с большевиками на передовой, чтение нелегальной литературы еще больше расширили его кругозор. Теперь Иван Колегов знал, что ему надлежит делать, как поступить в той борьбе, которая развернулась в стране за прекращение войны, за свержение остатков самодержавия.

Пермь встретила красными флагами, собраниями, митингами. Ораторов было много. Спорили до хрипоты. Большевики выступали за немедленный мир, восьмичасовой рабочий день, представители буржуазных течений — за продолжение военных действий до победы. Им вторили меньшевики и эсеры. Так же бурно проходили собрания и митинги в казармах запасного полка.

Иван Колегов прибыл в него, когда в полку готовилось собрание по выборам полкового солдатского комитета. Избрали в него и Ивана Колегова.

Однажды в один из летних дней его вызвал к себе председатель солдатского комитета. Разговор был короткий.

— Ты, Колегов, осинский?

— Да. Там вырос, в селе Дуброво.

— Значит, знаешь тамошних людей. Твоя кандидатура как раз подходит. Туда направляется команда выздоравливающих, чтобы оказать крестьянам помощь в полевых работах. Вот и будешь там представителем нашего комитета. Твоя задача — работать с крестьянами, особенно с бедной. Разъясняй им политику нашей большевистской партии.

Вновь увидел Иван Колегов свое родное село. Как прежде с учителем Платоновым, шагал он по селам и деревням, проводил собрания и сходки, рассказывал кре-

стыням о тех бедствиях, которые несет война, говорил о том, за что борется партия большевиков.

И вот в одну из октябрьских ночей Ивана Колегова разбудил настойчивый стук в окно.

— Кто там?

— Это я, Иван Ефимович, Радостев, срочно из Перми послали, из комитета.

Отворив дверь, Колегов впустил гостя.

— Ну что, рассказывай.

— Вести-то хорошие. В Петрограде свергнуто Временное правительство. Сбежал Керенский. Создан Совет Народных Комиссаров. Его возглавляет Ленин. Изданы первые декреты — о мире, о земле. Вот они. Приняты по телеграфу. Немедленно созывай секцию.

За полчаса собрали всех членов военной секции, подняли депутатов Совета. Заседали до утра. Комиссаром по формированию первого отряда Красной гвардии избрали Ивана Колегова. Он же возглавил штаб.

Поскольку Совет уже давно был полновластным хозяином в уезде, сменили только несколько монархически настроенных чиновников. В тот же день отпечатали листовки о свержении Временного правительства, о первых декретах Советской власти, разослали их по селам и деревням.

Для Ивана Колегова наступили горячие дни. Нужно было формировать отряды Красной гвардии, обеспечивать их оружием, обучать. А вскоре осинский отряд ушел сражаться с атаманом Дутовым. В мае местные кулаки подняли восстание. В подавлении его участвовал и Иван Колегов. Затем пришлось усмирять кулаков в Бирском уезде. А месяц спустя он выехал на подавление мятежей, которые подняли белогвардейцы и их прислужники в Ижевске и Воткинске.

А потом новая опасность нависла над Прикамьем — начал свое наступление адмирал Колчак. Иван Колегов сражается с белогвардейцами в составе 28-й стрелковой дивизии, командуя ротой, затем в 29-й дивизии. О том, как воевал Колегов в то время, свидетельствует документ, написанный командиром полка. Там сказано:

«Не могу не отметить товарища Колегова, как неутомимого командира, получившего большой боевой опыт, и как справедливого начальника по отношению к красноармейцам своей роты».

И вот Шадринск — небольшой зауральский городок. Колчаковцы всеми мерами стараются преградить наступающим частям Красной Армии путь в Сибирь.

Одна из ожесточенных схваток произошла около села Ичкин. Колчаковцы создали здесь немало скрытых позиций, пристреляли рубежи, умело замаскировались. К тому же оборону тут держали отборные части из юнкеров и офицеров.

Не успели красноармейцы подойти к селу, как противник обрушил на них сильный огонь. Часть красноармейцев растерялась, стала откатываться назад. Тогда Иван Колегов выскочил вперед и крикнул:

— Не отступать! За мной!

И бойцы бросились за ним в атаку.

Белогвардейцы не ожидали такого поворота. Их смели решительной атакой.

Колегов был ранен в ногу, однако продолжал вести за собой красноармейцев. Только после второго ранения, когда село было почти полностью освобождено, позволил перевязать себя.

В госпитале месяца через полтора раны зарубцевались. После выписки Ивана Колегова назначили военным комиссаром Уфы. Потом он возглавлял в Прикамье борьбу с дезертирами, учился в университете, был помощником Пермского губвоенкома. А через три с половиной года Иван Колегов был назначен военным комиссаром Забайкальской губернии. Здесь было не легко. Еще бродили остатки недобитых белогвардейских банд. Они прятались на заимках, хуторах, в глухих местах, пробирались на советскую территорию из Монголии, Маньчжурии, убивали советских активистов, сжигали села.

В октябре 1926 года Иван Колегов был назначен начальником управления территориального округа прославленной Ульяновской имени В. И. Киквидзе стрелковой дивизии. Несколько позже пришел ему вызов в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Среди изучаемых дисциплин Ивана Ефимовича особенно привлекало военно-инженерное дело, создание различных укреплений, оборонительных рубежей, минирование. Это и определило его назначение после окончания академии. В мае 1932 года он стал начальником штаба Коростеньского укрепленного района. А через полтора года — начальни-

ком отдела Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В те дни Колегова редко можно было застать в штабе — он колесил вдоль границы. У него была одна забота — создать укрепления, узлы сопротивления, сделать рубежи нашей Родины неприступными для японских захватчиков.

Вскоре Иван Ефимович возглавил одно из отделений Административно-мобилизационного управления Красной Армии, работал в секретариате Комитета Обороны при Совете Народных Комиссаров. Вся его энергия была направлена к одной цели — внести свой вклад в дело повышения боевой готовности нашей армии.

Когда немецко-фашистские полчища вторглись в нашу страну, И. Е. Колегов — слушатель Академии Генерального штаба — подал рапорт начальнику академии: «Прошу немедленно откомандировать меня в действующую армию».

Через две недели И. Е. Колегов предстал перед командующим Северо-Западным фронтом Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым.

— Прибыли вы, полковник, весьма кстати, — начал разговор К. Е. Ворошилов, — обстановка у нас тяжелая. Натиск врага сдерживают тридцать наших дивизий. Из них только пять полностью укомплектованы. Противник превосходит нас своими силами — артиллерией в четыре раза, минометами почти в шесть раз, не говоря уже об авиации. Вот почему очень важно как можно быстрее сооружать дзоты, доты, блиндажи, отрывать противотанковые рвы и эскарпы, создавать минные поля. Этим вы займетесь немедленно. В первую очередь это нужно сделать в районе Пскова, Новгорода, Луги, Старой Руссы.

Для И. Е. Колегова начались хлопотливые дни. В штабе фронта он почти не появлялся, все время проводил в дивизиях, полках, батальонах. Под его руководством были созданы многие сотни дотов и дзотов, тысячи блиндажей, наблюдательных и командных пунктов, открыты сотни километров траншей и противотанковых рвов, уложены десятки тысяч противотанковых и противопехотных мин.

Огромное напряжение сказалось на здоровье. Дали о себе знать четыре раны, полученные в прежних боях. По состоянию здоровья И. Е. Колегов был направлен в Москву на лечение.

На фронт его больше не отпустили. Сначала он был назначен начальником военного училища, а затем возглавил военную кафедру в Московском экономическом институте. Спустя три года после окончания войны И. Е. Колегов вышел в отставку.

А. Шарипов

**ВОИН,
УЧЕННЫЙ,
ПАТРИОТ**

Николай Васильевич Крисанов родился в 1893 году в Перми в семье капитана буксирного парохода. После окончания реального училища поступил в Петербургский политехнический институт на строительный факультет. В 1918 году он добровольно вступил в Красную Армию и всю свою жизнь посвятил делу обороны страны, пройдя путь от рядового до генерал-майора инженерных войск.

В годы Великой Отечественной войны был начальником инженерных войск армии. На фронте стал коммунистом.

Звание Героя Советского Союза ему присвоено в октябре 1943 года.

В послевоенные годы Н. В. Крисанов возглавлял кафедру в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Н. В. Крисанов умер в 1948 году.

В начале 1941 года в Москве, в доме на Смоленском бульваре встретились генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев и полковник Николай Васильевич Крисанов. Встретились два крупных специалиста военно-инженерного дела, учитель и ученик, которых связывала давняя дружба.

Этой встрече предшествовали годы совместной работы, начавшейся еще в гражданскую войну.

Д. М. Карбышев был известен как опытнейший теоретик военно-инженерного дела. Его собеседник — полковник Крисанов — имел биографию, в некоторой степени сходную с биографией Карбышева.

Николай Васильевич Крисанов родился в семье капи

тана небольшого буксирного парохода. В 1910 году Николай Крисанов окончил реальное училище. Летом того же года он стал студентом строительного факультета Петербургского политехнического института. В 1914 году началась мировая война. Николая Крисанова направили в Павловское военное училище. Через год в звании подпоручика его направили на фронт в составе саперного батальона.

Весть о свержении самодержавия Николай Крисанов встретил с искренней радостью. Он встал на сторону трудового народа и добровольно вступил в ряды Красной Армии.

Крисанова назначили начальником учебного класса саперного батальона. Вскоре его перевели в распоряжение начальника инженерных войск 5-й армии Д. М. Карбышева. Эта армия находилась тогда в Забайкалье.

Крисанов представился Карбышеву и протянул пакет. — Личное дело свое сдадите в канцелярию, а сейчас садитесь.

Карбышев рассказал новому сослуживцу о том, как, по его мнению, следовало укрепить Забайкальский плацдарм, с которого армия могла перейти в наступление, посоветовал, как начать подготовку людей, которые занимаются инженерными работами.

Крисанова оставили в управлении инженером-фортификатором.

Осенью 1920 года Карбышева и Крисанова перевели в штаб Южного фронта. Советские войска готовились к штурму крымских укреплений Врангеля. Командующий фронтом М. В. Фрунзе принял военных инженеров. Коротко обрисовав обстановку, он дал несколько советов по разработке планов наступательных операций на Перекоп и Чонгар.

Карбышев и Крисанов инженерное обеспечение всех переправ выполнили в срок, и войска Южного фронта провалили позиции белых и вступили на землю Крыма.

Большой школой для Крисанова была работа в Военно-строительном управлении Советской Армии, где он работал вместе с Карбышевым.

...Все это Крисанов вспомнил, сидя в квартире Карбышева. Вскоре разговор коснулся международного положения.

— Нам необходимо выиграть время, — поделился

своими мыслями Карбышев. — Война, конечно, возможна. И надо к ней готовиться.

И она грянула.

Первое назначение Крисанова — руководить строительством Брянского оборонительного рубежа. По заданию командования фронта он одновременно формирует двадцать инженерно-строительных батальонов.

В последующем Крисанов продолжает работу уже в должности начальника инженерных войск 38-й армии. Действуя в составе Воронежского фронта, она до января 1943 года «приковала» дивизии 2-й фашистской армии, держала их в постоянном напряжении и этим в дни Сталинградской битвы оказывала огромную помощь защитникам волжской твердыни.

В январе того же года пришел в движение и Воронежский фронт. 26 января главные силы армии были брошены на Касторное и на некоторых участках с боями продвинулись на пятнадцать километров. Однако морозы, метель и снежные заносы не благоприятствовали наступающим. Отряд обеспечения движения вот уже сутки без отдыха расчищал дорогу в тридцатиградусный мороз. Но вот он остановился — кончился материал. Замерли колонна артиллерии, машины с боеприпасами и продовольствием. Оставался единственный выход из положения — идти в деревню, до которой семь километров, и на руках нести оттуда строительные материалы.

— Материалы там не брать. Для ограждения дороги используйте снег. Стройте снежный забор, — приказал Крисанов.

Передовой отряд вновь начал прокладывать путь. К утру дорога удлинилась еще на восемь километров. Артиллерия догнала наступающие части. Войска получили боеприпасы и продовольствие. Наступление продолжалось.

К 29 января 1943 года окружение группировки противника было завершено. В проведении этой операции инженерные части 38-й армии проявили беспредельное мужество, обеспечили успешное продвижение танков, артиллерии.

В Курской битве 38-я армия обороняла район, прикрывающий Обоянь. Саперы под руководством Крисанова создали неприступную оборону. Она состояла из нескольких линий, прикрытых мощными заграждениями

глубиной в двадцать километров. На обратных скатах высот раскинулись минные поля. Саперы соорудили надежные противотанковые и противопехотные заграждения, проложили дороги.

Утром 5 июля фашисты попытались проделать проходы в наших минных полях, но огонь артиллерии и пулеметов помешал им, и несколько вражеских танков окуталось дымом. Фашистские танки вынуждены были отойти на исходный рубеж.

На другой день после артиллерийского обстрела противник пошел в атаку. На одном участке обороны наступали десять тяжелых и восемь средних танков. Их встретила группа саперов, которые занимались восстановлением минного поля. Бойцы Мартынов и Пилипенко быстро встали у пульта 50-килограммового фугаса. Нажата кнопка управления — и мощный взрыв потряс воздух. Три танка были уничтожены, остальные повернули обратно. На следующее утро все началось сначала. И на этот раз противнику не удалось прорвать нашу оборону. На минных полях подорвалось более десяти танков. Еще больше было подбито нашими артиллеристами.

В результате победы в Курской битве советские войска перешли в общее наступление от Великих Лук до Черного моря.

Подходил к концу третий год войны. 38-я армия, преследуя отступающие фашистские войска, 22 сентября вышла к Днепру у Киева. Под сильным огнем противника передовые отряды переправились на противоположный берег около села Лютеж. Для переправы основных сил Крисанов предложил построить мост на сваях. Сооружать его пришлось в исключительно тяжелых условиях. Вражеские артиллерийские обстрелы, бомбежки осложняли выполнение задачи. Крисанов лично руководил строительством. Сто восемь часов без сна, в напряженных, нечеловеческих условиях люди строили мост, и наконец 30 октября на рассвете по нему пошел наш первый танк. Мост выдержал испытания.

Позднее фашистские генералы признались, что советские саперы проявили большое искусство в постройке моста через Днепр.

Боевая деятельность Крисанова была высоко оценена. Командование в своем представлении к награде писало: «Под систематическим артиллерийским обстрелом

и бомбежкой Крисанов лично руководил постройкой моста через Днепр...

Будучи контуженным, не оставлял руководства строительством моста до полного окончания работ.

Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Затем бои в Прибалтике. И здесь Николай Васильевич Крисанов показал себя искусным военным инженером, немало способствовал успешным военным операциям.

В январе 1945 года генерал Крисанов был назначен начальником кафедры Военной академии имени М. В. Фрунзе. Ему предложили должность, которую до войны занимал Дмитрий Михайлович Карбышев.

На первую лекцию Крисанова пришел весь профессорско-преподавательский состав. Это было в начале 1945 года. С волнением Николай Васильевич взошел на кафедру. Как слушатели воспримут его выступление? Дойдет ли до них все, что он хочет сказать? Поймут ли важность единства теории и опыта Великой Отечественной войны?

Лекция закончилась под аплодисменты.

Все свои силы, знания и опыт Николай Васильевич Крисанов отдавал обучению и воспитанию офицеров Советской Армии. Однако долго работать в академии ему не довелось: 12 октября 1948 года он скончался.

Но память о патриоте Родины Герое Советского Союза генерал-майоре инженерных войск Н. В. Крисанове живет. Его именем назван один из пассажирских теплоходов Камского речного пароходства и одна из улиц Перми. На здании бывшего реального училища, где Н. В. Крисанов получил среднее образование, установлена мемориальная доска.

Г. Грабченко

ОН ВЕЛ К ПОБЕДЕ

Василий Иванович Кузнецов родился в 1894 году в Усть-Усолье Соликамского района Пермской области. Работал в Соликамском земстве счетоводом. В 1918 году вступил в Красную Армию. Воевал против Колчака, Врангеля. Был командиром 264-го полка прославленной 30-й Иркутской дивизии.

После гражданской войны он командовал дивизией, затем корпусом. В те же годы стал коммунистом.

В начале Великой Отечественной войны В. И. Кузнецов был командующим 1-й ударной армией, которая громила фашистов под Москвой. Затем он воевал под Сталинградом, на Курской дуге.

С 1943 по март 1945 года В. И. Кузнецов был заместителем командующего 1-м Прибалтийским фронтом. В дни штурма Берлина генерал-полковник В. И. Кузнецов возглавил 3-ю ударную армию.

Звание Героя Советского Союза ему присвоено в период Берлинской операции.

После Великой Отечественной войны В. И. Кузнецов был председателем Центрального комитета ДОСААФ, командовал войсками Приволжского военного округа, работал в Генеральном штабе Советской Армии.

В. И. Кузнецов умер в 1964 году.

Декабрьским днем 1941 года морские пехотинцы, большинство которых были уроженцами Пермской области, ворвались в деревню Языково под Яхромой. Среди трофеев оказался штабной фургон гитлеровцев. Моряки обнаружили в нем новенькие, старательно выглаженные

офицерские парадные мундиры, ордена и медали. Пленный фашистский лейтенант рассказал, что офицеры его полка готовили это обмундирование к параду на Красной площади в Москве. Они были уверены, что именно на этом участке фронта войдут в советскую столицу в ближайшие дни. Но дорогу им преградили солдаты 1-й ударной армии генерал-лейтенанта Василия Ивановича Кузнецова.

В тяжелые дни битвы за Москву вступил в командование 1-й ударной армией генерал-лейтенант Кузнецов. В ту пору Родина бросила на решающий участок войны своих лучших военачальников, лучшие партийные и военные кадры. Среди них был и уралец В. И. Кузнецов.

Военную службу он начал еще в царской армии. Сражался рядовым в первую мировую войну. Отличился в боях и был послан в Казанскую школу прапорщиков. Затем снова фронт, снова передовая. Революцию встретил радостно, всем сердцем. Встал в ряды Красной Армии. В октябре 1919 года был назначен командиром Верхне-Уральского полка 30-й Иркутской дивизии, бился за родной Урал против Колчака, сражался в низовьях Селенги в Забайкалье.

Водил Кузнецов своих красноармейцев и на Южном фронте в бои против белогвардейцев. И побеждал. Громил махновцев... Его полк смял врангелевцев на знаменитом Чонгарском перешейке в Крыму.

На VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил:

«Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем».

Это было сказано и про героизм воинов полка, которым командовал в Перекопско-Чонгарской операции молодой командир Василий Иванович Кузнецов. Тогда он был награжден орденом Красного Знамени и серебряными именными часами.

С тех пор всю свою жизнь талантливый офицер связал с Советской Армией. Он прошел почти все ступени командирской службы: от взводного до командующего

армией, заместителя командующего фронтом, командующего округом.

В начале Великой Отечественной войны генерал В. И. Кузнецов был командующим 3-й армией, штаб которой находился в Гродно. В первые же часы войны армия Кузнецова приняла на себя жесточайший удар гитлеровцев.

Фашисты неоднократно сообщали о гибели 3-й армии. Но она сражалась, отступала и атаковала, била врагов на Немане и в болотах Полесья. Из отступающих частей командующий создавал новые дивизии, и они вновь вступали в жестокие бои.

Когда над Москвой нависла смертельная опасность, В. И. Кузнецов с фронта был вызван в Ставку Верховного Главнокомандующего. Его принял начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Он ознакомил генерала с обстановкой на фронте под Москвой, отметил на карте, как наиболее опасный, участок в районе Дмитров — Яхрома, где противник ближе всего подошел к столице.

Затем Борис Михайлович Шапошников вручил генерал-лейтенанту В. И. Кузнецову приказ Ставки о формировании новой, 1-й ударной армии и о назначении его командующим этой армией. Она должна была сосредоточиться до 30 ноября в районе Дмитров — Яхрома — Загорск, куда сразу и отбыл ее командующий.

К концу ноября в состав армии вошли восемь стрелковых бригад, одна стрелковая дивизия, девятнадцать лыжных батальонов, артиллерийский полк, дивизион «катюш».

В один из дней командарма вызвал по телефону Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Он интересовался, как идет сосредоточение армии. В. И. Кузнецов сообщил, что возникла угроза опоздания отдельных частей, что не хватает штабных работников. Сталин сообщил, что в Загорск будет направлен работник из ЦК со штабными офицерами. Тут же приказал оказать помощь окруженной группе войск, которая пробивается с боями навстречу 1-й ударной армии. Одновременно Верховный Главнокомандующий предупредил о возможном выходе противника в районе Дмитров — Яхрома и предложил подготовить прибывшие части к встречным боям.

Предположение подтвердилось: фашисты на этом

участке фронта перешли в наступление. Они захватили Яхрому, мост через канал Москва — Волга, заняли деревню Перемилово на его восточном берегу. Главный водный рубеж на пути гитлеровцев к Москве был ими преодолен, да еще они захватили мост — прекрасную переправу через канал.

Навстречу фашистам выдвинулся 3-й батальон 29-й бригады. Ударили реактивные минометы. Враг отошел. Но командарм понимал, что фашисты обязательно будут расширять захваченный плацдарм на восточном берегу канала и рваться к столице.

В. И. Кузнецов решил атаковать фашистов на рассвете 29 ноября. Расчет был таков: по заведенному порядку гитлеровцы в это время отдыхали. Видимость ранним осенним утром была никудышная, и советские солдаты под командованием командира 50-й бригады подползли к боевому охранению противника незамеченными. Внезапно они поднялись в атаку. Застигнутый врасплох враг бросился бежать за канал, оставив на поле многих своих солдат и офицеров, двадцать танков, оружие, боеприпасы. Наши бойцы захватили мост через канал. Чтобы лишить противника возможности снова переправиться через водную преграду, мост взорвали.

Так части 1-й ударной армии сорвали вражеский план обойти столицу с севера.

Приказом командующего Западным фронтом перед армией ставилась задача утром 2 декабря нанести удар левым флангом в направлении Деденово — Федоровка, в тот же день освободить окруженную группировку, которая включалась в состав армии, и наступать в направлении Клина, во взаимодействии с двумя другими армиями разбить клинско-солнечногорскую группировку врага и выйти на рубеж Клин — Солнечногорск.

С утра 2 декабря бойцы 1-й ударной армии начали наступление. Враг был ошеломлен. Он никак не мог предполагать, что перед ним окажутся свежие силы. 8 декабря после упорных боев солдаты командарма В. И. Кузнецова овладели Яхромой. Новая угроза от Москвы была отведена. Искусным маневром наши войска перерезали дорогу Клин — Высоковск и замкнули кольцо вокруг Клина. Это был уже не первый случай окружения вражеских войск.

13 декабря все центральные газеты страны напеча-

тали сообщение Совинформбюро. В сообщении говорилось:

«С 16 ноября 1941 года германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью путем охвата и одновременно глубокого обхода флангов фронта выйти к нам в тыл, окружить войска и занять Москву. Он имел задачей занять Тулу, Каширу, Рязань и Коломну — на юге, далее занять Клин, Солнечногорск, Рогачев, Яхрому, Дмитров — на севере, потом ударить на Москву с трех сторон и занять ее...

...6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери».

Сын уральского рабочего В. И. Кузнецов командовал армиями в исторических сражениях под Сталинградом и Курском, ему доверяли самые ответственные участки фронта. Были победы в Донбассе, в Прибалтике, было сражение за Берлин.

...Пришла весна 1945 года. Весна, когда уж был ясен крах гитлеровской авантюры, принесшей миру столь тяжелые жертвы. Наши войска нацелились на Берлин, на логово фашистского зверя. В начале второй половины марта 1945 года в 3-ю ударную армию 1-го Белорусского фронта прибыл новый командующий. Командование этой армией, по предложению Г. К. Жукова, принял генерал-полковник В. И. Кузнецов. Командарм, защищавший Москву в 1941 году, должен был вести армию на штурм Берлина.

5 апреля командарма, члена Военного совета, командующего артиллерией и командиров корпусов вызвали в штаб фронта. Там в течение двух дней Г. К. Жуков проводил игры на картах на тему: «Наступательные действия 1-го Белорусского фронта на Берлинском направлении». После этого маршал Г. К. Жуков поставил армиям боевые задачи, дал указание о подготовке к завершающей операции Великой Отечественной войны.

Утром командарм направил командирам корпусов

приказ: «Начало артподготовки 16.4.1945 года в 5.00. Атака пехоты и танков — 16.4.1945 года в 5.30».

В означенное время на подступах к Берлину грянул гром артиллерийской канонады. Дрожала земля. Взлетали вверх бетон, сталь вражеских укреплений. Через полчаса мощные прожекторы ослепили противника. Пошли танки, самоходные орудия, артиллерия, пехота.

Более двух недель длились бои за Берлин. Тысячи и тысячи вопросов вставали перед командармом в это время. Форсирование водных рубежей и бои на улицах, штурм укреплений врага и борьба с противником, оказавшимся в окружении...

Армия стремительно продвигалась вперед. Ее бойцам выпала великая честь первыми штурмовать рейхстаг.

Знамя Победы над рейхстагом водрузили сержанты М. А. Егоров и М. В. Кантария. Это были воины командарма В. И. Кузнецова.

Г. Белов

И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

☆☆☆

Валерьян Александрович Лядов родился в 1920 году в Перми. В 1939 году он с отличием окончил Свердловское пехотное училище и начал службу адъютантом начальника штаба 25-й армии Дальневосточного военного округа, затем командовал ротой Владивостокского военного училища, был помощником начальника оперативного отделения штаба одного из соединений 15-й армии 2-го Дальневосточного фронта. В этой должности он принимал участие в боях против японских милитаристов.

Член КПСС с 1942 года.

В. А. Лядов окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Академию Генерального штаба, служил на ответственных должностях в штабах военных округов, четыре года — на военно-дипломатической работе. Он награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета».

Сейчас гвардии генерал-майор В. А. Лядов продолжает службу в Вооруженных Силах.

☆☆☆

Начало Великой Отечественной войны застало Валерьяна Александровича Лядова на Дальнем Востоке. Эта весть обожгла сердца солдат и командиров. В. А. Лядов рвался туда, где шли бои, где он был особенно нужен. И это, он считал, было оправдано.

Валерьян Александрович с отличием окончил Свердловское пехотное училище. И, как отличнику, ему предоставлялось право выбора дальнейшего места службы. Он выбрал Дальний Восток.

Им руководил долг советского командира, который

решил посвятить свою жизнь интересам Родины, быть на переднем крае обороны страны.

А на Дальнем Востоке тогда была особенно напряженная обстановка. В сентябре 1931 года Япония начала оккупацию Маньчжурии, затем ее войска устремились в глубь Китая. Одновременно японская военщина усиленно готовила в Маньчжурии плацдарм для нападения на Советский Союз — создавала военные городки, строила многочисленные укрепления, аэродромы, шоссейные и железные дороги, непрерывно наращивала численность своих войск.

Японские милитаристы агрессивно действовали и на нашей границе. Они систематически нарушали границу, обстреливали наших пограничников, рыбаков, колхозников, задерживали суда, пытались заслать на нашу территорию диверсионные банды, шпионов.

В июле — августе 1938 года японские войска совершили агрессию против нашей страны в районе озера Хасан. Советские воины дали им сокрушительный отпор. Однако агрессор не извлек из этого урока и настойчиво пытался осуществить план «Оцу», по которому японские милитаристы рассчитывали захватить наш Дальний Восток, Забайкалье, Восточную Сибирь вплоть до Байкала.

Японская армия начала военные действия против Монгольской Народной Республики. Советские войска вместе с войсками Монголии разгромили войска агрессора на реке Халхин-Гол.

И все же на Дальнем Востоке сохранился опасный очаг войны. Вот почему после окончания училища В. А. Лядов пожелал служить здесь, где, как ему казалось, была наибольшая опасность для нашей Родины.

Но война началась на Западе.

В те дни командование воинских частей получало много рапортов. Подавали их тысячи солдат и командиров. Писали одно и то же: «Просим откомандировать в действующую армию».

Подал рапорт и Валерьян Александрович Лядов.

Его вызвали и спросили:

— Вы знаете, что такое «Антикоминтерновский пакт»?

— Знаю. Он заключен в 1936 году между Японией и фашистской Германией. Согласно ему, эти оба государства предусматривают взаимную военную экономиче-

скую и дипломатическую помощь на случай войны против Советского Союза.

— А знаете про план «Кантокуэн»?

— Известно. Это условное наименование особых маневров Квантунской армии. Согласно ему, Япония должна завоевать нашу территорию вплоть до Урала.

— Отсюда вывод: мы должны здесь быть всегда в боевой готовности. В том числе и вы, капитан Лядов, — сказали ему и вернули рапорт.

Через полтора года В. А. Лядов получил новое назначение — помощником начальника оперативного отделения штаба дивизии, которая входила в состав 15-й армии.

Работы было много. Наряду с текущими делами он тщательно изучал систему укреплений, которые японцы воздвигли и продолжали создавать и совершенствовать на территории Маньчжурии, их огневую мощь, различные узлы сопротивления, характер, тактику ведения наступательных и оборонительных боев японских войск. Он отдавал себе отчет в том, что ему, командиру-оперативнику, нужно знать все о вероятном противнике, и поэтому не жалел на это времени.

А японские милитаристы создали в приграничных районах тысячи долговременных сооружений и немало укрепленных районов общей протяженностью на многие сотни километров, до сорока километров в глубину. В каждом из них можно было разместить две-три дивизии. Кроме того, любой укрепрайон имел десятки опорных пунктов, дотов, двух- трехэтажные сооружения, связанные между собой подземными ходами сообщения, со складами, электростанциями, узкоколейками.

В. А. Лядов, хорошо изучив расположение и «начинку» японских укрепрайонов, обучал командирский состав дивизий.

И все это пригодилось, когда начались военные действия против Японии. Наступать пришлось в трудных условиях. В конце июля и начале августа прошли проливные дожди. Реки, которые предстояло форсировать 15-й армии, разлились. Особенно Амур, Сунгари, Уссури. Подходы к берегам стали настолько топкими, что казались непроходимыми даже для транспорта на гусеничном ходу. Размыло и шоссейные дороги. Выручали моряки Краснознаменной Амурской военной флотилии, с которыми В. А. Лядов поддерживал тесный контакт. Он

помогал стрелковым подразделениям дивизии переправляться на мониторах, бронекатерах, канонерских лодках и буксируемых баржах, уточняя с офицерами задачи, которые должны решать их подразделения. Занимался и с инженерными подразделениями. В. А. Лядов только на короткое время появлялся в штабе, уточнял обстановку и с новыми заданиями штаба возвращался к частям, ведущим упорные наступательные бои. Вместе с действующими подразделениями он участвовал в форсировании рек, в боях за овладение городами Тунцзян, Фуцзянь, отрабатывал вопросы взаимодействия с приданными и поддерживающими подразделениями и кораблями Амурской военной флотилии.

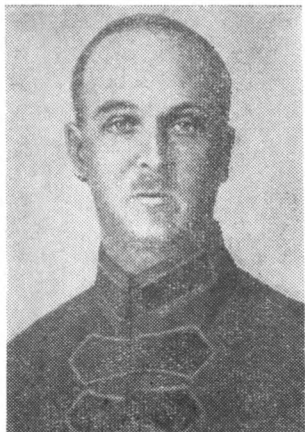
Особенно тщательно наши войска готовились к наступлению на город и укрепленный район Фугдин, которые были насыщены мощными укреплениями и многочисленными огневыми средствами. Хорошо изучив их раньше, В. А. Лядов помог командирам подразделений успешно вести бои. В ночь на 12 августа 1945 года город был взят, а на другой день стрелки с помощью корабельной артиллерии и танкистов разгромили врага и в военном городке.

Путь на города Цзямусы и Харбин стал свободен.

А. Вайман

**ЧЛЕН
РЕВВОЕНСОВЕТА**

☆☆☆

Константин Александрович Мехоношин родился в 1889 году в городе Александровске Пермской области. Семнадцатилетним гимназистом вступил на путь революционной борьбы. В 1908 году закончил Пермскую гимназию, а затем физико-математический факультет Петербургского университета.

Член большевистской партии с 1913 года.

В дни Октябрьской революции К. А. Мехоношин был членом Петроградского военно-революционного комитета, одним из организаторов вооруженного восстания. После революции он заместитель народного комиссара по военным делам, член Всероссийской коллегии по формированию и организации Красной Армии. Входил в состав Высшего военного совета и в Реввоенсовет Республики. К. А. Мехоношин награжден орденом Трудового Красного Знамени.

☆☆☆

В юные годы, закончив Петербургский университет, он мечтал стать ученым. Но война сделала его солдатом. В февральские дни 1917 года члена полкового комитета большевика К. А. Мехоношина уже хорошо знали в солдатских казармах Петрограда. В окопах из рук в руки переходила газета «Солдатская правда» с его статьей «Братание».

«Каждый день с фронта доносятся вести о происходящих братаниях русских и немецких солдат, — писал Мехоношин. — Братание на фронте имеет большое значение: ведь там сходится сам народ, а не дипломаты из богачей, которым чужды интересы народа. Голос солдат

всех стран раздастся мощно и скажет: мы поняли, кому выгодна война, и не будем больше проливать своей крови за выгоды наших врагов — капиталистов... Братание ускорит мир, и мы должны стремиться осуществлять его немедленно...»

В апреле 1917 года после приезда В. И. Ленина в Петроград особняк Кшесинской стал своеобразным штабом революции. Большое счастье выпало на долю члена бюро военной организации при ЦК РСДРП К. А. Мехоношина: почти ежедневно он встречался с Ильичем.

На втором этаже особняка, рядом с ЦК, рядом с Лениным, разместилась редакция «Солдатской правды». В этой небольшой комнатухе часто бывали Крупская, Крыленко — будущий главковерх, Коллонтай, Менжинский. И вместе с соратниками Ильича здесь работал вчерашний солдат, заместитель редактора «Солдатской правды» К. А. Мехоношин.

В исторические дни и часы октября 1917 года Константин Александрович был ближайшим помощником Н. И. Подвойского, осуществлявшего практическое руководство вооруженным восстанием. 20 ноября Совет Народных Комиссаров назначает К. А. Мехоношина заместителем народного комиссара по военным делам. В тот год ему исполнилось 28 лет.

Молодой Республике Советов для защиты революции и отпора врагам нужна была армия, построенная на новых началах, нужны миллионы обученных бойцов, спаянных железной дисциплиной.

Создание Красной Армии вместе с другими видными военными деятелями партия поручает и К. А. Мехоношину. Он входит в состав Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии.

Летом 1918 года враг стал угрожать Республике Советов с востока. По решению партии К. А. Мехоношин входит в состав Военно-революционного совета Восточного фронта. Много забот у члена Реввоенсовета. Он формирует регулярные части Красной Армии, контролирует снабжение оружием, подбирает комиссаров и политработников, инспектирует местные военные комиссариаты. Живое слово партии, кисть художника — тоже оружие. К. А. Мехоношин организует издание газеты «Восточный фронт», выпуск листовок, плакатов.

В июле К. А. Мехоношин приезжает в Пермь — город

своей революционной юности. Небольшой салон парохода «Нева» он превратил в боевой штаб. С помощью местных организаций он незамедлительно стал направлять в войска нужных людей. Выяснилось, в частности, что в Перми проживало около двухсот бывших офицеров. Многие из них могли стать полезными делу революции. В то время по указанию В. И. Ленина уже начали привлекать к службе в Красной Армии специалистов старой школы. Мехоношину удалось группу бывших царских офицеров направить в различные воинские части. Несколько генштабистов он пригласил в Высшую военную инспекцию.

Реввоенсовет Восточного фронта размещался в те дни в Казани. Сложными были отношения в этом высшем руководящем органе фронта. Главком, левый эсер Муравьев, втайне готовил поддержку восстания эсеров в Москве. За его происками пристально следил комиссар К. А. Мехоношин. 7 июля Константин Александрович из Казани связался по прямому проводу с Совнаркомом. К аппарату подошел В. И. Ленин. Выслушав К. А. Мехоношина, Владимир Ильич посоветовал: «За Муравьевым продолжайте бдительный контроль».

Главком встревожен. Он сообщает единомышленникам в столицу: «Мехоношин меня ненавидит». И в дни, когда наступило перемирие с Германией, Муравьев, тайно сбежав из Казани, отдал провокационный приказ о повороте всего Восточного фронта против немцев. Исполнение этого приказа означало, по существу, ликвидацию фронта, предоставление здесь полной свободы действий чехословацким мятежникам и белогвардейцам.

Во все фронтовые города Реввоенсовет шлет телеграмму: «Объявляем бывшего Главнокомандующего Муравьева, бежавшего сегодня из Казани в Симбирск вместе с народными деньгами, безумным провокатором, изменником революции... Ввиду этой измены всем соприкасающимся с ним вменяется в обязанность на месте пристрелить его как бешеную собаку — врага Советской России...

Революционный военный совет:
нарком Кобозев, наркомвоен Мехоношин,
политкомиссар Благонравов».

До назначения нового командующего все приказы по войскам Восточного фронта подписывали К. А. Мехоношин и Г. И. Благонравов.

В конце 1918 года решающим стал Южный фронт. Прибывший сюда новый член Реввоенсовета фронта К. А. Мехоношин видел неподготовленность армий к наступлению, возражал против поспешности в проведении операции. И, не получив поддержки Троцкого, доложил о состоянии фронта непосредственно В. И. Ленину. Результаты сказались незамедлительно. ЦК партии, Совет Труда и Обороны направили на Южный фронт новые дивизии и несколько тысяч коммунистов из Петрограда, Москвы и Иваново-Вознесенска.

Кроме военных дел на комиссара К. А. Мехоношина возлагалась работа с населением огромных прифронтовых районов. Необходимо было деятельность в войсках увязывать с работой местных партийных, советских и различных общественных организаций, привлекать их и широкие массы рабочих и крестьян для помощи Красной Армии. Его заботой была и организация всевозможной помощи местному населению со стороны военного аппарата.

Рабочий день Константина Александровича был загружен до предела. Он успевал выступать на собраниях трудящихся, читал лекции, информировал население о положении на фронте, международных событиях.

Как-то член Реввоенсовета обратился к политическому комиссару штаба фронта В. Т. Тараскину:

— Вам что-нибудь известно об Иване Владимировиче Мичурине?

Конечно, о замечательном ученом-самоучке, проживавшем в Козлове (ныне Мичуринске), Василий Трофимович знал. Но тон, каким Мехоношин задал свой вопрос, насторожил его. И тут же Константин Александрович попросил В. А. Тараскина взять на себя заботу о Мичурине. Ему поручалось передать ученому приветствие Реввоенсовета, вручить деньги, продукты и сообщить, что горсовет отвел ему новый садовый участок для научной работы.

...Один мандат сменяется другим. Одно поручение партии сменяется новым.

В 1919 году тревожные дни переживал Астраханский край. Разделяя фронты Деникина и Колчака, он не давал им сомкнуться для общего удара на Москву. Вся власть в этом крае была подчинена ревкому, который возглавил Сергей Миронович Киров. Его ближайшим

помощником стал председатель Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта К. А. Мехоношин. Армии фронта испытывали острую нужду в боеприпасах, снаряжении, продовольствии.

Значение Астрахани для республики было в то время огромно. Владея им, мы поддерживали связь с революционными силами, действовавшими на Северном Кавказе, снабжали страну нефтью.

Всю свою энергию, весь талант организатора комиссар К. А. Мехоношин отдал восстановлению боевой мощи войск.

Весной 1920 года 11-я Отдельная армия во главе с командармом М. К. Левандовским и членом Реввоенсовета К. А. Мехоношиным, разгромив на Северном Кавказе деникинцев, вошла в Баку.

Еще несколько лет жизни отдал Константин Александрович службе в Вооруженных Силах страны. Возглавлял систему всеобщего военного обучения населения страны. Был военным атташе в Польше. Написал книги: «Физическое воспитание и боевая подготовка Красной Армии», «Оборона в пятилетке», и, в соавторстве с С. С. Каменевым, книгу «Военная подготовка населения».

Умер К. А. Мехоношин в 1942 году.

В. Варзаков

ПЕРВЫЙ ОТПОР

☆☆☆

Георгий Николаевич Микушев родился в 1898 году в Кунгуре в семье рабочего. Окончил реальное и Алексеевское военное училища. В 1918 году он добровольно вступил в Красную Армию, командовал ротой, батальоном 4-й Уральской (30-й стрелковой) дивизии, возглавлял оперативную часть 1-й Красноуфимской (88-й) бригады.

После окончания курсов усовершенствования в 1931 году Г. Н. Микушева назначили помощником начальника штаба 25-й Чапаевской Краснознаменной стрелковой дивизии, затем командиром 75-го полка, а в 1939 году — командиром 41-й стрелковой дивизии, которая принимала участие в освобождении Западной Украины.

Звание генерал-майора ему присвоили в 1940 году. Он член КПСС с 1921 года.

Г. Н. Микушев погиб в бою под городом Козелец в сентябре 1941 года.

☆☆☆

Из низко нависших серых туч вот уже несколько часов сеял нудный дождь. Земля раскисла. Мокрая глина тяжелыми комьями прилипала к сапогам и волочилась следом.

Командир 41-й стрелковой дивизии генерал-майор Георгий Николаевич Микушев и комиссар соединения Александр Матвеевич Антонов с трудом шли вдоль линии строящихся оборонительных сооружений в районе села Гребене западнее города Рава-Русская.

У одного из окопов Микушев остановился и подозвал командира отделения:

— Каков сектор обстрела? Задачи подразделения?

Последовал четкий ответ. Но генерал не был удовлетворен. Он присел, потом лег на мокрую землю и осмотрел каждую складку местности. Поднялся в перепачканной глиной шинели, спрыгнул в окоп, обошел все стрелковые и пулеметные точки, снова проверил секторы обстрела.

— Где командир роты?

На вызов явился А. Л. Кизима.

Генерал испытующе взглянул на него.

— Почему позиции противотанковых ружей расположены в стороне от дороги? Ведь на этом участке танки смогут идти только по дороге или неподалеку от нее. Почему?

— Для удобства обстрела, товарищ генерал. Чтобы бить не в лоб, а в бок, где у танков более тонкая броня и более уязвимые места.

Микушев чуть заметно улыбнулся.

— Ну хорошо, — продолжал он, — однако я вижу, что две огневые точки расположены очень низко и дальше ста метров обстрел вести нельзя. Кроме того, окопы и ходы сообщения следует отрывать глубже и шире.

— Глубина и ширина окопа открыты в соответствии с уставными нормами, — ответил Кизима.

— Устав предусматривает минимум, а мы с вами должны делать так, как лучше для ведения длительного боя. Чем глубже окоп, чем глубже солдат сидит в земле, тем уверенней чувствует себя в бою.

— Прикажете, товарищ генерал, уничтожить непригодные огневые точки? — спросил командир роты.

— Ни в коем случае! — остановил его комдив. — В бою все пригодится. Не годятся быть основными опорными пунктами — будут запасными или даже ложными.

А через несколько часов, побывав на тактических занятиях в 244-м стрелковом полку, Микушев сделал перед личным составом обстоятельный разбор.

— Надо, товарищи, чтобы каждый боец совершенствовал свое мастерство, добивался четкого взаимодействия пехоты с артиллеристами и минометчиками. Такой четкости недостает стрелковым ротам, взводам и отделениям. Это может привести к потерям живой силы, а

ведь главное в том, чтобы сохранить ее. Уставные требования надо выполнять, какими бы незначительными они ни казались. Вот, например, требуется, чтобы боец, передвигаясь по пересеченной местности, не поднимался с того места, где вынужденно залег, а отползал на два-три метра в сторону, прежде чем сделать перебежку. Кажется, пустяковое требование. Но ведь этот «пустяк» не позволит противнику вести прицельный огонь, сохранит человека, а значит, даст лишний шанс для победы.

Характерными чертами Г. Н. Микушева были скромность, сдержанность, немногословие, высокая дисциплинированность и исполнительность, точность и аккуратность в несении всех своих служебных обязанностей, большая вдумчивость... Такой человек и командир мог добиться высокой боевой сплоченности вверенной ему дивизии.

В начале июня 1941 года оба артиллерийских полка дивизии, противотанковый и зенитный дивизионы были вызваны для сборов на корпусные и армейские полигоны вдалеке от границы. Вслед за ними отправились на сборы специальные подразделения стрелковых полков. Часть стрелковых подразделений снова убыла на работы по строительству укрепленного района.

Внимательно следя за обстановкой на границе, генерал видел, что положение становится все более тревожным. И 19 июня Микушев приказал командирам частей вернуть весь личный состав и технику со сборов и полигонов, со всех строительных работ и полностью сосредоточить дивизию в лагерях. Это было чрезвычайно ответственное и смелое решение. Это было, пожалуй, самое важное решение Микушева за всю его жизнь, решение настоящего коммуниста и дальновидного, чуткого к обстановке военачальника.

— А как же командование корпуса и армии? — спросил начальник штаба дивизии полковник Н. В. Еремин. — Это с их ведома?

— Об этом не будем говорить. Вы сами понимаете, каково наше положение. Да, и еще одно. Надо установить прямую телефонную связь с комендатурой пограничского участка.

В субботу 21 июня весь личный состав частей прибыл в лагерь. За несколько часов до войны 41-я дивизия снова стала полностью боеспособным соединением.

В пять часов вечера Микушев начал совещание с командирами частей и их заместителями по политчасти. В конце совещания, дав ряд обычных указаний, комдив сказал:

— Я полагаю, что вы понимаете общее положение и в то же время по-серьезному оцениваете конкретную обстановку. Мы находимся в приграничной зоне, наша задача заключается в защите государственных интересов здесь, непосредственно на границе. Эта задача известна нам не сегодня и не вчера, а с момента прибытия на границу. И тем более она не снимается с нас сейчас, когда в пограничной зоне создалась неясная и тревожная обстановка.

Георгий Николаевич сделал паузу и задумчиво продолжал:

— Я воевал в первую мировую войну и очень хорошо познал коварство кайзеровской армии. Ну, а фашисты, пожалуй, будут еще похлеще. Мы с вами должны быть готовы к самому худшему с их стороны.

И уже тоном приказа:

— Начальник штаба дивизии остается в лагерях до утра. Командиры частей — тоже. Начсоставу сегодня отпуска сократить до минимума — лучше всего быть в лагерях. Командирам частей лично и особо тщательно проверить готовность дежурных подразделений.

В два часа ночи в лагерь позвонили из комендатуры пограничного участка и сообщили о подозрительном передвижении гитлеровских войск у самой границы.

— Продолжайте непрерывное наблюдение и будьте в полной боеготовности, — сказал полковник Еремин. — В случае каких-либо активных действий со стороны немцев немедленно звоните мне.

В половине четвертого ночи в небе послышался глухой гул. Возникая на западе, он катился волной к востоку. Так могли гудеть только самолеты. И только тяжелые бомбардировщики.

Через несколько минут на квартире заместителя командира дивизии раздался телефонный звонок. Полковник снял трубку.

— Слышите?

Это был голос командира дивизии Микушева.

— Слышу разрывы снарядов и бомб! — быстро ориентируясь в обстановке, отозвался Шалимов.

— Собирайтесь, поедем срочно на моей машине в лагерь дивизии! — сказал Микушев.

Шалимов моментально оделся и вышел на улицу. Машина уже ждала. Микушев выглядел бодрым, подтянутым и очень сосредоточенным, хотя он в эту ночь вообще не ложился спать.

На большой скорости машина помчалась к лагерю.

Как раз в эти минуты Еремина снова вызвали к телефону. Докладывал комендант погранучастка.

— Товарищ полковник, немцы на всем фронте моего участка открыли огонь и перешли государственную границу. Мои заставы ведут бой.

— Это началась война, держитесь во что бы то ни стало! — крикнул Еремин в трубку. — Наши части броском выдвинутся на свои рубежи!

В путь немедленно двинулись колонны передовых стрелковых отрядов.

К штабу подлетела машина Микушева.

— Правильно действовали, полковник, — сказал комдив, выслушав доклад Еремина. — Теперь наша задача — немедленно выдвинуть полки на их участки и занять оборонительный рубеж, чтобы упредить выход к нему немцев. Не ждать полного построения частей. Надо выдвигаться по мере готовности подразделений.

И вот по лагерной линейке мимо генерала в походных колоннах пошли подразделения стрелковых полков. Кто-то из строя спросил:

— Товарищ генерал, что это, очередная провокация?

И, наверное, в первый раз за свою службу комдив простил нарушение устава.

— Нет, — сказал он, — это война, и мы будем бить фашистов всей силой своего оружия!

Отдав приказ вскрыть склады неприкосновенного запаса и дообеспечить дивизию вооружением, боеприпасами, амуницией, обмундированием, снаряжением, походными кухнями и повозками, генерал отправился в расположение 102-го стрелкового полка, которому предстояло выйти на главную оборонительную позицию по правую сторону шоссе Томашув — Рава-Русская.

Героическими усилиями бойцы 91-го пограничного отряда задержали многочисленного врага до подхода частей 41-й дивизии. К утру из поступивших боевых донесений выяснилось, что части дивизии, завершив марш-

бросок, на ходу развернулись, с боем заняли заранее подготовленную линию обороны и закрепились на ней.

Страхнув оцепенение после первых неудач, гитлеровское командование на всем рубеже бросило в бой новые силы. Немецкую пехоту поддерживали танки, артиллерия и авиация. После каждого огневого налета гитлеровцы снова поднимались в атаку на полуразрушенный рубеж дивизии. И снова безуспешно. Бойцы 41-й стрелковой не отступали ни на шаг. А на многих участках фашисты были отброшены контратаками к государственной границе.

Утром 23 июня, после авиаразведки и интенсивной минометно-артиллерийской подготовки, гитлеровцы повели наступление на расположение 102-го и 244-го стрелкового полков, направив крупные силы вдоль шоссе на Рава-Русскую, как раз в стык полков. Под сильным огнем, не считаясь с потерями, противник начал преодолевать противотанковый ров и вклиниваться в оборону.

Появились танки. Под их прикрытием пошла в атаку пехота фашистов. Сильный удар пришелся по позициям и пулеметной роты 139-го стрелкового полка. Прямым попаданием снаряда был убит лейтенант Васильченко. Образовалась брешь, в которую немедленно хлынули вражеские автоматчики. Командир взвода Алтухов моментально перенес пулеметный огонь и преградил немцам путь. Метким огнем ему удалось остановить вражеский танк. Заметив пулемет Алтухова, на него развернулся другой танк, пытаясь проутюжить огневую точку. Но в этот момент командир роты Терещенко связкой гранат подбил танк. Вскоре на участке пулеметной роты неподвижно стояли пять танков врага. Атака захлебнулась.

Не в силах сломить сопротивление дивизии лобовыми ударами, гитлеровцы обрушили на ее позиции массивный бомбовый удар.

Бомбардировка была сильной и длительной. Дивизия понесла большие потери, но никто из бойцов не покинул рубеж.

Ко второй половине дня положение на фронте дивизии было полностью восстановлено. И тут генерал Микушев принял смелое решение. По его приказу, не ослабляя внимания к обороне, 102-й и 244-й полки подтянули к переднему краю вторые эшелоны и резервы. Внезапно для противника по его скоплениям нанесла мощный ог-

невой удар артиллерия полков и дивизий, а также приданный корпусной артиллерийский полк. Вслед за этим два полка перешли в контратаку.

В сводке Совинформбюро за 23 июня говорилось: «На Шауляйском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся с утра на нашу территорию, во второй половине дня контратакой наших войск был разбит и отброшен за госграницу». О защитниках Рава-Русской узнала вся страна.

Утром 24 июня гитлеровцы начали атаку сразу с двух сторон. Продолжая натиск на шоссе, они в то же время двинулись несколько южнее. Наступление поддерживали авиация, танки, артиллерия и минометы.

Главный удар пришелся по позициям 102-го стрелкового полка. Но и здесь бойцы не пропустили вперед ни одного гитлеровца. Враг снова был отброшен за противотанковый ров.

Кончились третьи сутки войны. Войска находились на тех же позициях, где был принят первый бой. А, по данным разведки, немцы снова готовили крупное наступление.

Генерал Микушев решил сорвать планы гитлеровцев.

Наступила ночь. Лагерь врага стих. И вдруг на скопление гитлеровских мотострелковых частей в Любече-Круглевском обрушился точный артиллерийский огонь. Он продолжался всего десять минут, однако враг понес такие потери, что оказался небоеспособным. Еще десять минут назад свежие моторизованные части пришлось теперь отвести в тыл.

Этого и хотел Микушев. Он без опасения снял с участка один батальон 244-го полка и под покровом темноты направил его на юг, по направлению к Верхрате. На рассвете батальон ударил во фланг и тыл гитлеровского сосредоточения у Верхрате. Не успел враг опомниться, как в лоб ему ударили подразделения 139-го полка. Полная неожиданность удара парализовала фашистов. Красноармейцы уничтожили более батальона пехоты, два дивизиона тяжелой артиллерии и захватили много трофеев. Враг в панике бежал. Батальон 244-го полка вернулся на свой прежний рубеж и подготовился к дневному бою.

Потери гитлеровцев оказались настолько существен-

ными, что днем 25 июня их наступление не возобновилось. Были выиграны еще одни сутки, четвертые.

Между тем положение на левом фланге ухудшилось. Превосходящие силы противника все дальше оттесняли 97-ю и 159-ю дивизии, начиная окружать 41-ю дивизию с юга.

Противник с минуты на минуту мог перерезать шоссе и железную дорогу, ведущие на Львов, и лишить дивизию последнего пути отхода.

Полковник Еремин предложил Микушеву немедленно начать отвод дивизии.

— Отходить без приказа? Нет, не могу, — сказал Микушев. И он был прав.

— А ставить дивизию под угрозу окружения и уничтожения разве мы можем? — резонно возразил Еремин.

И он тоже был прав.

В этот момент появившийся из темноты полковник Шалимов доложил о приказе командующего 6-й армией начать немедленный отход по Львовскому шоссе.

Дивизия Микушева отошла не побежденной и в полном порядке. Ведя активную оборону на важном направлении, она не только нанесла врагу урон в живой силе и технике, но и сорвала все тщательно выверенные сроки гитлеровского наступления и захвата таких важных стратегических центров, как Львов и Киев.

Гитлеровское командование считало Микушева очень серьезным противником. Со второго дня войны немцы установили перед фронтом дивизии мощные громкоговорители. Призывы сдаться в плен адресовались не только личному составу дивизии, но и самому генерал-майору Микушеву. Фашисты льстиво обращались к нему по званию и имени, не скупившись на заверения и обещания. Их психологический склад не позволял понять, что такие, как Микушев, не сдаются.

В боях под Рава-Русской генерал Микушев достойно выдержал и главный экзамен своей жизни.

Гитлеровцы признавали, что нигде за время войны в Европе они не встречали такого стойкого и боеспособного противника. В одной из перехваченных радиосводок гитлеровское командование называло 41-ю дивизию «железной», бойцы которой не сдаются, дерутся до последнего патрона, до последнего человека.

С середины лета до сентября 1941 года дивизия Ми-

кушева участвовала в оборонительных боях под Белой Церковью, Ржищевом, Каневом и Остером.

Превосходящие силы гитлеровцев 9 сентября атаковали позиции 244-го и 139-го стрелковых полков в районе города Козелец. После длительного боя немногочисленные измотанные защитники рубежа под ураганным огнем противника дрогнули. Тогда генерал Микушев лично повел бойцов в контратаку и был насмерть поражен очередью в грудь и шею.

Похороны состоялись 12 сентября в Киевском ботаническом саду в присутствии представителей всех частей дивизии. На фронте, зная время похорон генерала, бойцы дали по врагу сокрушительный залп из всех видов оружия.

Когда гитлеровцы вошли в Киев, они сравнивали могилу Микушева с землей. Двадцать пять лет велись поиски захоронения генерала. Лишь 30 сентября 1966 года могила славного комдива была найдена, и 4 октября со всеми воинскими почестями состоялось перенесение праха на Лукьяновское военное кладбище.

Помнят люди железного комдива Микушева, помнят о выдающемся подвиге советских войск при обороне Рава-Русской, подвиге, совершенном людьми, которые в самые тяжкие дни верили в свою страну и были верны ей до самого последнего дыхания.

А. ИНЧИН

СЛОВО О ТОВАРИЩЕ

Михаил Иванович Наумов родился в 1908 году в селе Большая Соснова Пермской области. Кадровый офицер пограничных войск, он с первых дней Великой Отечественной войны участвовал в боях. Его пограничный отряд одним из первых принял на себя удар врага.

Затем коммунист Наумов возглавил партизанский отряд.

В 1942 году он стал начальником партизанских отрядов Хмельских лесов, а позднее — заместителем начальника штаба партизанского движения на Сумщине.

С 1943 по 1944 год М. И. Наумов командовал соединением украинских кавалерийских партизанских отрядов, действовавших в глубоком тылу фашистских войск.

М. И. Наумов награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды, медалями. В 1943 году он был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза. Тогда же ему было присвоено звание генерал-майора.

М. И. Наумов умер в 1974 году.

Кому не известно имя Михаила Ивановича Наумова, особенно в партизанском мире? От Навли на Брянщине до Сана и Вислы в Польше, от курских степей до гор Словакии и долин Венгрии помнят о бесстрашном партизанском вожаке Герое Советского Союза генерал-майоре М. И. Наумове.

Помнят друзья, помнит Родина.

В докладе на торжественном собрании в Кремлев-

ском Дворце съездов, посвященном двадцатилетию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 8 мая 1965 года говорилось: «Никогда не будут забыты легендарные имена партизанских командиров товарищей... М. И. Наумова, С. В. Руднева, А. Н. Сабурова... и многих других героев народного сопротивления фашистским захватчикам.

Грозный клич «Пусть горит земля под ногами немецких оккупантов!» они претворяли в жизнь своими боевыми делами.

Рядом с советским воином в каске и шинели навеки запечатлен в памяти народной образ героического партизана, одетого в обычную гражданскую одежду, с красной лентой на шапке, — человека, который в глубоком тылу врага за сотни, а то и за тысячи километров от фронта наводил на гитлеровцев страх и ужас...»

Одним из них был и Михаил Иванович Наумов, которого называли «вожаком неустрашимых».

...В начале сентября 1942 года ЦК партии созвал совещание командиров и комиссаров партизанских отрядов и соединений. Оно сыграло огромную роль в развитии партизанского движения, особенно на Украине.

...Напряженное положение на южном участке советско-германского фронта требовало резко усилить удары по вражеским коммуникациям, по которым шло снабжение фашистских группировок под Сталинградом и на Кавказе. ЦК партии решил усилить помощь украинским партизанам. На совещании было одобрено указание ЦК КП(б)У о передислокации крупных партизанских отрядов в Правобережную Украину. В числе первых вышло в рейд кавалерийское соединение Наумова. Большую работу по созданию новых подпольных патриотических групп и партизанских отрядов, а также усилению партийных организаций в степных областях Украины провели коммунисты соединения.

«Благодаря созданию и расширению на оккупированной территории сети подпольных организаций еще сильнее развернулась массово-политическая работа среди населения и партизан... Большевистская пропаганда и агитация укрепляла среди населения дух непримиримости к оккупантам и веру в скорое восстановление Советской власти, в правоту дела Коммунистической партии, вовлекала население в активную борьбу против фашист-

ских захватчиков, повышала боевой дух партизан, их активность»¹.

Наумов был в то время членом Объединенного Сумского партизанского штаба и принимал непосредственное участие в организации этих бесед, митингов и собраний. Зачастую он сам выступал перед населением.

— Выступаешь на собрании перед колхозниками в полусожженной, разграбленной фашистами деревне, — вспоминал он, — рассказываешь о положении на фронтах, о партизанском движении и видишь, какой любовью загораются глаза, какая сила появляется у людей. Мы несли в народ слово партии, слово правды, и это слово было самым сильным нашим оружием. И советские люди всеми силами старались помогать и нам, партизанам, и Советской Армии. В рейде мы обращались к народу от имени партии, призывали вступать в партизанские отряды и с оружием в руках отстаивать Родину, ее судьбу.

Оценивая значение «Степного рейда», ЦК КП(б)У писал, что партизанское соединение кавалерийских отрядов «первым вышло на территорию южной части Украины и своими действиями показало возможность более широкого проникновения подвижных партизанских отрядов в южные степные области Украины»².

Итак, история сказала свое слово о Наумове и его партизанах.

Как же протекал первый рейд соединения, известный под названием «Степного рейда», за который М. И. Наумов удостоен воинского звания генерал-майора и Золотой Звезды Героя Советского Союза?

...Группа всадников на рысях проскочила открытый участок поля и спешила под старой, доживающей век вербой.

Спутники Наумова устремили взгляды на правый берег Днепра и скрытые за посадками крыши Александровска. Они знали: там, в двух колхозных сараях, под надзором охранного батальона гитлеровцев томятся свыше двух тысяч пленных советских бойцов... Невдалеке, выше по течению, раскинулся Чигирин, старый казацкий город.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, с. 452—454.

² ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории ВОВ, инв. № 16644, л. 13.

К нему примыкают полевые аэродромы и крупный фашистский гарнизон. Опасно переправляться в этом месте в утреннюю пору. Да и сама переправа по ненадежному весеннему льду — предприятие довольно рискованное, мало кто отважится на это.

Все жарче припекает солнышко, ветер мечет к понизовью, бьет по ледяным торосам, в больших проемах-полынях бурлит и пенится вода, выплескивается на поверхность, и сотни ручейков бегут вперегонки, разрыхляя и без того ставший ненадежным лед.

А Днепр ждет, когда случайная льдина оторвется от берега, взлетит на другую. Достаточно одной такой льдины — и пробудится, придет в движение вся громада льдов: они станут раскалываться, полезут горой друг на друга, понесутся в бешеном водовороте по Днепру...

— Переправу начнем через час, — обратился Наумов к своим командирам, — одновременно на широком фронте. К тому времени главная разведка с комиссаром Анисименко даст знать об обстановке там, за рекой...

Наумов с особой остротой почувствовал огромную ответственность, которая легла на его плечи: ему, коммунисту, доверены сотни людей, доверена судьба рейда, выполнение задания Центрального Комитета партии о дальнейшем развитии партизанского движения в степных районах Украины. Одновременные удары Советской Армии и партизан приблизят победу.

Задача соединения состояла в том, чтобы совершить бросок через реку и выйти в просторы Правобережья.

Стремительный бросок в степи... Каждая минута промедления будет все больше затруднять выполнение плана. На открытой ледяной глади конников, как метелкой, враги могут смести из своих дотов, ударив в упор кинжальным огнем автоматов, пулеметов и орудий. Могут, бросив авиацию, утопить при переправе. Наконец, лед может не выдержать тяжести огромного груза.

Люди понимали это. Но они словно бы отрешились от самих себя и, будто не ведая страха перед опасностью и возможной гибелью, готовились выполнять свой воинский долг.

Наумов обернулся к командирам, коротко бросил:

— По отрядам. Главное — спокойствие, выдержка и быстрота... Под Александровском пока тихо: видите, сигнал разведчика на той стороне.

Кони осторожно переступали, скользя подковами. Иные проваливались, ломая лед. Тогда ближайшие партизаны с веревками и оглоблями в руках бросались на выручку, помогая испуганным животным.

Трудная переправа окончилась, и несмотря на то что все промокли до нитки, останавливаться не стали: передовые отряды партизан, ворвавшись в Александровск, уничтожали в рукопашной схватке солдат охранного батальона. Бой скоротечный, беспощадный закончился так же внезапно, как и начался. Тысячам военнопленных была предоставлена свобода. С ними наумовцы делились запасным бельем, обувью, одеждой. Жители окрестных сел и деревень спешно растапливали печи, варили пищу и кормили людей, истощенных, обессиленных, обмороженных...

В тот же день предстояло решить один из главных этапов рейда: выяснить, существует ли в действительности «днепровский вал», о неприступности которого твердила фашистская пропаганда. Если он существует, то каковы оперативная глубина его, средства и характер фортификационных укреплений, их огневая мощь и минная защита. Имелось в виду, что следом за партизанами пойдет за Днепр и Советская Армия, и важно знать, что ее ожидает за рекой.

Гитлеровцы всполошились не на шутку: целая казачья дивизия, усиленная танками и артиллерией, при поддержке бомбардировочной авиации форсировала Днепр в районе Чигирина и стремительно развивает движение на Правобережную Украину. Командованию группы армий «Юг» и «Центр» ставка Гитлера приказала любой ценой и как можно скорее ликвидировать нависшую над тылами опасность.

И вот партизаны, принятые противником за казачьи регулярные части, вскоре почувствовали на себе мощное противодействие противника... Все труднее становился рейд в условиях полного бездорожья и весенней распутицы. Боеприпасы давно уже кончились, партизаны полностью перешли на «иждивение» противника и уничтожали гитлеровцев их же оружием. Все увеличивался обоз с ранеными, а самолетов с Большой земли не было — приходилось, теряя маневр, таскать за собой этот громоздкий обоз. Кончились топографические карты, и командиры вынуждены были вести отряды вслепую, не

представляя местности впереди. Положение создалось отчаянное. Но и в этих условиях наумовцы продолжали рейд и побеждали врага.

Вот одна из славных страниц партизанского подвига.

Вырвавшись из окружения, группа партизан в двадцать пять смельчаков-кавалеристов, ведомых комиссаром Червонного отряда Иваном Алферовым, 22 марта 1943 года напала на полевую ставку Гитлера «Вервольф» в районе Винницы. Бой продолжался до вечера. Яростный натиск наумовцев был настолько ошеломляющим, что в охране ставки решили: напали казацьки части, прорвавшие фронт...

Восемь артиллерийских дивизий и двести самолетов были приведены в боевую готовность, чтобы отразить нападение казаков. Остановились гитлеровские эшелоны и автоколонны, направлявшиеся из Франции и Польши к Харькову. Войска подтягивались к Виннице, на защиту ставки. Не усидел в «волчьем логове» и сам фюрер: на личном самолете он поспешил в Восточную Пруссию. За Гитлером один за другим снимались и остальные отдели ставки.

Стало известно, что неслыханный дерзкий налет на ставку фюрера совершили партизаны Наумова.

А что стало с группой партизан Ивана Алферова?

Герои партизаны, пройдя тысячекилометровый боевой путь, погибли в этой неравной схватке... Пятнадцать лет спустя люди узнали некоторые подробности этого боя и имена героев. Под старым пеньком случайно откопали жестяную банку с полуистлевшей бумажкой... Удалось восстановить запись с фамилиями наумовцев, погибших возле «Вервольфа».

...Над болотистой рощицей с ревом проносится двухфузеляжный «фокке-вульф».

— Опять эта проклятая «рама» рыскает, — ругнулся старый партизан.

— Нас разыскивает, — вмешался молодой паренек в старом отцовском шлеме-буденовке.

— Знамо, нас, а то кого же еще? Вот и боязно: вторые сутки сидим здесь, в болотах.

Парнишка усмехнулся.

— Небось не сахарный, не растаешь. — До слуха Наумова доносится обрывок разговора.

Близость противника до предела обострила его чув-

ства. Положение действительно тяжелое. И с каждым часом оно будет все более усложняться: позади открытая равнинная степь, усеянная многими населенными пунктами и перерезанная густой сетью дорог. Впереди — бетонное шоссе стратегического назначения: оно соединяет столицы Украины и Польши. Через эту магистраль предстоит Наумову провести соединения в глубь Житомирщины.

Фашистское командование уготовило западню, в которую старалось загнать партизан. От Киева до Житомира вдоль шоссе через каждые полкилометра были врыты в землю танки, пулеметные гнезда, минометы и стрелковые ячейки. По шоссе в обоих направлениях курсировали патрули мотоциклистов, подразделения моторизованной пехоты, танкетки и броневики. В воздухе дежурили самолеты, выискивая партизан во всей округе. Поворачивать назад, в открытые степи, нельзя. Вперед тоже, казалось, не было пути: бросок партизанской конницы через широкое шоссе сдерживал обоз с ранеными.

«Выдержать, ввести в заблуждение противника», — решил Наумов. Все отчетливее складывался в его уме план дерзкой операции. В общих чертах этот план слагался из трех частей. Прежде всего надо было, запутав следы, внезапно скрыться и не проявлять себя. Для этого Наумов и привел соединение в небольшую болотистую рощицу в непосредственной близости от шоссе.

Умение маскироваться и ставка на выдержку бойцов успешно оправдали себя. Ни воздушным наблюдением, ни наземной разведкой врагам не удалось обнаружить партизан.

Теперь следовало ложным маневром близ Киева отвлечь внимание гитлеровцев от места предполагаемого прорыва через шоссе. Самым важным в плане Наумова был выбор времени перехода через шоссе. Дело в том, что дорога освещалась по ночам фарами машин, танков и мотоциклов, осветительными ракетами. А днем и мышь не проскочила бы через охранную линию и засады. Более того, от разведки стали поступать сведения о минных полях — их гитлеровцы устанавливали по обе стороны шоссе в местах вероятного появления партизан.

...На исходе третьих суток вконец истощенные люди с великими предосторожностями стали выводить лошадей и повозки в открытое поле. Конские копыта обмотали

гимнастерками, пиджаками и рубашами. Возле каждой повозки стояло отделение автоматчиков. В их обязанности входило на руках перенести повозки через шоссе. В случае столкновения с противником охрана раненых должна была прорваться с боем, бросив повозки и взяв раненых на руки.

Участок прорыва был довольно широким: переход веером значительно сокращал время и уменьшил бы потери в случае внезапного боя.

Предутренний туман становился все более густым и плотным. Лохматые клочья его закрыли магистраль, и уже не видно стало осветительных ракет, ни света фар машин и танков. Становилось глуше урчание моторов, занимался новый день.

«Пора», — подумал Наумов.

И тут же раздался крик выпи. Сотни людей, коней, повозок безмолвно рванулись вперед. Минута, другая, третья... И вот уже первые силуэты мелькнули на шоссе, а вскоре и все соединение на полном галопе устремилось к темнеющему вдаль лесу.

Гитлеровцы пришли в себя, когда над местом событий сверкнули первые солнечные лучи. Шквальный огонь, обрушенный вслед удаляющимся смельчакам, не достиг цели: тучи пыли закрывали партизанскую конницу.

Операция была совершена без единой потери.

...Эта радиограмма, казалось, перевернула все его существо, заставляла как бы со стороны посмотреть на себя, заново оценить свои действия и поступки. Ему, капитану Наумову, за умелые действия во вражеском тылу присваивалось звание генерал-майора.

...Вспомнилась Большая Соснова, что затерялась среди холмов и лесов Западного Урала... И год, когда он, семнадцатилетний коммунист, покинув отчий дом, ушел в Пермь учиться. Потом Кизел, дружная шахтерская семья, армия, учеба в пограншколе в Москве, беспокойная служба на западной границе, смертные бои во главе горстки пограничников и трудные дороги отступления.

И снова память уводит молодого генерала в прошлое. От Карпат до Хинельских лесов, что раскинулись на стыке Брянской, Сумской и Курской областей, прошел он в ту тяжелую военную годину, пока не примкнул к эсманским партизанам...

Вскоре он возглавил отряд, потом было назначение

на должность руководителя объединенного штаба сумских партизан. И вот он командир соединения кавалерийских отрядов-рейдовиков.

...Промчались, будто вихрь, на взмыленных конях, с обнаженными клинками в руках по двенадцати степным областям Украины до Южной Белоруссии конники Наумова. И в зимние вьюги, и в весеннюю распутицу. Форсировали Днепр накануне ледохода.

...Ежедневные бои, схватки, засады и диверсии. Партизаны уничтожали гарнизоны, хозяйства, фольварки, наводя ужас и сея смерть среди предателей всех мастей и рангов. Трепетали враги при одном имени наумовцев. Не только рядовые шутманьы, а и сам фюрер поспешил убраться, узнав под Винницей силу несокрушимого партизанского духа.

...«Степной рейд» успешно завершен. Короткий отдых, новый рейд. На этот раз из Белоруссии в обратном направлении, снова к Днепру, под Киев. И опять в страхе гитлеровцы, трещат под ударами их тылы. А там, где прошли партизаны-наумовцы, зарождались и начинали действовать новые партизанские отряды. И новые диверсии, засады, бои... А осенью, после освобождения Киева, начался новый, третий рейд. Через Воынь и Львовщину к берегам Сана и Вислы в Люблянское и Краковское воеводства Польши.

Свыше десяти тысяч нелегких партизанских верст промчали конники Наумова, проведя более четырехсот победных боев с фашистами.

Партизанские рейды обычно совершались в направлении главных ударов Советской Армии. Так, в «Степном рейде» соединение активно действовало под Харьковом — тогда советские войска сражались на Харьковском и Донбасском направлениях.

В «Киевском рейде», когда Советская Армия вела бои за Днепр, партизаны-наумовцы атаквали вражеские позиции западнее Киева.

В операциях на территории западных областей Украины и Польши («Западный рейд») соединение громило вражеские коммуникации и гарнизоны на Краковском, Люблянском и Варшавском направлениях.

Когда к людям снова пришли мир и радость, Михаил Иванович все свои силы, знания, энергию посвятил мир-

ному служению родной стране. В редкие часы свободного времени, оставаясь наедине с собою, он снова шагал партизанскими путями-дорогами, писал о боевых побратимах и соратниках, создавая им литературный памятник.

Сотнями тысяч экземпляров разошлись его книги: «Хинельские походы», «Степной рейд», «Западный рейд», «Через пропасть», «Героические новеллы».

С. Мокроусов

В БОЯХ И ПОХОДАХ

Михаил Михайлович Новиков родился в 1894 году в деревне Тарасята Карагайского района Пермской области в семье крестьянина-бедняка. В 1915 году он начал службу в царской армии. Октябрьскую революцию встретил на фронте. Был избран членом солдатского батареинного комитета.

Весной 1918 года М. М. Новиков пришел добровольцем в Красную Армию (в Челябинскую артиллерийскую батарею, которая затем влилась в состав отряда В. К. Блюхера). В том же году М. М. Новиков стал коммунистом.

В годы Великой Отечественной войны он возглавлял артиллерийское снабжение Северо-Западного фронта, Московского военного округа, Московской зоны обороны, был начальником Московского учебно-артиллерийского центра, начальником артиллерийского снабжения военных округов.

Звание генерал-майора ему было присвоено в 1940 году.

М. М. Новиков награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

В январе 1946 года М. М. Новиков уволился в запас.

Живет он в Краснодаре.

Поздним августовским вечером многотысячная партизанская армия Василия Блюхера и братьев Ивана и Николая Кашириных подошла к станции Иглино.

Здесь, в районе станции, белогвардейские генералы сосредоточили несколько чехословацких батальонов, дивизию имени Учредительного собрания, два бронепоезда, артиллерию и непрерывно подтягивали свежие силы

из Уфы и Стерлитамака. Они решили вновь зажать в кольцо и уничтожить партизанскую армию, которая неуклонно пробивалась на север, к Кунгуру. Пробивалась, несмотря на многочисленные преграды и заслоны, громя белогвардейские полки, имея огромный обоз с семьями партизан.

Теперь снова предстоял бой.

Батарейцы выкатили на опушку леса свои трехдюймовки, затем подкатили к ним почти пустые зарядные ящики, в которых оставалось по четыре снаряда на все четыре пушки.

Артиллеристы воткнули около орудий по несколько срубленных молодых березок для маскировки. Когда эта обычная работа была закончена, Михаил Новиков стал перед трехдюймовками.

— Кажется, ничего. Терпимо, — сказал он и снова подошел к орудию.

С этой системой артиллерийских орудий он впервые встретился в начале 1915 года, когда его призвали в армию и направили в артиллерию, как имеющего двухклассное образование.

Через несколько месяцев Михаил Новиков воевал уже на Юго-Западном фронте. А летом его тяжело ранило. Потом он снова встал в строй в ту же самую батарею 19-й артиллерийской бригады. Там и застала его Февральская революция. Как боевого и справедливого солдата, непримиримого к придиркам офицеров, его избрали в батарейный солдатский комитет.

Думали, что со свержением царя кончится война. Но вновь пришлось вести бои. Только в декабре 1917 года вернулся в родную деревню Тарасята солдат Михаил Новиков.

Но недолго длилась мирная жизнь — поднялся на борьбу с молодой Советской республикой бывший полковник генерального штаба Дутов. Узнал Михаил Новиков, что в Мотовилихе, Усолье, Кизеле, Лысьве формируются отряды для борьбы с дутовщиной. Прибыл в Пермь, но опоздал: отряды уже отбыли на фронт. Бросился догонять их. Ехал в товарных вагонах, на тормозных площадках, тендерах паровозов. Добрался до Челябинска. Отряды своих земляков не нашел. Тогда подался в солдатские казармы.

Встретили дружелюбно.

— Был на фронте?
— Конечно.
— Кем?
— Артиллеристом. Был при трехдюймовках.
— В какой должности?
— Наводчиком.
— Пришел к нам в самый подходящий момент. У нас формируется артиллерийская батарея. Будешь командиром орудия.

Так и стал Михаил Новиков снова артиллеристом. Тогда все отряды Челябинского, Троицкого уездов были объединены и вошли в подчинение В. К. Блюхеру. Подчинена была ему и Челябинская батарея.

В те дни в районе Верхнеуральска дутовцы были вторично разгромлены, и их атаман сбежал в Тургайские степи. Однако вскоре Дутов вновь собрал свежие силы, захватил Оренбург. И вновь Михаил Новиков отправляется громить белоказачьи части.

Только успели отвоевать Оренбург, как поднял мятеж чехословацкий корпус. Положение стало трудным: с юга наступали белоказаки, с востока и запада — белогвардейцы с чехословаками.

Тогда и произошло объединение всех полков в сводный Южноуральский партизанский отряд. Это была армия, плохо вооруженная, со скудным запасом боеприпасов. Разумеется, ей было трудно сражаться с противником, обильно оснащенным оружием и боеприпасами. Тогда и было принято решение двигаться на соединение с частями Красной Армии. Двигаться через горы, леса. Предстояла большая и трудная дорога протяженностью почти в полторы тысячи верст.

И поход начался. Направление взяли на Верхнеуральск. Около Белорецка семитысячный отряд партизан столкнулся с противником. Белогвардейцев и чехословаков насчитывалось двадцать пять тысяч.

Партизаны приняли бой. Отряд развернулся около горы Березовой. Семь дней не умолкала канонада. Михаил Новиков вел огонь по врагу, бил шрапнелью, осколочными, а когда требовалось, брал в руки карабин.

Партизаны отбросили врага за реку Урал. Путь к горе Извоз, прикрывавшей Верхнеуральск, был теперь свободен.

Но и эту горную вершину белогвардейцы основатель-

но укрепили, подтянули свежие резервы. И опять начался упорный бой. Михаил Новиков вместе со своими батареями крушил вражеские огневые позиции. Гору Извоз взяли штурмом. Путь в горы был открыт.

В те августовские дни 1918 года перед выходом в рейд на Кунгур В. К. Блюхер обратился к воинам партизанской армии:

— Вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни: одиночки — не сила.

Эти слова на всю жизнь запомнил Михаил Новиков. Тогда он понял, что сила — в коллективе, в единстве цели, за которую ты борешься. Иначе не добьешься победы.

Переправившись через реку Нура, армия начала втягиваться в горы. Слева шумела река Белая, справа поднимались горные вершины. Шли через перевалы, напрямик, тесня врага, оседлавшего горы. Особенно тяжело пришлось батареям Михаила Новикова; где сами, а где на лошадях перетаскивали трехдюймовки по горным тропам.

Через несколько дней показались Каменные утесы. Они были последним препятствием на горной дороге. За ними — степь, широкая, раздольная.

Однако ровная степь и для врага сподручнее. Здесь он наверное подготовил немалую силу, чтобы уничтожить спускающиеся с гор партизанские отряды.

Так оно и случилось. При выходе с гор к селу Макарово Верхнеуральский казачий полк сразу же попал под огонь противника. Но партизаны лавиной обрушились на врага, выбили его из села, затем из Петровского и Богоявленского заводов, деревни Залим. А ночью под огнем противника форсировали реку Сим у железнодорожной станции Иглино.

Михаил Новиков отошел от орудий к зарядным ящикам. Открыл их. «Для пехоты противника, его кавалерии они в самый раз. А как быть, если придется стрелять по бронепоездам?» — подумал он.

Бой начался под вечер. Чехословацкие батальоны ринулись на Верхнеуральский и Белорецкий полки. Шли legionеры стройными цепями. Михаил Новиков и его батареи изготавились к стрельбе. Трехдюймовки наводили медленно, но верно.

Четыре орудия выстрелили одновременно. Шрапнельные снаряды разорвались над атакующими. Потом дали

еще залп и прекратили стрельбу: на батарее осталось всего восемь снарядов.

В этот момент партизаны обрушились на белых с обоих флангов и с тыла. Легионеры заметались в партизанском кольце. Бой был выигран. Спустя два дня партизаны вошли в село Красная Горка. До Кунгура оставалось чуть побольше сотни верст. Но и тут новая преграда — белогвардейцы сожгли мост через реку Уфу, а по обоим берегам сосредоточили свежие части.

Выход был один — как можно быстрее переправиться на противоположный берег. Начали строить новый мост.

Но за день до окончания строительства моста верст за пятнадцать ниже по реке ночью на парамах и лодках и просто вплавь на противоположный берег переправились наши кавалерийские эскадроны. На рассвете они столкнулись с двумя полками белых и в жестокой схватке одолели их. Были захвачены батареи, пулеметы, сотни винтовок и большое количество снарядов и патронов.

Через несколько дней партизанская армия встретила с бойцами 1-й Бирской бригады, которой командовал уроженец Осинского уезда Павел Деткин, и сентябрьским хмурым дождливым днем вошла в Кунгур. Позади остался путь протяженностью полторы тысячи верст, полный лишений и непрерывных схваток с белогвардейцами. Почти двадцать полков врага разгромили партизаны в этих боях и прорвались через огненное кольцо.

Так закончился поход Михаила Новикова в составе прославленной партизанской армии В. К. Блюхера. Но Михаил Новиков не расстался со своими трехдюймовками, пошел воевать, теперь уже в составе 30-й стрелковой дивизии, которая была тогда создана из партизанской армии. Командиром ее стал В. К. Блюхер.

Из своей трехдюймовки Михаил Новиков отбивал вражеские атаки в районе Кунгура, Перми, Осы, Оханска, Нытвы. Потом Красная Армия перешла в наступление, и начался окончательный разгром колчаковщины.

Теперь Михаил Новиков стал старшим разведчиком управления дивизиона в 51-й дивизии. В июле 1920 года она была переброшена на Южный фронт громить Врангеля. Михаил Новиков — уже комиссар артиллерийского дивизиона.

Сражения на Каховском плацдарме, штурм Перекопа, Ишуньских укреплений, а после освобождения Крыма —

борьба с бандами на Украине. Михаил Новиков — комиссар артиллерийского полка.

В 1926 году, когда потребовались опытные строевые командиры, он возглавил артиллерийскую батарею, затем командовал полком. В июле 1936 года он был назначен помощником начальника артиллерии Сибирского военного округа. С первых дней Великой Отечественной войны М. М. Новиков находится в действующей армии, возглавляет артиллерийское снабжение Северо-Западного фронта. Когда же фашистские орды стали рваться к Москве, его назначили начальником артснабжения сначала Московского военного округа, а затем Московской зоны обороны. После разгрома врага под Москвой он стал начальником Московского учебно-артиллерийского центра. Позже Михаил Михайлович возглавил артиллерийское снабжение Южно-Уральского военного округа, а с июля 1943 года — Северо-Кавказского.

Почти тридцать лет своей жизни отдал Советской Армии Михаил Михайлович Новиков. Бывший солдат вырос до генерал-майора артиллерии.

Н. Мельников

НЕБО — НА ВСЮ ЖИЗНЬ

☆☆☆

Михаил Петрович Одинцов родился в 1921 году в селе Полозово Пермской области. В 1936 году окончил семилетнюю школу в Свердловске. Работал затыжчиком на фабрике «Уралобувь», затем окончил Свердловский аэроклуб и военное авиационное училище.

В годы Великой Отечественной войны прошел путь от командира авиазвена до заместителя командира полка штурмовой авиации. М. П. Одинцов дважды — в 1944 и 1945 годах — удостоен звания Героя Советского Союза. На его счету — 215 боевых вылетов. Он награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды и медалями.

В настоящее время генерал-полковник М. П. Одинцов продолжает службу в военно-воздушных силах.

☆☆☆

С Михаилом Петровичем Одинцовым — мастером штурмовых ударов в годы Великой Отечественной войны — я раньше не встречался. Решив написать очерк о знатном земляке, я приехал в Москву. В то время генерал-лейтенант М. П. Одинцов был командующим авиацией Московского военного округа. Передо мной предстал генерал с чуть посеребрёнными висками, стройный, моложавый. Ему было пятьдесят лет.

— Вы продолжаете летать?

— А как же. Чтобы командовать людьми, надо бывать в их положении.

У генерала Одинцова каждый служебный день расписан по часам. Его земные перегрузки, как он выразился, сильнее тех, что бывают при полетах на современных реактивных лайнерах. И все-таки Михаил Петрович сумел найти время для разговора со мной.

При первой встрече я спросил:

— Когда же вы стали летчиком?

— Не вдруг, — улыбнулся генерал. Вспомнил юность...

Окончив семилетку в Свердловске, Михаил поступил в строительный техникум. Год проучился, но дальше не смог — мать зарабатывала очень мало, семья была большая. Пришлось устроиться на фабрику «Уралобувь» рабочим-затяжчиком.

Друзья по цеху вовлекли парня в вечерний аэроклуб. И тут Одинцов понял, что его призвание — небо. Он завершил учебу в аэроклубе с отличными оценками и в свои неполные семнадцать лет пришел в военкомат, заявил:

— Хочу поступить в военную школу летчиков.

Одинцов был поджарый, узкоплечий. Военком серьезно посмотрел на него, спросил:

— А как со здоровьем? Уж очень фигура у тебя не-летная, молодой человек.

— На здоровье не жалуюсь. А фигура — придет время — выправится.

Военкому понравился находчивый ответ. Рабочий-обувщик получил направление в школу летчиков.

...На девятый день войны звену бомбардировщиков Су-2 под началом Одинцова было приказано разбомбить переправу на реке.

— Фашисты защищают переправу со всех сторон, — наставлял младшего лейтенанта командир эскадрильи капитан Наконечников.

— Вас понял, товарищ капитан, — ответил Одинцов.

Приказ комэска и обрадовал, и взволновал молодого авиатора. Радовало доверие командира. Волновало то, что такого ответственного задания Одинцову выполнять еще не приходилось.

Утро выдалось яркое, солнечное. Видимость — лучше не надо. Самолеты набрали высоту, пробились сквозь зенитный огонь и начали бомбить понтоны. Сначала сделали заход вдоль переправы — результатов не достигли.

— Пикируем поперек переправы, — передал команду Одинцов.

— Удача, Михаил Петрович, — во весь голос крикнул штурман Александр Носовец.

И тут же Одинцов услышал доклады об успешном бомбометании второго и третьего экипажей.

Разгоряченные боем, летчики с опозданием заметили четырех «мессершмиттов». Александр Носовец пулеметной очередью пробил вражескому истребителю бензобаки. Тот обвололся дымом и пошел к земле.

Командир звена уклонился от боя и взял курс на свой аэродром. Но, выходя из пике, допустил ошибку — дал возможность противнику прицелиться в машину. Фашист полоснул по бомбардировщику и ранил Одинцова в руку и ногу. Действуя одной рукой, обливаясь кровью, летчик бросал самолет из стороны в сторону, переходил на бреющий полет и все же сумел посадить машину в поле, неподалеку от Житомира.

Местные жители промыли летчику раны и доставили в полк.

А спустя некоторое время — это было в конце мая 1942-го — лейтенанту Одинцову было приказано вместе с лейтенантом Степановым подавить зенитную артиллерию врага, прикрывавшую аэродром неподалеку от Курска, дать возможность ударной группе полка уничтожить фашистские самолеты на стоянке.

Выйдя на цель, он повел самолет вдоль западной границы аэродрома. Степанов — вдоль восточной. Ударная группа — шестнадцать машин — начала бомбить территорию аэродрома. Одинцов сделал второй заход. Очередным бомбометанием он уничтожил два зенитных орудия, потом еще два. А в довершение ко всему меткими пушечными очередями удалось поджечь два вражеских самолета.

Летчики завершили дело. Вражеский аэродром был весь изрыт бомбами и снарядами, десятки «юнкерсов» были уничтожены.

Вскоре старшего лейтенанта Одинцова назначили командиром эскадрильи.

Первый экзамен, как командиру эскадрильи, ему пришлось держать в районе города Белого Великолукской области. На этом участке фронта в наступательном бою наши танки прорвали оборону противника и ворва-

лись в город. А у фашистов были свои замыслы — заманить танкистов в ловушку.

Исход боя решили летчики штурмовой авиации. Несмотря на нелетную погоду — низкая облачность, снегопад, штурмовики парами и по одному включались в работу.

Михаил Одинцов и его ведомый лейтенант Чернышев загрузили «илы» боеприпасами, предельно низко проскочили сквозь обильный снегопад и, прижимаясь к облакам, начали поиск.

В лесу, неподалеку от дороги, ведущей в Ярцево, летчики заметили скопление вражеских танков, автомашин, артиллерии и обрушили на них бомбы, реактивные снаряды. Семь заходов сделали штурмовики. Вражеская колонна была разбита.

Позади осталась Курская битва.

Не давая врагу передышки, советские войска двинулись на Харьков. Фашисты опоясали город различными укреплениями. Командующий фронтом генерал И. С. Конев приказал при прорыве обороны использовать авиацию. В помощь наступающим войскам направили девять штурмовиков и шестьдесят истребителей. Ведомым этой группы назначался двадцатидвухлетний Михаил Одинцов.

Трассу к Харькову пролетели благополучно. А когда вышли на цель, штурмовики перестроились, начали пробивать брешь в обороне врага. В проход, сделанный летчиками, устремились сухопутные войска.

За проведенные успешно бои Михаил Одинцов был удостоен звания Героя Советского Союза, стал штурманом полка.

Потом майор Одинцов летал над территорией Польши, Румынии, участвовал в Висло-Одерской операции, в битве за Берлин.

Падение Берлина еще не было концом войны. Фашисты продолжали сопротивляться в Чехословакии. Советские войска двинулись на помощь восставшему населению Праги. Но чтобы наступать на этот город, нашему командованию потребовались данные о вражеских силах в городе. На задание вылетел Михаил Одинцов.

Летчик-штурмовик быстро достиг города, посадил самолет на пражском аэродроме. Кто тут хозяйничал — было неизвестно. Не заглушая мотора, летчик развернул ма-

шину так, чтобы оружие смотрело в сторону штабного здания. Оттуда выбежали вооруженные чехи. Они рассказали, что власть в городе перешла в руки восставших, но вокруг Праги бои продолжаются.

Одинцов вернулся в полк, доложил обстановку. На помощь чехам вылетели наши самолеты, ускорили продвижение наши наземные войска.

За бои на Висле и Одере, в районе Берлина и Праги М. П. Одинцов получил вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза.

После войны он поступил на командный факультет Краснознаменной Военно-воздушной академии. Прочитал год, и случилась беда — заболел. Заболел так, что врачи отстранили от летной работы.

Ему посоветовали перейти в Военно-политическую академию.

— В наше время, — говорили ему товарищи, — командир неотделим от политработника. В свою очередь, политработник, если потребуется, может стать командиром. А может случиться и так: пока ты учишься, твоя хворь пройдет.

Предсказания друзей сбылись. После окончания академии Одинцов возглавил бомбардировочный полк.

— Профессия политработника, полученная в академии, — вспоминает Михаил Петрович, — пригодилась мне на строевой должности. Академия научила меня по-иному ценить политическое воспитание личного состава, привила вкус к педагогической работе. Где в моих делах берет верх командир, где — политработник, я сказать не могу. Но сочетание того и другого пошло на пользу делу.

Позже генерал-майор авиации М. П. Одинцов окончил Академию Генерального штаба.

За особые заслуги в освоении авиационной техники, высокие показатели в воспитании и обучении летных кадров и многолетнюю безаварийную работу в авиации в 1967 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный военный летчик СССР».

В современном авиационном бою, с его быстро меняющейся тактической обстановкой, с прицельным огнем зенитных ракет успех дела во многом зависит от морально-боевых качеств летчика. Генерал Одинцов знает это не понаслышке, не из учебников. Самые различные само-

леты он испытал в действии, на лётно-тактических учениях. Поэтому-то, вступив в должность командующего авиацией округа, Михаил Петрович на передний план поставил задачи психологической подготовки лётчиков.

Обучая и воспитывая подчиненных, он стремится к тому, чтобы каждый пилот, командир, политработник в совершенстве овладел наукой победы над сильным, технически оснащенным противником.

— Мы готовим лётчиков не для воздушных гастролей, не для показательных эффектов в небе, а для боя, в котором надо не только выстоять, но и победить неприятеля, — говорит Михаил Петрович.

Когда мои дела в Москве были завершены, я приехал в штаб авиации. Мне хотелось еще раз поблагодарить Михаила Петровича за гостеприимство. Однако дежурный по штабу сказал:

— У командующего сегодня лётный день.

С. Иванов

**КОМИССАР
В ДЕВЯТНАДЦАТЬ
ЛЕТ**

Василий Иванович Полюгалов родился в 1923 году в деревне Мостовая Пермско-Сергинского района Пермской области. В 1937 году он начал работать на пермском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина разметчиком. В июне 1941 года он стал курсантом 2-го Оренбургского военного летного училища. Летом 1942 года В. И. Полюгалов в составе курсантского пулеметно-артиллерийского батальона ушел на фронт. Воевал на Воронежском, Сталинградском фронтах, стал политруком.

В 1952 году после окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина был начальником политотделов соединений. В. И. Полюгалов награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями, а за освоение новейшей техники — орденом Трудового Красного Знамени.

Звание генерал-майора В. И. Полюгалову присвоено в 1975 году.

Сейчас В. И. Полюгалов — начальник политотдела Военно-инженерного Краснознаменного института имени А. Ф. Можайского.

Семилетка осталась позади. Что делать четырнадцатилетним ребятам? Василий Полюгалов, как и его друзья по школе, решил пойти работать на завод.

Почему? Мотовилиха — старый завод, богатый боевыми и трудовыми традициями. Почти каждая семья рабочего поселка связана с этим предприятием, живет его делами и интересами.

Василий Полюгалов пошел по пути отца, кадрового металлиста, стал учеником разметчика у опытного рабо-

чего Павла Ивановича Смирнова, который умело передавал молодым свой опыт и знания, приобщал к сложному и тонкому делу разметчика.

Помнит он и своих заводских наставников — братьев Бориса и Георгия Глумовых, Бориса Перевозчикова. И особенно старшего мастера Григория Александровича Уткина, строгого, взыскательного, не терпящего разболтанности и халатного отношения к делу, неутомимого рационализатора и изобретателя. Это он научил его ценить и беречь время, жить избранным делом.

Однажды Г. А. Уткин дал Василию обработать деталь.

— Не смогу. Слишком сложная, — сказал Василий.

— Слово «не могу» забудь на всю жизнь. Оно принижает человека, мешает ему проявить свои возможности, смекалку, сковывает его силы, делает безвольным, бездеятельным, — так ответил мастер. И его слова стали для Василия Польшгалова жизненным правилом.

Летом 1941 года он окончил вечернюю среднюю школу. Началась война. В те дни дорога многих юношей пролегла в военкоматы. У всех одна просьба — отправить на фронт. Василия направили учиться во 2-е Оренбургское военное летное училище. Но окончить его не пришлось. Враг захватил Украину, рвался к Кавказу, к Сталинграду. С 233-м пулеметно-артиллерийским батальоном ушел воевать Василий Польшгалов. Стал командиром пулеметного расчета. Вскоре в составе 76-й Краснознаменной стрелковой дивизии попал на Сталинградский фронт. Бои были упорные, ожесточенные, стрелки отстаивали каждую пядь земли, и дорогой ценой расплачивались фашисты за каждый метр захваченной земли. Василий Польшгалов был и пулеметчиком, и минометчиком. Потом стал политруком взвода полковой разведки и вместе с разведчиками ходил в тыл врага, громил фашистские штабы, уничтожал линии связи, добывал «языков».

Это они, разведчики, августовской ночью добыли ценные документы в тылу неприятеля и доставили в штаб. А после, благодаря добытым сведениям, соединения 63-й и 21-й армий нанесли чувствительный удар по вражеским войскам между городом Серафимовичем и станицей Клетской, затем форсировали Дон, захватили выгодный в оперативном отношении плацдарм на пра-

вом берегу, который был широко использован спустя три месяца при разгроме окруженных под Сталинградом фашистских войск.

Василий Польшгалов, ставший в девятнадцать лет коммунистом и политруком, умело вел воспитательную работу со стрелками, пулеметчиками, минометчиками и связистами. В каждом бою, в любой обстановке, при атаке, в разведке он был среди солдат. Они видели, как их комиссар — так всегда солдаты называли Василия Польшгалова — не щадил себя, мастерски владел оружием, показывал пример, как нужно уничтожать фашистских захватчиков. По его примеру действовали и солдаты.

Окончилась война. Но не завершилась военная служба В. И. Польшгалова. Он политработник в полках, учебных заведениях. Затем учеба в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. После ее окончания он получил направление на Дальний Восток, был заместителем начальника политотдела, начальником политотдела соединения. Потом — служба в других военных округах.

Таков ратный путь бывшего рабочего Мотовилихи.

М. Сергеев

**ХОЗЯИН
Артиллерийского
огня**

☆☆☆

Валерий Аркадьевич Порозов родился в 1908 году в селе Большая Соснова Пермской области. В 1929 году он окончил Пермский промышленно-экономический техникум.

В 1930 году В. А. Порозов был призван в армию, в которой прошел путь от солдата до генерал-майора артиллерии. Закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и Академию Генерального штаба.

В годы Великой Отечественной войны он воевал на Западном, Калининском, 1-м Украинском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Войну закончил в должности начальника штаба артиллерии 1-й гвардейской танковой армии.

В послевоенные годы В. А. Порозов работал в штабе Приморского, Прибалтийского военных округов, групп войск, возглавлял факультет Военной артиллерийской академии имени М. И. Калинина.

Звание генерал-майора ему было присвоено в 1954 году.

За успешное выполнение заданий командования награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями.

В. А. Порозов умер в 1973 году.

☆☆☆

Февральским вечером 1943 года командующий артиллерией 29-й армии полковник Галецкий вызвал к себе начальника оперативного отделения штаба артиллерии майора Порозова.

— Что ж, товарищ майор, будем расставаться.

Эти слова полковник произнес как-то сухо, и они озадачили офицера.

Он начал войну помощником начальника штаба артиллерии 250-й дивизии. Позже его назначили начальником штаба 381-й дивизии, потом опять повысили — стал начальником разведотдела штаба артиллерии 29-й армии, через полгода новое назначение — возглавил оперативное отделение этого штаба. Все время в период тяжелых оборонительных боев, при освобождении города Калинина, при планировании Ржевской операции — всегда получал высокие оценки своей деятельности. А теперь что?

— Вы чем-то недовольны? — уже теплее и мягче произнес полковник Галецкий. — Откровенно говоря, мне не хочется вас отпускать. Но приказ есть приказ. Вас, как опытного, боевого и энергичного артиллерийского офицера, назначают в 1-ю танковую армию. Она формируется. Так что быстро подготовьте документы и поезжайте к месту ее расположения — в Андреаполь.

В. А. Порозову не особенно хотелось покидать 29-ю армию. Он знал всех командиров дивизий, полков, особенно близко сошелся с артиллеристами, которым помогал в организации огня в оборонительных боях и при наступлении. За полтора фронтовых года он прошел хорошую боевую выучку у опытных артиллеристов. А поучиться, перенять опыт было у кого. Командовал Калининским фронтом Иван Степанович Конев — талантливый военачальник. Это он, еще до войны возглавляя Северо-Кавказский военный округ, на одном из учений организовал атаку пехоты и танков под прикрытием двойного огневого вала. И, командуя фронтом, он умело организовывал взаимодействие артиллерии с пехотой и танками, на полную мощь использовал огневые возможности орудий и минометов.

Было что перенять и у Николая Михайловича Хлебникова, который в годы гражданской войны командовал артиллерией Чапаевской дивизии, а на Калининском фронте — всей артиллерией.

Именно здесь, на этом фронте, одним из первых было проведено артиллерийское наступление в больших масштабах. В ходе наступления артиллеристы не ограничивались артподготовкой и другими разовыми действиями. Орудийные и минометные расчеты наступали вместе со стрелками и танкистами, поддерживая их огнем при про-

движении пехоты в глубину обороны противника вплоть до полного прорыва всей оборонительной полосы врага. Немало было введено новшеств и при ведении контрбатареинной борьбы, инструментальной, звукометрической и воздушной разведки. Все это позволяло успешнее решать задачи, поставленные командованием.

Теперь В. А. Порозова назначили заместителем командующего танковой армией. Должность — ответственная, спрос — большой. Знал, что будет трудно, но верил в свою работоспособность и надеялся на опыт, который накопил, воюя бок о бок с талантливыми артиллеристами.

Валерий Аркадьевич Порозов немало наслышался о Михаиле Ефимовиче Катукове, назначенном командующим танковой армией. Он дерзко вел бой с фашистскими частями и, несмотря на численное превосходство противника, часто выходил победителем.

Воевал Катукоев с выдумкой, не по шаблону. Он хитро поступал, когда ожидалось наступление врага. По его приказу танковые экипажи имели две-три запасные позиции. Расставлял танки так, чтобы каждый экипаж машины видел друг друга, поддерживал огнем, вел огонь из засад с 200—300 метров, стрелял в борта вражеских танков. Косоприцельный губительный огонь наносил врагу тяжелый материальный урон. И хотя противник имел численное превосходство в танках, советские воины выходили победителями, превосходя фашистов в организации и тактике проведения боевых действий.

...Разговор с генералом М. Е. Катукоевым был кратким.

— Что из себя будет представлять танковая армия, узнаете у начальника штаба. Соединения и части армии пополняются или на подходе. В полном составе артиллерийские полки. Займитесь ими и всем, что связано с артиллерией.

На этом и закончился разговор.

Началась служба на новом месте. Дни были хлопотливыми и напряженными. По указанию В. А. Порозова среди артиллеристов развернули учебу орудийных расчетов, разведчиков. Особенно он требовал, чтобы в каждом расчете была достигнута полная взаимозаменяемость: командир орудия мог в ходе боя выполнять обязанности командира огневого взвода, наводчик — командира ору-

дия, заряжающий — наводчика. Немало пришлось ему заниматься и «тыловиками» — артснабженцами, водителями автомашин, артмастерами. От них он требовал глубоких знаний своих обязанностей и быстроты выполнения боевых приказов.

Однажды Валерий Аркадьевич Порозов проводил показательные стрельбы. На полигон были доставлены броневые плиты различной толщины, трофейные танки. Расчеты вели огонь из различных артиллерийских систем, в том числе и из захваченных у противника орудий.

В завершение В. А. Порозов познакомил артиллеристов с новинками того времени, поступившими на вооружение армии, — подкалиберными и коммулятивными (бронепрожигающими) снарядами. Фашистские танки были изрешечены нашими снарядами, несмотря на то, что имели солидную броню. Орудийные расчеты на практике убедились в превосходстве нашей артиллерии и в том, что вражескую технику можно успешно бить.

В конце июня танковая армия генерала М. Е. Катуква вошла в состав Воронежского фронта. Она представляла мощную ударную силу. В ее составе — два танковых и механизированный корпуса. Кроме танков и самоходных установок, армия имела почти четыреста орудий, восемь закрепленных артиллерийских полков. И этой мощной артиллерией руководил В. А. Порозов.

Пятого июля началась Курская битва. Армия генерал-лейтенанта М. Е. Катуква — на второй линии обороны. Задача — поддержать боевые действия 6-й гвардейской армии.

В. А. Порозов уже подготовил план боевого применения артиллерии к предстоящему нанесению контрудара наступающим фашистским войскам. План получился стройным, конкретным. В нем указаны артиллерийские средства, привлекаемые к боям, их плотность, порядок занятия огневых позиций и сроки готовности артиллерии, планирование огня, методы и глубина поддержки атак пехоты и танков, сопровождение их в начале боя, по рубежам и в глубине обороны противника, обеспечение огнем флангов и стыков, пополнение боеприпасами частей во время боев, управление артиллерийскими частями. Одновременно разумно решались вопросы разведки — артиллерийской, звукометрической, топографической, а также связи.

12 июля 1943 года танковая армия генерала М. Е. Катукова вместе с другими соединениями нанесла удар по вклинившейся группировке противника.

Развернулись ожесточенные бои. На отдельных участках проходили наступательные действия танкистов, пехоты, артиллерии с одновременным отражением контратак противника, на других участках наши войска вели активную оборону с нанесением ударов по фашистским войскам, на третьих — встречные бои. В те дни у начальника штаба артиллерии не было спокойных минут. Как подсказывала обстановка, ему иногда приходилось перебрасывать артполки с одного участка на другой, чтобы танкистам пробить брешь в рядах противника. Он заботился о подвозе боеприпасов, обрабатывал данные разведки и информировал о полученных сведениях артиллеристов.

Через четыре дня противник начал отходить на исходные позиции.

Теперь у подполковника В. А. Порозова главной стала забота — отработать все элементы плана контрнаступления на Белгородско-Харьковском направлении. Эта операция носила условное название — «Румянцев». По плану главный удар наносился на Богодухов, Валки, Володага, в обход Харькова с запада.

Уже в первый день этого контрнаступления, 3 августа, вражеская оборона была взломана. В прорыв устремились две гвардейские танковые армии — 1-я и 5-я. Через неделю армия М. Е. Катукова перерезала железную дорогу Харьков — Полтава.

Боевая задача была выполнена успешно.

Наступил декабрь. 1-я танковая армия вошла в состав 1-го Украинского фронта. И вновь В. А. Порозов до глубокой ночи занимался в штабе — готовилось новое наступление на Житомирском направлении. Вместе со своими подчиненными он до мельчайших деталей разрабатывал предстоящие действия артиллеристов, чтобы огнем обеспечить танкистам успех в этих боях. Вычерчивались разные таблицы, готовились крупномасштабные карты, на них наносили цели, которые следовало уничтожить, велась непрерывная разведка, изучались результаты аэрофотосъемки. Постепенно план артиллерийского обеспечения вырисовывался все точнее.

И вновь внезапный удар по фашистским войскам. За

шесть дней — к исходу 29 декабря — на Житомирском направлении было разбито восемь танковых и четырнадцать пехотных дивизий противника, освобождено более тысячи населенных пунктов, несколько городов.

В марте 1944 года Москва дважды салютовала войнам танковой армии — за освобождение городов Гусятин, Черновцы и других, в апреле — за выход на государственную границу.

Летом войны танковой армии громили фашистские войска уже на территории Польши — брали города Перемышль, Лодзь, Кутно, Томашев, Гнездо. В январе 1945 года они ворвались на территорию Германии в пределы Бранденбургской провинции. Затем внезапно для противника армия генерала М. Е. Катукова оказалась в Померании. Спустя две недели — 28 марта — она сыграла неценимую роль во взятии военно-морской базы и крупного порта на Балтике — Гдыни.

Особенно напряженным для полковника В. А. Порозова был апрель. В этот весенний месяц танковая армия совершила бросок от Балтики к Одеру: готовилась Берлинская операция.

У полковника вновь наступили бессонные ночи. Нужно все предусмотреть: как могут развернуться предстоящие бои, какой характер примут они на подступах к фашистской столице, что нужно сделать, чтобы пробиться через сплошные вражеские оборонительные рубежи. И вновь на его столе карта обстановки и боевых порядков артиллерии, разведкарта, данные о распределении и плотности артиллерии, обеспечении боеприпасами, состоянии связи, транспорта, расчеты расхода боеприпасов.

Постепенно стал вырисовываться план артиллерийского обеспечения предстоящих боевых действий танковой армии.

...На рассвете 16 апреля артиллерийская подготовка и удары авиации возвестили о начале завершающего этапа войны.

Взятые Зееловские высоты, и на стыке 8-й и 5-й гвардейских армий появилась армия генерал-полковника М. Е. Катукова. Она начала взламывать оборонительные рубежи противника. Пришлось атаки танков поддерживать короткими огневыми налетами на глубину четырехдвяти километров — так много создал противник различных опорных пунктов, укреплений, так насытил их огне-

выми средствами. До самого Берлина шло упорнейшее преодоление обороны врага.

Каждый очередной день наступления полковнику В. А. Порозову приходилось начинать с организации коротких, но мощных пятнадцати- двадцатиминутных огневых налетов по оборонительным рубежам. А это означало, что артиллерийскому штабу к исходу каждого дня приходилось планировать действия артиллерии на следующий день, осуществлять перегруппировку артиллерийских полков, заботиться об обеспечении снарядами и о многом другом. И все это за одну ночь, после изнурительного боевого дня.

Один за другим падали оборонительные укрепления противника. К 24 апреля 1-я гвардейская танковая армия и другие передовые части соединились на юго-восточной окраине Берлина с войсками 1-го Украинского фронта и рассекли вражескую группировку.

Гвардейцы включились в уличные бои.

Поздним вечером 2 мая к полковнику В. А. Порозову зашел М. Е. Катукон.

— Валерий Аркадьевич, хватит работать. Война закончилась.

Так он встретил победу.

**М. Колпаков,
С. Мокроусов**

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Константин Васильевич Проворов родился в 1915 году в Перми. Работал токарем на Мотовилихинском заводе, затем окончил рабфак, начал учиться в Московском энергетическом институте, но по путевке ЦК ВЛКСМ был направлен на учебу в военно-морское авиационное училище. После его окончания К. В. Проворов продолжал учебу на авиационном факультете Военно-морской академии, в Академии Генерального штаба. Позже он преподавал в Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина, в Академии Генерального штаба, стал профессором, был на военно-дипломатической работе, заместителем начальника штаба войск противовоздушной обороны, руководил Главным управлением военно-учебных заведений Министерства обороны СССР.

В годы Великой Отечественной войны он воевал на Западном, Калининском, Карельском фронтах, а также на Дальнем Востоке.

К. В. Проворов член КПСС с 1941 года. Звание генерал-майора авиации ему присвоено в 1960 году. Он награжден орденом Кутузова 2-й степени, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

В 1974 году К. В. Проворов ушел в отставку, живет в Москве.

На экранах кинотеатров страны многие видели документальный фильм «Династия Проворовых». Кинокартина демонстрировалась и по Центральному телевидению.

Это — рассказ о славной рабочей династии Проворовых с пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина. Начало ей положил Иван Проворов, со-

сланный в 1740 году царским правительством в Прикамье на строительство медеплавильного завода. От него и пошла эта славная трудовая династия. Из поколения в поколение ее представители трудились на заводе слесарями, токарями, кузнецами. Сейчас на заводе трудятся Проворовы из шестого и седьмого поколений.

Один из династии — генерал-майор авиации Константин Васильевич Проворов.

Думал ли в молодости Константин Проворов быть генералом? Пожалуй, нет. После семилетки пошел учиться в ФЗУ, чтобы шагать по дороге своих дедов, отца и братьев, по знакомой тропинке на завод. Стал токарем. Одновременно учился на вечернем рабфаке. Появилась мечта — быть инженером-электриком. Успешно сдал экзамены в Московский энергетический институт. Прочитал год. Потом вызов в комитет комсомола. Там сказали:

— Родине нужны летчики.

— Раз нужны — я готов, — ответил Константин Проворов и с путевкой ЦК ВЛКСМ начал учиться в военноморском авиационном училище. Окончил он его с отличием. И снова учеба — на авиационном факультете Военно-морской академии, которую он окончил также с отличием.

Началась Великая Отечественная война.

Константин Проворов в составе авиационного полка специального назначения летал в глубокий тыл противника бомбить вражеские объекты. Потом тяжелое ранение. После госпиталя — новое назначение на оперативную работу в штаб воздушно-десантных войск. К. В. Проворов планировал и организовывал выброску наших парашютных частей в тыл фашистских войск. Затем новый фронт — Карельский. К. В. Проворов — заместитель начальника оперативного отдела штаба военно-воздушных сил фронта. Здесь — планирование боевых действий авиации по разгрому фашистских авиационных подразделений на аэродромах и в воздушных боях, организация взаимодействия с наземными войсками, флотом.

Наступил 1944 год. Готовилась Свирская наступательная операция во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта по освобождению Южной Карелии. Пришли новые заботы — организация детальной плановой и перспективной фоторазведки полос обороны про-

тивника на всю ее глубину, чтобы наметить главный удар войск фронта, затем планирование авиационного наступления, обеспечение наступающих войск поддержкой авиации и кораблей Ладожской военной флотилии, Балтийского флота. И эта операция прошла успешно.

Активно участвовал он и в подготовке Петсамо-Киркенесской операции. Район, где должны были наступать наши войска, представлял собой прибрежную полосу горной тундры Заполярья. Побережье Баренцева моря здесь изрезано многочисленными фиордами, заходящими на десятки километров в глубь материка. Резко пересеченная местность, множество горных рек, болот и озер, суровый климат затрудняли боевые действия всех родов войск. Метеорологические условия были неблагоприятны, особенно для авиации. В октябре в Заполярье часто шли дожди и снег, с моря дули сильные ветры. Все это К. В. Проворов учитывал при планировании действия 7-й воздушной армии, в которой он служил. Седьмого октября 1944 года началось наступление. Авиация из-за неблагоприятных условий вступила в бой только во второй половине дня. Летчики успешно выполнили все боевые задания и обеспечили наступление наших войск.

К концу месяца вся Петсамо-Киркенесская операция была завершена.

И снова в путь. На этот раз — на Дальний Восток, чтобы обезопасить наши дальневосточные земли от японских захватчиков. К. В. Проворов получает назначение в оперативный отдел 9-й воздушной армии, которая входила в 1-й Дальневосточный фронт. Армия представляла мощное соединение. Она имела одну бомбардировочную, две штурмовые, три истребительные, две смешанные авиадивизии, авиаполки — разведывательный, корректировочный и связи, шесть отдельных эскадрилий. Кроме того, ей было придано две авиадивизии 18-й воздушной армии. И все эти силы требовалось умело использовать в ходе предстоящих боев. Они нацеливались в направлении главных ударов. 9-й воздушной армии отводилась одна из основных ролей в разгроме Квантунской армии. Ей предстояло до начала наступления войск фронта разрушить оборонительные сооружения в ряде укрепленных районов противника. Поэтому почти половина запланированных самолето-вылетов была использована на первом этапе операции, чтобы разрушить оборонительные

сооружения в Волынском узле сопротивления. Все это требовалось точно рассчитать, определить и поставить задачи каждому соединению, части, предусмотреть неожиданности. Кроме того, нужно было спланировать удары бомбардировщиков на военные предприятия и железнодорожные узлы, наладить взаимодействие Тихоокеанского флота и наземных войск. Все это легло на плечи К. В. Проворова и его товарищей.

В ночь на 9 августа 1945 года советские войска перешли в наступление. Летчики 9-й армии нанесли мощные удары по укрепленным районам, железнодорожным узлам, портам. По приказу командующего воздушной армией К. В. Проворов возглавил оперативную группу своей армии, которая приняла управление авиационными соединениями, действовавшими в полосе наступления 5-й армии генерал-полковника Н. И. Крылова. Это давало возможность своевременно управлять действиями летчиков, обеспечивать продвижение вперед наступающих войск.

За шесть дней боев войска прошли сто километров в глубь Маньчжурии, громя противника, захватывая один город за другим. Этому способствовали умелые действия наших авиасоединений, которыми командовали мужественные и талантливые командиры.

С. Мокроусов

**РОВЕСНИК
ОКТЯБРЯ**

☆☆☆

Кузьма Терентьевич Серин родился в 1917 году в деревне Левино (ныне Горбуны) Сивинского района Пермской области. После окончания учебы работал делопроизводителем лесоучастка, секретарем сельсовета, участковым зоотехником. В 1938 году по комсомольской путевке был направлен служить на Тихоокеанский флот. Здесь он стал кадровым политработником — пропагандистом политотдела, старшим инструктором Политуправления Тихоокеанского флота. Член КПСС с 1940 года.

После окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина служил на флоте — заместителем по политчасти командира подводной лодки, заместителем начальника политотдела, начальником политотдела соединения подводных лодок. К. Т. Серин работал в аппарате ЦК КПСС, был членом Военного совета, начальником политотдела флотилии, заместителем начальника Политуправления флота.

Звание контр-адмирала ему присвоили в 1967 году.

К. Т. Серин активно участвовал в боях с японскими милитаристами. После войны он выполнял ответственные правительственные задания, сейчас продолжает службу на флоте.

☆☆☆

Заканчивался третий день войны с милитаристской Японией. Наступила августовская ночь. Стояла тишина. Лишь изредка кое-где мелькал слабый огонек электрического фонарика, и только около фрегатов, торпедных ка-

теров, тральщиков слышны были негромкие команды офицеров.

Бойцы 75-го батальона и других подразделений морской пехоты начали заполнять трюмы и палубы кораблей. Погрузку моряков наблюдали командир 13-й бригады морской пехоты генерал-майор В. П. Трушин, начальник политотдела полковник Ю. Ф. Сункович, штабные офицеры, командиры подразделений.

В этот поздний час 11 августа 1945 года пехотинцы отправлялись на выполнение боевого задания: морской десант должен был высадиться на Корейском полуострове и овладеть портом Юки и его укреплениями. Остальные батальоны и дивизионы 13-й бригады получили задание захватить Сейсин — главную военно-морскую базу противника, а также порты Расин и Гензан и удерживать их до подхода главных сил 25-й армии.

Политработник старший лейтенант Кузьма Терентьевич Серин отплывал на задание с 75-м батальоном на фрегате «ЭК-7». Он хорошо знал каждого морского пехотинца: встречался с ними почти ежедневно, многие учились у него в школе партийно-комсомольского актива. Десятки раз он выступал перед ними с лекциями, докладами и беседами.

Морские пехотинцы настойчиво повышали свое боевое мастерство, дисциплину и организованность, учились умело действовать в разнообразных условиях боевой обстановки, перенимали боевой опыт фронтовиков. Немало полезного они извлекли во время встреч с участниками десантных операций в Новороссийске и Керчи, с моряками разведывательного отряда дважды Героя Советского Союза В. Леонова.

О своем стремлении с достоинством выполнить воинский долг перед Родиной, действовать смело и решительно морские пехотинцы заявили на митинге, на котором было зачитано Заявление Советского правительства о том, что с 9 августа 1945 года Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. В частях прошли партийные и комсомольские собрания, были выпущены боевые листки.

Эти два дня перед выходом в море у старшего лейтенанта К. Т. Серина были заполнены до отказа. Он делал все, чтобы вызвать у морских пехотинцев наступательный порыв, стремление проявить в предстоящих боях отвагу

и храбрость. Ознакомил их с Обращением Военного совета флота, с листовкой «К морским пехотинцам» и «Памяткой десантника». Одновременно обстоятельно рассказал о районе, где предстоит действовать морским пехотинцам, об укреплениях и силах противника, учил, как вести бой при высадке на побережье, при овладении укрепленными позициями врага, как взаимодействовать друг с другом.

Вот и закончилась посадка десантников, и фрегат «ЭК-7», тральщик «МЩ-271» в сопровождении подводных лодок, сторожевиков, торпедных катеров взяли курс на Корейский полуостров.

Когда корабли вышли в море, к К. Т. Серину подошли командир фрегата и его замполит.

— Старший лейтенант, возьмите, пожалуйста, письмо нашего экипажа.

Это было обращение членов экипажа «ЭК-7» к личному составу 75-го батальона.

Старший лейтенант К. Т. Серин тут же собрал морских пехотинцев и прочитал им письмо. Моряки писали: «Отважные бойцы морской пехоты!

Смело уничтожайте врага. При подходе к берегу по команде немедленно прыгайте за борт, чтобы быстрее овладеть намеченным рубежом. На берегу идите только вперед. Смело пробивайтесь в тыл врага. Проявляйте в бою инициативу, сметку, хитрость. Помните, что враг, как бы он ни оборонялся, должен быть уничтожен, а боевая задача с честью выполнена. В этом мы вам поможем огнем нашей корабельной артиллерии, личным участием матросов в бою».

— А как мы ответим на это письмо? — спросил К. Т. Серин. Поднялся лес рук. Старший лейтенант предоставил слово пулеметчику Ивану Перегудову, принятому в партию перед выходом в море.

— Я думаю, в ответном письме морякам фрегата мы напишем так:

«Дорогие моряки фрегата «ЭК-7».

Мы, морские пехотинцы 75-го батальона 13-й бригады, клянемся вам с честью выполнить боевой приказ командования. Сделаем все, чтобы не опозорить честь и достоинство советских морских пехотинцев. Приказ командования будет выполнен, будем драться мужественно и смело...»

Так и написали морякам фрегата.

Экипаж фрегата оказал десантникам огромную помощь. Еще до подхода к порту Юки оружейные расчеты корабля подготовились к стрельбе по укреплениям врага. Над портом уже летали советские бомбардировщики. На смену одним эскадрильям сразу же летели другие. После третьей волны бомбардировщиков прилетели штурмовики. Удары нашей авиации отвлекли внимание противника от моря.

Фрегат «ЭК-7» и тральщик «МЩ-271», торпедные катера вплотную подошли к причалам, и морские пехотинцы сразу же оказались на суше. Начался бой за город. Десантники уничтожали одну огневую точку за другой, захватывали подготовленные к обороне каменные здания. К вечеру порт Юки был взят и очищен от врага.

75-й батальон и поддерживающие его подразделения получили новую задачу — двигаться вдоль побережья на юг, разгромить отходящие силы противника и не дать им возможности соединиться с гарнизонами Расина и Сейсина.

После захвата Расина десантники 14 августа ворвались в военно-морскую базу Сейсин. Здесь в трудное положение попали моряки 140-го разведотряда старшего лейтенанта В. Леонова, автоматчики роты старшего лейтенанта И. Яроцкого, морские пехотинцы 355-го Шкотовского отдельного батальона, которые высадились раньше. Все, что было у противника, он бросил против нашего десанта. Атаки следовали одна за другой. В течение двух дней — 13 и 14 августа — советские воины отбивали ежедневно до десяти атак. Теперь на помощь им прибыли с моря основные силы десанта — остальные батальоны 13-й бригады морской пехоты, подошли с севера и части стрелковой дивизии.

По-боевому велась партийно-политическая работа. Старший лейтенант К. Т. Серин все время находился вместе с морскими пехотинцами, ходил из взвода во взвод, из роты в роту. Говорил с бойцами коротко — рассказывал, как дрались советские воины с японскими захватчиками, о героизме летчика младшего лейтенанта Янко и его боевого товарища стрелка-радиста Бабкина, которые повторили подвиг Николая Гастелло, бросив свой подбитый самолет на электростанцию порта и взорвав ее, о проявивших смелость и отвагу морских пехо-

тинцах, о парторге роты сержанте Бирюле, заменившем в бою командира. Рота захватила господствующую высоту и отразила все атаки врага. Бойцов воодушевлял пример морского пехотинца сержанта Маркелова, который взорвал вражеский дзот и тем самым обеспечил продвижение своего батальона вперед.

— Эти воины служат для нас примером — говорил бойцам К. Т. Серин. — Будем драться с врагом так же, как они.

И вновь морские пехотинцы вступали в схватку с врагом. Выбивали противника из укреплений, отбивали яростные контратаки и неудержимо пробивались вперед.

На другой день противник начал яростные контратаки. В течение дня их было отбито пятнадцать. При отражении их отличились многие морские пехотинцы — командир отделения Маслов, комсорг сержант Мишаткин, командир взвода парторг роты лейтенант Преснов, медсестра Елена Чернюк и другие.

16 августа при поддержке артиллерии, авиации и кораблей воины начали решительный штурм позиций противника, и японская военно-морская база Сейсин была взята.

Это был последний бой морских пехотинцев 13-й бригады.

Через несколько дней японские войска капитулировали.

За умелое выполнение заданий командования, проявленный героизм 13-й бригаде морской пехоты было присвоено звание гвардейской, а 23 августа Москва салютовала в честь победителей двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Вторая мировая война была закончена. Наступил долгожданный мир.

М. Сергеев

ПРИЗВАНИЕ — НЕБО

☆☆☆

Григорий Флегонтович Сивков родился в 1921 году в деревне Мартыново Кунгурского района Пермской области. После окончания Пермского авиационного техникума работал на заводе имени Я. М. Свердлова. В 1940 году он окончил военно-авиационную школу летчиков. В Великой Отечественной войне Г. Ф. Сивков начал участвовать с декабря 1941 года. Воевал на Украине, Кубани, Северном Кавказе, в Крыму, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и закончил войну в Австрии. За эти годы он совершил 247 боевых вылетов, прошел путь от командира экипажа до штурмана полка.

Г. Ф. Сивков дважды удостоен звания Героя Советского Союза — в 1944 и 1945 годах. На фронте он стал коммунистом. Г. Ф. Сивков награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями.

После войны Г. Ф. Сивков окончил Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского, стал кандидатом технических наук, доцентом, возглавляет кафедру.

Генерал-майор инженер Г. Ф. Сивков — почетный гражданин города Перми.

☆☆☆

Как всегда, командир полка Николай Антонович Зуб в тот июльский день был немногословным. Но все обратили внимание на его озабоченное лицо. Он оглядел всех собравшихся командиров эскадрилий, звеньев, штурманов и спокойно сказал:

— Получен приказ наземным войскам прорвать оборону противника. Наша задача известна — поддержать

их всеми своими силами. На позиции противника пойдем колонной пятерок. Первую пятерку поведу я. Со мной летят...

Григорию Сивкову он приказал возглавить третью пятерку.

На выполнение задачи вылетел весь 210-й полк. Нашим войскам предстояло начать окончательный прорыв фашистского оборонительного рубежа — «голубой линии», которая прикрывала подступы к Таманскому полуострову. Летчикам же нужно было в первую очередь подавить огонь вражеских зенитных батарей. Это — поединок летчика с целой батареей зенитных орудий, которая в какие-то мгновения выпускает по самолету десятки снарядов. И нужно было иметь стальные нервы, чтобы идти навстречу этому огненному смерчу.

На следующее утро пятерки «илов» одна за другой покидали аэродром. Григорий Сивков видит впереди себя самолеты, которые ведет командир полка Н. А. Зуб. Повыше вторая пятерка, а чуть позади он сам со своими товарищами. Схватка будет нелегкой. Это понимает каждый летчик. Понимает и верит в удачу. Знают, что и командир все продумал, все взвесил и сам первым полетел на врага. Ведь первая пятерка должна принять первые вражеские залпы. А они — самые опасные.

Противник молчит. Его зенитчики видят штурмовики. Первая пятерка вышла к цели. И тут же начался ураганный обстрел. Почти все пространство спереди и с боков «илов» заполнилось вспышками разрывов. Сквозь их сплошную массу пробивается и Григорий Сивков со своей пятеркой и обрушивает на цель «эрэсы» и снаряды, затем делает разворот и уходит на второй заход. Он посмотрел вперед. В первой пятерке не хватает двух машин. Где они? Оглянулся по сторонам. Там их не было. Кого-то сбили. И Григорий Сивков с еще большей яростью обрушил огонь на очередную батарею врага. И тут же команда с КП дивизии:

— После второго захода — домой!

На аэродроме не приземлилось два «ила» — Н. Зуба и В. Ильина. Они были сбиты при первой штурмовке фашистских позиций. Погиб замечательный летчик, командир, воспитатель, учитель, прошедший сквозь бои в Испании, с белофиннами. Еще раньше ради победы над захватчиками отдали свои жизни многие другие летчики

полка. Они сражались не ради славы и наград. Они бились за счастье своего народа, за освобождение Европы от фашистской чумы. Все они хотели жить. Но ради победы над фашизмом они шли вперед, шли навстречу смерти и, погибая, побеждали.

...Наши войска вышли к Керченскому проливу. Сюда же перебазировался и 210-й штурмовой авиационный полк.

Вскоре Григорий Сивков получил от нового командира полка Н. К. Галущенко очередное задание:

— Поведешь четверку. Приказано подавить вражескую батарею, расположенную на западном склоне высоты 175,0.

Григорий Сивков знал эту цель. Там располагалась неприятельская дальнобойная артиллерия. Она вела огонь по берегу, занятому нашими войсками, которые готовились к форсированию Керченского пролива. Знал и о том, что около города Керчи десятки зенитных батарей. Задание трудное. Выполнить его не просто.

Григорий Сивков шел на цель со стороны моря. Солнце хорошо освещало высоту. На ее вершине летчик заметил пятна изрытой земли. А вокруг — никаких признаков жизни, ни одной человеческой фигуры. Но стало ясно, что это — маскировка. А что под маскировкой? Возможно, что-то есть, коль противник так тщательно замаскировал это место, подумал Григорий Сивков, и решил его отбомбить. Всей четверкой с пикирования ударили по подозрительному месту и тут же на бреющем полете вернулись домой. Явились на командный пункт.

А там у начальника штаба полка Д. А. Проворотова на столе лежит телеграмма от пехоты:

«Группа работала отлично. Часть бомб упала на высоте 175,0. Разбит наблюдательный пункт противника. Остальные бомбы упали на северо-западном склоне высоты в расположение батареи.

Пехота просит объявить благодарность всей четверке. Заместитель начальника разведотдела майор Ледогоров».

...Под покровом ночного тумана наша морская пехота высадилась на Керченский полуостров и захватила плацдарм. На поддержку моряков вылетели штурмовики 210-го полка. Григорий Сивков вновь ведет в бой свою эскадрилью. Он видит траншеи противника, его огневые

точки, которые ведут стрельбу по атакующим морякам. Видит и десантников, готовых к штурму высоты 175,0. Он делает доворот, нацеливается на траншеи врага и обрушивает на них очередь из пушек и осколочные бомбы. Затем делает еще заход на цель и видит, как морские пехотинцы поднялись во весь рост и начали штурмовать высоту.

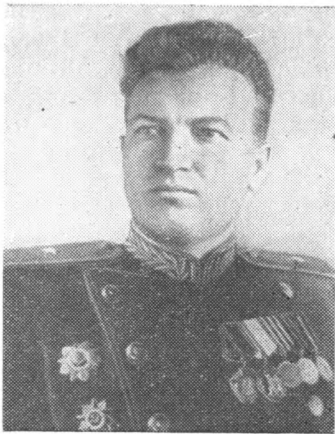
Вскоре высота была взята, и советские воины закрепились на полуострове.

Потом бои за Севастополь, участие в операции под Яссами и Кишиневом, штурм вражеских позиций, железнодорожных станций. И так — до самого дня победы.

Давно закончилась война, но Г. Ф. Сивков по-прежнему в боевом строю. Сын крестьянина из уральской деревни Мартыново, коммунист, простой и скромный человек благодаря своей воле, огромному труду стал генералом и всецело посвятил себя научной работе, обучению и воспитанию нового поколения авиаторов.

К. Латохин

**БОГАТЫРСКИЙ
РАЗМАХ**

Анатолий Григорьевич Солдатов родился в 1904 году в селе Попадьино Захаровского района Рязанской области. В 1921 году он приехал на Урал: работал на Воткинском машиностроительном заводе учеником слесаря, учился на рабфаке при Пермском университете.

В 1930 году А. Г. Солдатов окончил Московское высшее техническое училище. Работал на московских машиностроительных предприятиях технологом, начальником цеха, главным инженером, директором завода. В 1940 году он был принят в члены КПСС.

В 1942 году А. Г. Солдатов назначается директором пермского моторостроительного завода имени Я. М. Свердлова. В 1944 году ему присвоили звание генерал-майора.

С 1953 года А. Г. Солдатов руководил главком Министерства авиационной промышленности, возглавлял Западно-Уральский и Вологодский совнархозы, Главное техническое управление Совета народного хозяйства РСФСР. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР.

А. Г. Солдатов награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденами Кутузова 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, «Знак Почета», многими медалями. Он лауреат Государственной премии СССР.

А. Г. Солдатов умер в 1976 году.

В конце тридцатых годов Анатолия Григорьевича Солдатова вызвали в министерство и предложили занять должность главного инженера машиностроительного завода. Он знал, что на этом предприятии часто менялись директора и главные инженеры. Да и в министерстве не сулили спокойной жизни: завод из месяца в месяц не

выполнял задания по выпуску агрегатов, держал в напряжении моторостроительные предприятия. Солдатову не нужно было объяснять важность продукции предприятия. Он прошел хорошую производственную школу на московском авиационном заводе и понимал всю ответственность порученной работы.

В новом коллективе Солдатова встретили настороженно, внимательно приглядывались к его действиям.

«Слишком молод, откуда у него опыт руководителя?» — говорили одни. «Поживем, увидим, — говорили другие, — новый партийный секретарь его крепко поддерживает».

И это было действительно так. Секретарь парткома Кутырев, сам инициативный, деятельный человек, поверил в способность Солдатова вывести завод из прорыва и оказывал ему всестороннюю помощь.

Изучив причины штурмовщины, постоянных нарушений технологической дисциплины, А. Г. Солдатов пришел к твердому выводу — требуется немедленная реконструкция цехов. Причем реконструкция без остановки производства и снижения выпуска продукции.

— Нам не выйти из тупика, если мы побоимся риска, — говорил на партийно-хозяйственном активе Анатолий Григорьевич. — Но рисковать нам нужно разумно, продуманно.

Глубина логики, сила убеждения А. Г. Солдатова были неотразимы: люди поверили в правоту его слов, в реальность задуманного им дела.

Нужно было видеть, с каким размахом проходила реконструкция цехов. По установленному графику станки передвигали на те места, где им положено было стоять, согласно технологической схеме. Все это делалось главным образом в ночное время. А утром, приходя на смену, рабочие не узнавали свой цех: в нем просторно, много света, удобное расположение оборудования...

Ровно в девять у А. Г. Солдатова проводилась ежедневная оперативка. Присутствовал весь командный состав завода. Как правило, докладывал о работе за сутки главный механик. Туго приходилось тем, кто не уложился в сроки, установленные графиком, сорвал выполнение намеченных работ. Солдатов всегда был неумолимо строг к нарушителям трудовой дисциплины, ценил инициативу и деловитость.

По его инициативе разворачивается борьба за культуру производства, за укрепление государственной дисциплины. Ежедневное выполнение графика выпуска продукции становится законом для коллектива.

Анатолий Григорьевич, верный своей привычке держать под постоянным контролем принятое решение, каждый день обходил цехи, проверял выполнение суточных графиков, заслушивал на совещаниях информации об итогах работы по благоустройству цехов.

Он жил не только сегодняшним днем, но и заглядывал в завтрашний, понимал, что развитие авиации потребует совершенствования заводской продукции. При его активном содействии на заводе было создано крупное опытное производство с квалифицированными кадрами конструкторов и рабочих.

Заводские работники хорошо знали обычай А. Г. Солдатова: не допускать к руководству людей, плохо знающих и не желающих изучать производство.

Сам А. Г. Солдатов всегда служил хорошим примером для коллектива. Вспоминаются первые месяцы Великой Отечественной войны. Напряженная работа завода, частые воздушные тревоги, подготовка предприятия к эвакуации. На директора обрушиваются сотни больших и малых вопросов, от которых можно потерять голову. Но днем и ночью рабочие видели А. Г. Солдатова спокойным, выдержанным, подтянутым. И это придавало новые силы коллективу.

В мае 1942 года Анатолий Григорьевич был назначен директором Пермского моторостроительного завода. Коллектив предприятия должен был решить огромной важности задачу — резко увеличить выпуск авиадвигателей для фронта. В эти годы с еще большей силой раскрылись деловые качества Солдатова — смелость и настойчивость в выполнении поставленной цели, требовательность к людям и себе, постоянные поиски нового.

Зима в 1942-м на Западный Урал пришла рано. Уже в начале ноября подули холодные ветры, начались морозы, снегопады. Похолодало в цехах. На некоторых производственных участках стала снижаться производительность труда. Особенно тяжело переносили стужу молодые рабочие.

С вечернего обхода цехов А. Г. Солдатов возвращался в плохом настроении. Станочный парк использовался не полностью. Ребятам-новичкам, недавно поставленным к станкам, в вечернюю и ночную смену приходилось особенно тяжело. А ведь их на заводе не одна сотня! Сегодня это — пополнение рабочего класса, а завтра — его квалифицированные кадры.

Назревала новая проблема: как организовать работу с молодежью в масштабе всего завода, как улучшить ее материальное положение?

А. Г. Солдатов хорошо знал свои ограниченные возможности на получение теплой одежды, продуктов питания. Но не в его натуре останавливаться перед трудностями. Он советуется с секретарем парткома, разговаривает с областными организациями. Любая возможность должна быть использована для улучшения бытовых условий молодежи.

В полночь, когда директор собрался уходить домой, его пригласили в переговорную кабину. Звонили из Ставки Верховного Главнокомандования. Приказывали срочно увеличить поставку авиационных двигателей. Материальные ресурсы будут выделены без промедления. Как с рабочей силой? Решайте на месте.

После разговора со Ставкой А. Г. Солдатов долго еще в раздумье ходил по кабинету. Трудно сказать, о чем думал в эти минуты директор. Может быть, о том, какая тяжелая ответственность легла на его плечи. Уже с завтрашнего дня цех сборки двигателей должен получить значительно больше деталей, чем он получил сегодня. И снова тот же больной вопрос: как получить большую отдачу со станков, которые обслуживали молодые рабочие?

На очередном оперативном совещании начальников цехов и отделов он сообщил о телефонном разговоре со Ставкой. Предложил для обсуждения план работы с молодыми рабочими. Он предусматривал шефство цехов над молодежью, дополнительное питание за счет резервов подсобного хозяйства, строительство общежитий, организацию досуга ребят, соревнование за лучшую комнату в общежитии.

Осуществление намеченного плана началось по всем направлениям: руководители цехов организовали профессиональную учебу, профсоюзные и комсомольские орга-

низации развернули социалистическое соревнование под лозунгом «В труде, как в бою», «Не уходи из цеха, пока не выполнил фронтового задания», на совещаниях у директора за работу с молодыми рабочими руководители цехов отчитывались наравне с выполнением производственных заданий. А несколько месяцев спустя директор собрал на совещание самых лучших молодых производственников.

Анатолий Григорьевич внимательно выслушал выступления ребят: их рассказы об освоении профессии, их обиды, жалобы на неустроенность в общежитиях, — и тут же принял решение по устранению отмеченных недостатков. Понравились ребятам рассказы о заводе, о выпускаемой продукции, о том, что здесь работает замечательный конструктор авиационных двигателей Аркадий Дмитриевич Швецов. Представитель военно-воздушных сил рассказал, как военные летчики на истребителях с двигателями, изготовленными на заводе, ведут успешные бои с воздушными стервятниками. Потом всем ребятам вручили подарки: по банке компота и валенки.

Изыскивались и приводились в движение и другие резервы, шло техническое перевооружение завода, была осуществлена полная его реконструкция, производство моторов поставлено на поток.

Из авиационных частей поступали хорошие вести. Двигатели АШ-82, поставленные на самолеты-истребители Ла-5, превосходят фашистские машины. Они были мало уязвимы для пулевых попаданий и осколков снарядов и в некотором смысле являлись броней для летчика.

В одном из таких писем говорилось: «На самолете Ла-5 с мотором АШ-82 во время воздушного боя над линией фронта были пробиты: всасывающее сопло карбюратора, крышка клапанной коробки первого цилиндра, выходной и всасывающий патрубки второго цилиндра. От удара осколком снаряда имелась вмятина на картере редуктора. Мотор продолжал работать нормально, и летчик сержант Клименко вернулся на свой аэродром...»

В 1943 году за умелое руководство производством, образцовое выполнение заданий по освоению новой техники и выпуску продукции Анатолия Григорьевича награждают орденом Ленина, а на следующий год — орденом Отечественной войны 1-й степени. Ему присваивают

звание генерал-майора инженерно-технической службы. До конца войны коллектив держал знамя Государственного Комитета Обороны. Оно оставлено заводу на вечное хранение.

Деятельность А. Г. Солдатова как талантливого организатора и крупного хозяйственного руководителя получила широкое признание. Как человек деловитый и высокообразованный, он постоянно был в курсе новейших достижений в авиационной промышленности, увлекался градостроительством, архитектурой. Интересными воспоминаниями делится бывший первый секретарь Свердловского райкома КПСС города Перми С. С. Царев:

«Мне часто приходилось встречаться с Анатолием Григорьевичем по делам строительства и благоустройства района, а позднее, когда он стал председателем совнархоза, — и по вопросам городского хозяйства. Такого энтузиаста-строителя среди хозяйственников я не встречал. Он мечтал увидеть наш город красивым, современным. Много сил и энергии вложил он в реконструкцию и благоустройство заводской территории, Комсомольского проспекта, в строительство Дворца культуры имени Я. М. Свердлова.

Прежде чем начать новое дело, Солдатов советовался со специалистами. Подчас возникали жаркие споры, но всегда стороны приходили к обоюдному решению».

До последних дней жизни Анатолий Григорьевич не порывал связи с нашим краем. Он постоянно интересовался, как живет и работает коллектив родного завода, был в курсе дел предприятий и строительных организаций.

Ветераны труда, те, кому привелось работать вместе с Анатолием Григорьевичем, добрым словом вспоминают своего талантливого руководителя. По предложению трудящихся одна из улиц Перми названа именем А. Г. Солдатова.

О. Селянкин

ГЕРОЙ ОКЕАНСКИХ ГЛУБИН

Валентин Георгиевич Стариков родился в 1913 году в городе Сарапуле Удмуртской АССР. В 1920 году семья его переехала в Пермь, после окончания школы ФЗУ работал кузнецом на пермском паровозоремонтном заводе имени А. А. Шпагина.

В 1931 году по путевке Пермского городского комитета комсомола он был направлен на учебу в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе.

В. Г. Стариков командовал подводными лодками, которые входили в состав Северного военно-морского флота. На фронте он стал коммунистом.

Звание Героя Советского Союза ему присвоили в 1942 году.

В. Г. Стариков награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Ушакова 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалями.

После войны В. Г. Стариков окончил Военно-морскую академию, а затем Академию Генерального штаба. Звание контр-адмирала ему присвоено в 1966 году, а вице-адмирала — в 1969 году.

В. Г. Стариков в 1972 году ушел в запас, живет в Ленинграде.

О Валентине Георгиевиче Старикове я впервые услышал в 1937 году, когда стал курсантом того самого училища, которое он уже окончил. Услышал как о человеке необычайного упорства, неистощимой жадности к знаниям и абсолютно честного, готового всегда прийти на помощь товарищу. Не от одного, от многих преподавателей слышал.

А потом началась Великая Отечественная война. И случилось так, что в поле моего зрения опять оказался Валентин Георгиевич Стариков: то в газете напечатают о боевом походе его лодки, то в сводке Совинформбюро упомянут. Мы не были лично знакомы, но боевые дела Валентина Георгиевича стали для меня образцом выполнения воинского долга, и в воображении моем рисовался образ человека отчаянной смелости, невероятной решительности и недюжинного командирского таланта.

И это было действительно так. Вот лишь один из боевых походов его подводной лодки...

Зеленоватые волны, гривастые от пены, с ревом катятся навстречу подводной лодке «малютке». Океан играючи, словно забавляясь, вскидывает ее на вершины своих гор, кажется, что волны вот-вот утащат «малютку» за собой к скалистым берегам, куда в неистовом бешенстве несутся сами. Но подводная лодка упрямо идет своим курсом, ее команда и машины сильнее разбушевавшейся стихии.

Конечно, если следовать инструкции по плаванию подводных лодок, «малютка» во время такого шторма имела право уйти под защиту своего берега, отлежаться на грунте или следовать к месту назначения в подводном положении. Однако командир подводной лодки капитан-лейтенант Стариков знал, что в ближайшие часы фашистские транспорты попытаются войти в порт Петсамо, чтобы разгрузиться у его причалов, и у него был боевой приказ: занять позицию на пути следования вражеских кораблей и атаковать их.

Приказ — лаконичный, конкретный. И чтобы выполнить его, подводная лодка должна идти в указанный квадрат только самым полным ходом. Вот поэтому и вел Стариков ее в надводном положении.

Наконец «малютка» заняла позицию у самого входа в узкий фиорд, который вел к Петсамо, ушла на перископную глубину и ждала, изредка прокалывая седые волны головкой перископа.

Проходит час, другой, а каравана врага все нет...

Ожидать тут врага опаснее, чем в открытом море, — шторм стихает, а у фашистов пока явное преимущество в воздухе, вот-вот появятся их самолеты и станут с высоты просматривать море, много у фашистов и катеров-охотников за подводными лодками, да и на серых гра-

нитных скалах расположились наблюдатели и береговые батареи. Только заметит враг здесь нашу подводную лодку — немедленно атакует ее самолетами, батареями, морскими охотниками за подводными лодками, и тогда...

Да, очень опасно здесь. Но зато вражеские корабли никак не минуют этого места! И «малютка» атакует их.

А опасность... Каждый рейс подводной лодки — опасность. Имеет ли он, коммунист Стариков, право думать о ней, если на его земле грохочет война, если вражеские корабли везут сюда, в Советское Заполярье, новые тысячи солдат и боевую технику? Главная задача советских подводников — уничтожить вражеские корабли!

Только о том, как бы поощутиее ударить по врагу, и думал Валентин Георгиевич, упорно оставаясь на позиции у входа в фиорд.

И потянулись мучительные часы ожидания. Бесшумно двигались люди в лодке: боялись помешать своему акустику, который теперь один заменял глаза и уши сигнальщиков.

Прошли почти сутки, шторм стал стихать. А фашистские транспорты так и не обнаружили себя...

И тут капитан-лейтенант Стариков понял, что вражеские корабли все же проскочили в порт, воспользовавшись штормом и плохой видимостью. Что же делать? Вернуться на базу и доложить: «В указанном квадрате противника не обнаружили»? Нет, на такое, он, Стариков, не способен. Не может он возвращаться на базу и тем самым дать возможность фашистам спокойно разгрузиться! А что разгрузка еще только началась, он был уверен: ведь шторм-то недавно утих.

Может, пойти в Петсамо? Но командование, еще перед выходом лодки в поход, предупредило, что входить туда не следует: там уже побывали наши подводники и теперь слишком велик риск быть уничтоженным.

И он говорит спокойно, словно сообщает о самом обыденном:

— Пойдем в Петсамо.

Он был уверен в своих подчиненных, в их высоком воинском мастерстве и патриотизме, знал, что они до конца выполнят свой долг.

Итак, Валентин Георгиевич принял решение идти во вражеский порт, идти узким, извилистым и длинным фарватером, по берегам которого предостаточно было наты-

кано вражеских постов наблюдения и береговых батарей. Настолько узок был этот фиорд, что «малютка», если бы ей потребовалось лечь на обратный курс, не смогла бы в нем сделать полной циркуляции. Можно представить себе, какую ответственность за корабль и людей добровольно взвалил на себя Валентин Георгиевич.

«Малютка» осторожно пробиралась по узкому и извилистому фиорду. Над ней часто проносились вражеские охотники за подводными лодками. Тогда, заглушив моторы, она бесшумно скользила в темной глубине.

Почти час пробиралась «малютка» к гавани!

Позднее в своих воспоминаниях об этом походе Валентин Георгиевич напишет: «Все люди, стоявшие по местам, были особенно напряжены. Я внимательно посмотрел на них. Что-то прекрасное появилось на их лицах. Никогда еще эти люди не казались мне такими близкими. Да это и понятно: нас роднило одно большое чувство — долг перед Родиной, мы вышли не на учебные маневры, а в бой, и победа наша — обязательная».

Наконец лодка вошла в гавань. Валентин Георгиевич осторожно, только на мгновение высунул из воды перископ, взглянул в него.

Да, да, только на мгновение поднял над водой перископ и сразу же опустил его, но глазами своими будто сфотографировал и гавань, и причалы, у которых под разгрузкой стояли два транспорта по восемь-десять тысяч тонн водоизмещения каждый.

Еще несколько секунд ушло на подготовку торпедного залпа, а потом — скорей на глубину, скорей в спасительную толщу воды!

Наконец за кормой глухо прогрехотали взрывы торпед. Один за другим.

В лодке послышались негромкие радостные голоса. Только командир, казалось, не разделял общей радости. Для этого у него были веские основания: вот уже несколько минут его лодка движется к выходу из фиорда, акустик докладывает о далеких шумах винтов морских охотников, но почему же враг не атакует лодку? Почему не пытается уничтожить ее здесь, в фиорде, где у нее очень ограниченная маневренность?

Валентин Георгиевич не поддался общей радости, он ждал от врага какой-нибудь каверзы и поэтому нисколько не удивился, когда подводная лодка вдруг наткну-

лась на упругое препятствие и, перестав слушаться горизонтальных рулей, стремительно пошла на глубину.

Вот с этого момента, момента соприкосновения с противолодочной сетью, и начался поединок Старикова с врагом, началась борьба за жизнь подводной лодки. Сеть поставлена врагом в самом узком месте фиорда, похоже, поставлена сразу после того, как «малютка» дала торпедный залп.

Теперь понятно, почему вражеские морские охотники не торопились догнать и уничтожить его подводную лодку! Они ждали, когда она запутается в сети и станет легкой добычей.

А вот и первая серия глубинных бомб. Счастье, что рванули где-то ниже лодки. Но и то весь корпус лодки застонал, полопались плафоны, защищавшие электрические лампочки.

«Малютка» оказалась в критическом положении, но личный состав оставался на своих местах: он верил невозмутимому спокойствию своего командира, верил в его глубокие знания.

Отведя лодку от сети, В. Г. Стариков вновь, теперь уже осторожно, подошел к ней, попробовал поднырнуть под нее. Погрузил «малютку» так глубоко, что корпус ее стал потрескивать от забортного давления.

И на предельной для лодки глубине оказалась проклятая сеть!

Попробовал обойти ее. Много раз и по-разному пробовал. Сеть везде, словно стена, преграждала путь. А над головой рвались вражеские снаряды, где-то совсем рядом ходили морские охотники, дожидавшиеся своего часа, чтобы атаковать подводную лодку...

В годы войны бывали случаи, когда чья-то подводная лодка, оказавшись в подобном положении, измучившись до предела, всплывала и сдавалась на милость врагам. И англичане, и немцы именно так поступали.

Но ведь он, капитан-лейтенант Стариков, командует советской подводной лодкой! Он, Стариков, коммунист, остальной экипаж — комсомольцы!

В подводной лодке уже трудно дышать. Пот заливает глаза, малейшее движение или усилие вызывает одышку и невероятное сердцебиение...

Казалось бы — выхода нет, но Валентин Георгиевич уже принял решение. Он обдумывал его еще тогда, ког-

да лодка только готовилась к выходу в море, а командир мечтал о прорыве в Петсамо.

— Сейчас мы в подводном положении подойдем как можно ближе к сети, потом всплывем и попытаемся проскочить над ней. И опять погрузимся. Над водой если мы и появимся, то внезапно, и противник в первый момент, возможно, придет в замешательство, растеряется... А если не успеем погрузиться и враг может захватить нас в плен, вы, товарищ Смычков, по моему приказанию бросите гранаты в артиллерийский погреб, — спокойным голосом сказал он.

Решение свое Стариков строил на точном расчете. Дело в том, что он был не только смелым и решительным командиром, но и, как всякий настоящий моряк, непрестанно изучал свой возможный театр военных действий. Да и прорыв в Петсамо был им задуман давно. К нему В. Г. Стариков готовился тщательно: изучал течения, приливы и отливы и многое другое, без чего нельзя было и думать об удачном завершении такого дерзкого замысла. И вот теперь эти знания и пригодились: Стариков повел подводную лодку над сетью точно в тот момент, когда морской прилив достиг максимальной величины. Валентин Георгиевич прекрасно знал, что в узостях во время приливов уровень воды поднимается на несколько метров. Может, фашисты не учли этой «мелочи».

И вот подводная лодка осторожно привсплывает и крадется к сети.

Как томительны и длинны эти минуты ожидания!

Наконец днище подводной лодки коснулось верхней кромки сети: характерный скрежет стального троса ползет от носа к корме. Чтобы не намотать сеть на винт, капитан-лейтенант Стариков стопорит электромотор.

Теперь скрежет троса слышен и вовсе отчетливо. Он ползет, ползет... Сполз за корму!

«Малютка», повинувшись приказу своего командира, дает малый ход и уходит в глубину, но теперь уже по другую сторону сети. Ни морские охотники, ни береговые посты наблюдения не заметили, что советская подводная лодка выскользнула из смертельной ловушки.

Таков был один из походов подводной лодки М-171, которой в то время командовал Валентин Георгиевич Стариков. А всего под его командованием она совершила их двадцать шесть...

Боевые подвиги «малютки» были высоко оценены: экипаж подводной лодки одним из первых был зачислен в отряд гвардейских кораблей, награжден Красным знаменем ЦК ВЛКСМ, а командир ее удостоен звания Героя Советского Союза.

Окончилась Великая Отечественная война, я вернулся в Пермь, на фронтовых дорогах так и не встретившись с Валентином Георгиевичем. И вот здесь, в Перми, случилось так, что некоторые его старые друзья стали и моими приятелями или хорошими знакомыми. От них я узнал, что еще в школьные годы Стариков был большим энтузиастом детских военных игр и даже мечтал быть капитаном яхты, пенившей воды Камы, что уже тогда, в детстве, в нем проглядывали задатки вожака, способности повести за собой товарищей.

Все эти рассказы обязательно дополнялись массой эпизодов, которые окончательно укрепили во мне мнение о том, что Стариков не только физически сильный человек, но и человек удивительной душевной чистоты.

А потом однажды я зашел в Пермское книжное издательство и увидел там высокого и широкоплечего капитана 1-го ранга с Золотой Звездой на синем сукне кителя. А еще через несколько минут мы с ним разговаривали как давнишние приятели.

Больше всего поразило меня тогда то, что он оказался до невозможности влюбленным в свою опасную службу, казалось, даже находясь в отпуске, только о ней и думал, думал о своих товарищах, которые в этот момент несли свою нелегкую боевую вахту.

Если бы вы видели, как горели его глаза, если бы вам довелось почувствовать то тепло, которое было в них, когда он рассказывал нам, пермским писателям, о Советском Военно-Морском Флоте и его людях!

Почти два часа длилась эта беседа, конечно же не запланированная Валентином Георгиевичем на время отпуска.

Еще в годы Великой Отечественной войны командирский талант Валентина Георгиевича был замечен командованием: после М-171 он стал командиром новейшей по тому времени крейсерской подводной лодки К-1, а затем его перевели на Черное море.

Это новое назначение было продиктовано тем, что Валентин Георгиевич, по замыслу командования, мог и дол-

жен был многое передать черноморцам из своего огромного опыта ведения подводной войны, да еще на Северном морском театре, отличавшемся наибольшей сложностью условий даже простого плавания. И он оправдал надежды, оказался прекрасным учителем командного состава.

Чтобы пополнить запас его теоретических знаний, Валентина Георгиевича направили в Военно-морскую академию. С одним из его преподавателей — моим бывшим командиром бригады кораблей — мне посчастливилось встретиться. Конечно, повспоминав незабываемое прошлое, отгремевшие бои и товарищей живых и павших в тех боях, мы перешли к делам сегодняшним. И я, разумеется, спросил, а кого из наших он встречал в академии. Он назвал несколько фамилий, а потом сказал:

— А еще Стариков, североморец... Знаешь его, конечно?

— Земляк мой, — ответил я не без гордости и спросил, хотя и мало надеялся на ответ: — Как он там в академии?

Мой бывший командир бригады был крайне скуп на похвалу, он очень долго вынашивал ее в себе, прежде чем высказывал. Вот поэтому я почти не надеялся на его ответ: может ли многое знать преподаватель о слушателе, если только на лекциях и беседах они и встречались?

Он ответил мне сразу, ответил, как всегда, убежденно, с уважением:

— Очень думающий товарищ, очень...

Так охарактеризовал Валентина Георгиевича заслуженный адмирал, который впервые столкнулся с фашистами еще в Испании.

После окончания Военно-морской академии Валентина Георгиевича направили на Балтику начальником военно-морской базы. Балтийский флот в годы Великой Отечественной войны понес наиболее ощутимые потери, и теперь возрождался энергично, даже бурно, и сюда назначали исключительно опытных, знающих командиров, способных выполнить задание в кратчайший срок и с минимальной затратой как материальных средств, так и сил личного состава.

Просматривая архивные материалы, В. Г. Стариков нашел старую информацию о том, что при отступлении

немцы намеревались заминировать гавань и причалы. Так ли это? На этот вопрос в архиве ответа не было.

Конечно, можно было доложить командованию о своей находке и ждать его решения. Но он, собрав минных специалистов, вместе с ними изучал план базы, а потом вместе же обследовали все причалы в поисках следов вражеского минирования. Даже водолазов послали под воду.

Наконец после долгих и трудных поисков удалось обнаружить первые вражеские заряды, а затем увидеть и всю хитрую паутину фашистских минеров, рассчитанную на уничтожение всего причального фронта нашей исконной военно-морской базы. И этот чудовищный взрыв мог произойти в любой момент, когда какой-нибудь корабль случайно надавил бы бортом на одну из мин...

Но мало обнаружить, нужно еще и обезвредить все заряды врага. А это трудно и очень опасно: ведь сколько лет мины и бомбы в морской воде пролежали, подвергаясь ее воздействию.

Однако все обошлось благополучно. Даже больше того: все было разминировано, хотя военно-морская база ни на один день не прекращала своей работы.

А затем были годы учебы в Академии Генерального штаба. ...И снова перед Валентином Георгиевичем раскинулось Заполярье, ставшее для него родным за годы Великой Отечественной войны. Он снова неторопливо шагает по знакомому пирсу, от которого в свое время уводил свою подводную лодку во многие удачные боевые походы.

И знакомые заснеженные сопки окаймляют гавань, и вроде бы те же самые чайки мечутся над зеленоватой водой, и подводные лодки, как и тогда, стоят у пирса, похоже, безлюдные, притихшие, но стремительные и грозные даже в своей неподвижности.

Но не «малютки» и «щуки» стоят у пирса, а самые новейшие подводные лодки. И подводная скорость, и автономность, и дальность плавания, и глубина погружения старых подводных лодок по сравнению с этими оказались настолько малы, что невольно думалось: неужели с теми крохами свершили те чудеса, которые золотыми буквами вписаны в историю Советского Военно-Морского Флота?

Не торпеды — дальнобойные и мощнейшие ракеты ста-

ли теперь главным оружием подводных лодок. И удар по врагу они теперь могли наносить из любой точки мирового океана, даже из-под воды, и по любому военному объекту врага, будь он хоть за тридевять земель от моря.

В сложнейших условиях Заполярья и при решении множества самых разнообразных задач особенно ярко проявились такие качества Валентина Георгиевича Старикова, как способность анализировать все виденное, все, чего добились, и умение воспитывать, учить своих подчиненных.

Командование перевело Валентина Георгиевича Старикова в Высшее военно-морское училище, где ветеран войны стал читать лекции, каждая из которых была насыщена примерами из жизни подводного флота, убедительно подтверждающими то или иное положение. Каждая из его лекций заставляла курсанта делать свои, может быть, первые самостоятельные выводы, учила его мыслить, творчески подходить к любому пункту какого-либо наставления или параграфа устава.

С годами менялось и служебное положение В. Г. Старикова. И вот я увидел фильм Центрального телевидения о выпускниках Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С. О. Макарова. В безукоризненно четком строю стояли молодые лейтенанты военно-морского флота. На их лицах — радость, настоящее счастье и большое волнение. Они очень внимательно слушали напутствие начальника своего училища — вице-адмирала В. Г. Старикова.

В этом напутствии не было громких фраз. Но за каждым словом чувствовалась большая отцовская любовь к лейтенантам и настоящая глубокая забота о дальнейшей их судьбе. И я понял, что они действительно были дороги ему как сыновья, что он любил каждого из них, любил хотя бы за одно то, что они отважно вступили на тот путь, которым он, Валентин Георгиевич Стариков, шел всю свою жизнь.

Последние годы службы на флоте он был начальником Высшего военно-морского училища, которое готовило и готовит прекрасные кадры офицеров для нашего военно-морского флота. Здесь же ему были присвоены оба адмиральских звания. И всей своей жизнью В. Г. Стариков доказывает, что вполне достоин этой высокой чести.

Самое примечательное то, что и сегодня он, хотя и вышел в запас, стремится знать больше, чем знал вчера. И в области военного искусства, и всего прочего, что интересует каждого культурного советского человека. Он не мыслит жизни без постоянного движения вперед.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать об этом замечательном человеке, который отдал Советскому Военно-Морскому Флоту сорок один год своей жизни.

В. Иванова

СЛУЖЕНИЕ

Григорий Афанасьевич Субботин родился в 1908 году в селе Покровское Оханского района Пермской области. Член КПСС с 1930 года.

Он окончил Пермский землеустроительный техникум, затем Высшее военно-морское училище и Военно-Морскую академию. Был командиром подводной лодки, подразделения подводных лодок, начальником штаба конвойных отрядов, сопровождающих колонны и караваны судов с продовольствием в осажденный Ленинград, старшим офицером-оператором управления, начальником отделения и отдела Главного штаба Военно-Морского Флота.

За боевые заслуги Г. А. Субботин награжден многими орденами и медалями.

Звание контр-адмирала Г. А. Субботину присвоено в 1950 году.

В 1960 году Г. А. Субботин вышел в отставку, живет в Ленинграде.

Солнечным летним днем началась биография советского военного моряка Григория Субботина. На вокзальной площади он спросил пожилого мужчину, не знает ли тот, как проехать к училищу. Ленинградец поднял шляпу, склонил голову, приветствуя гостя:

— А вот на двадцать четвертом трамвае — как раз через весь Невский проспект. Желаю успехов в учении, молодой человек.

...Позади осталась мандатная комиссия, экзамены, а волнение, такое чувство, будто идешь чуть-чуть над землей, — не проходило. Каждый день, каждый час — новое,

новое. Все изумляет. И бьется, пульсирует в висках: «Смогу ли? Смогу! Должен смочь!»

Как умно это было тогда придумано — дать новичкам самую черную работу. С причала училища погрузились они на корабль и пошли в Кронштадт. Новички скребли и красили днище «Красного Ленинграда». Наставник, руководивший работами, объяснял, что будущие командиры должны не только знать корабль, но и уметь его ремонтировать. Очень верные слова говорил наставник.

С началом занятий поздравил начальник училища Юрий Федорович Раль. Человек высокой культуры, обаятельный, образованный, он умел заражать молодежь жаждой знаний. При всей своей занятости, считал необходимым лично знакомиться с каждым курсантом, и это умение знать людей молодые командиры уносили потом на флот. Вся атмосфера этой высшей школы была пронизана глубоким уважением к человеку. О долге и чести не говорили. Они подразумевались.

Дисциплина поддерживалась строжайшая, но, оттого что все в ней было понятно и объяснимо, не казалась обременительной. Да и сам режим предусматривал разрядки: вечерние прогулки, концерты, театр.

После второго года учебы нарком обороны К. Е. Ворошилов напутствовал фрунзевцев в поход вокруг Скандинавии. Курс, где учился Субботин, попал на легендарную «Аврору». Вторым кораблем был «Комсомолец». Походные учения проходили в жестоких штормах. Старенькую «Аврору» лихорадило и швыряло, как скорлупку. Вот где потребовались и физическое и духовное напряжение.

Вернулись, а в училище новость: ввели факультатив. По медицинскому заключению и личному желанию выбрал Субботин штурманскую специальность. Одолеl математику, и отлично пошли главные штурманские предметы: навигация, логика, метеорология. Задачи по астрономии, составленные курсантом Субботиным, включил в свой учебник старший преподаватель Б. П. Хлюстин.

К отличным командирам уралец попал и на практику. А назначение он получил на Балтику.

Подводных лодок на Балтике было девять. «Рысью», куда назначили штурманом Субботина, командовал Константин Константинович Немирович-Данченко, родственник знаменитого артиста.

Штурман — глаза и уши лодки. Как никому другому,

ошибаться ему нельзя. И теоретически Субботин не ошибался. Но...

Практика вносит свои коррективы. Командир корабля корректно подставлял плечо:

— Не стесняйтесь обращаться ко мне — я ведь бывший штурман.

И, видимо, неплохо справлялся со всеми требованиями молодой штурман, если вскоре К. К. Немирович-Данченко рекомендовал его командиром в Краснознаменный учебный отряд подводного плавания, на командные курсы.

Новая техника, новые тактические приемы, прекрасные педагоги. Особый след в его памяти оставил преподаватель международного морского права Владимир Александрович Белли. И снова — Балтика. Молодому командиру вручают лодку нового типа — «малютку».

С освоением новой техники медлить не приходилось. В Европе поднимал голову фашизм. В море выходили ежедневно, и через полтора месяца капитан доложил командиру бригады: можно Субботина допустить к самостоятельному управлению.

Комбриг прибыл сам принимать экзамен. Вывел в море. Задал едва ли не все головоломки, которые придумывали, наверное, с самого зарождения подводного флота. Выдержало стальное тело «малютки». Выдюжили и люди, потому что полагали за честь стоять у колыбели нового советского подводного флота. А еще и потому, что прочности лодки не уступали их воля и спаянность.

Экипаж наградили орденами. Для командира это была первая из трех встреч с М. И. Калининым. Всесоюзный староста вручил Субботину орден Ленина.

На «малютке» за все в ответе командир, и лучшую школу для него трудно придумать. У лодки масса врагов — мины, торпеды, сети, в прозрачной морской воде она видна с самолета. Начеку должен быть командир, в боевой готовности — вся команда.

Сложнейшая из задач — торпедная атака — нравилась Субботину больше других, и успех в стрельбе часто сопутствовал его лодке. Команда нередко одерживала верх и на учениях по борьбе за живучесть — непотопляемость корабля. Именные часы от наркома обороны, редкие в то время фотоаппарат, велосипед — премиями этими отметили его успехи в соревновании.

Корабль в плавании — автономная общественная ячейка. Настроение людей — ее политический климат; знания, умение моряков — ее сила; взаимоотношения — нравственный облик.

Субботин сам проводил политзанятия. Доверительно говорил с матросами о делах житейских, и часто многие из них искали случая остаться с командиром наедине — прочитать письмо от матери, поделиться сердечными переживаниями. Пересмешник и остролов, он умел уважать чужие тайны.

Кульптоходов не проводили. Просто Зинаида Ивановна — жена Субботина — встречала их то с билетами в театр, то объявлением о выставке в музее. Всей «семьей» — супруги Субботины и двадцать три богатыря — отправлялись на встречу с музами.

Выросла «семья», когда Субботина назначили командиром дивизиона подводных лодок и послали на север. Пропорционально числу лодок прибавилось забот, увеличилось количество подчиненных, а значит, и друзей.

Шли на север едва ли не посуху — по Неве, Свири, Беломорско-Балтийскому каналу, часто перетаскивали корабли на понтонах и баржах. Комдив и тут успел приглядеться к людям и в трудную минуту непременно оказывался рядом с тем, кто «не тянул».

Моряки-северяне не верили, что «малютки» смогут действовать в Ледовитом океане, где туго приходится даже таким крупным лодкам, как «декабристы», «щуки». Тут и мертвая зыбь вздымает многометровую волну.

Покорные балтийцам, «малютки» действовали в семи-восьмибалльные штормы, в обледенениях, в снежных заряды и в непроглядной тьме.

— На суровом Северном флоте я служил комиссаром в дивизионе Субботина, — вспоминает заведующий лабораторией Ленинградского государственного университета капитан 1-го ранга в отставке М. Е. Кабанов. — По восемь суток длились иногда походы «малютки». Никто из курящих не имеет права в лодке и спичку зажечь. Исключение сделано только для командира. Но Субботин никогда не позволял себе роскоши даже в дозволенном поставить себя в иное, чем матрос, положение. Он оставлял за собой одно преимущество — рисковать.

Шесть наших «малюток» в 1941—1942 годах (пока я служил в дивизионе) потопили тридцать пять фашист-

ских кораблей. Две удостоены звания гвардейских, одну наградили орденом Красного Знамени.

И все мы знали: действует субботинская школа.

Штурманов, инженер-механиков «от Субботина» брали во флагманские специалисты. Подготовленные им командиры совершали подвиги.

Начальником штаба конвойной службы на Ладоге его назначили, когда вокруг Ленинграда замкнулось кольцо окружения. Субботин проверял готовность кораблей, формировал морскую пехоту и ее вооружение, эвакуировал морские учреждения и учебные заведения, мобилизовал и вооружал гражданский флот.

...Утром вышли в Новую Ладогу—тут же над каналом заматалась «мессершмитты», поливая катер пулеметными очередями. Оказывается, они уже обосновались с аэродромом в Петрокрепости.

Караваны было приказано водить с конвоем. Выходили, как только смеркалось, но дойти за ночь к Осиновцу — единственному выходу на ленинградскую железную дорогу — не успевали. На рассвете налетали стервятники и топили каждый второй караван. Шли на дно хлеб, бензин, боеприпасы.

— Товарищ капитан третьего ранга, «бегать» бы на легке, две-три баржи, да без этого медлительного конвоя. Тогда бы проскакивали за ночь. — В. Ишеев и И. Дорофеев, капитаны озерных буксиров, предлагали нарушить инструкцию.

— Ближайшей ночью попробуем. — Субботин не видел пока иного выхода. Надо было рисковать.

После нескольких рейсов инструкцию изменили, риск был отмечен благодарностью командования.

И вот новое распоряжение — явиться в управление кадров Военно-Морского Флота.

Может, на флот? Нет, он был назначен старшим офицером-оператором Главного морского штаба. Поездки по флотам. Конвоирование союзных транспортов. Посол Англии в СССР по поручению короля вручает Г. А. Субботину орден Британской империи.

При встрече с командующим Балтийским флотом В. Ф. Трибуцём Субботин просит отправить его на флот, к подводникам, и получает отказ. Следует новое назначение — начальником отделения Главного морского штаба.

Кончился день. Григорий Афанасьевич по обыкновению начистил ботинки, проверил форму. Все было готово и к завтрашнему докладу в штабе округа. Оставалось почитать. Он устроился у стола, протянул руку за газетой. Взять газету рука отказалась.

Инсульт. Паралич. Когда это началось?

Больше всего, утверждают сослуживцы, повлияло то, что Григорий Афанасьевич все пропускал через сердце — и дело, и судьбы людей.

Много терпения и воли потребовала болезнь. Он победил ее. Вышел в отставку и... снова окунулся в дела. Депутат шести созывов Ленинградского городского Совета, он готовит решения, заседает в комиссиях, участвует в проверках.

Член секции ветеранов Ладоги. Член совета секции ветеранов-подводников. Переписка, конференции, поиск исторических материалов. По рекомендации бывшего своего преподавателя профессора В. А. Белли Григорий Афанасьевич введен в историческую секцию Ленинградского Дома ученых.

В отставке контр-адмирал Субботин. Коммунист Субботин — в строю.

Н. Тиунов

ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО

☆☆☆

Леонтий Яковлевич Угрюмов родился в июле 1887 года в городе Усолье Пермской области. В 1911 году он был призван на военную службу во флот. Л. Я. Угрюмов принимал активное участие в Октябрьской революции. В декабре 1917 года его избрали командиром 2-й Орловской стрелковой дивизии. В годы гражданской войны Л. Я. Угрюмов командовал дивизиями, которые сражались против белогвардейских войск Краснова, Юденича, Деникина, Колчака, белополяков. Был помощником командующих армиями. После гражданской войны он окончил Высшие академические курсы, Военную академию имени М. В. Фрунзе, командовал дивизиями, корпусом, был помощником начальника конвойной службы СССР, начальником Высших стрелковых курсов «Выстрел», заместителем начальника Управления боевой подготовки Красной Армии.

За успешное выполнение заданий командования был награжден орденом Красного Знамени.

Умер Л. Я. Угрюмов в 1936 году.

☆☆☆

В мае 1920 года Леонтий Яковлевич Угрюмов получил приказ сдать командование 19-й дивизией своему помощнику, а самому немедленно отправиться в распоряжение Западного фронта. Здесь вновь сложилась напряженная обстановка. В первых числах марта белополяки начали наступление, захватили Мозырь, Калинковичи. Замысел пилсудчиков был понятен — создать условия для захвата Правобережной Украины, а затем и Белоруссии. Идейными вдохновителями этих военных действий были страны Антанты. Для этого Франция пре-

доставила Польше 20 000 пулеметов, 300 самолетов, более 200 танков и бронемашин, прислала почти 5000 офицеров. Не отстали и английские империалисты, доставившие белополякам десятки тысяч винтовок и в обилии боеприпасы. В результате армия белой Польши была доведена до 800 тысяч солдат, и ее войска на восточной границе в два с лишним раза превосходили наши части Западного и Юго-Западного фронтов.

Вот почему Советское командование после захвата поляками Мозыря и Калинковичей стало перебрасывать к границе дивизии из-под Петрограда, Архангельска, из центральных районов и Кавказа. Сюда же направлялись командиры, проявившие себя в предыдущих боях. В числе их был и Л. Я. Угрюмов.

Где только не воевал он с белогвардейцами и интервентами за эти годы! Вскоре после Октябрьской революции Л. Я. Угрюмова избрали командиром 2-й Орловской стрелковой дивизии. Но командовать ею долго не пришлось — послали на учебу в Академию Генерального штаба. Но и здесь он не засиделся — начался мятеж чехословацкого корпуса, белогвардейцы наступали на Урал.

Летом 1918 года Л. Я. Угрюмов становится командиром 4-й Уральской стрелковой дивизии, костяк которой составляли рабочие и деревенская беднота Урала.

...Выбиты беляки из Казани, через день — из Симбирска. А в сентябре того же боевого восемнадцатого года Л. Я. Угрюмов уже направлен на юг помощником командующего 8-й армией. Он воюет против полчищ царских генералов Краснова, Деникина. Трудное было положение. За летние месяцы белогвардейцы добились немалых успехов и двигались на Царицын. Войска Краснова имели трехкратное превосходство перед красноармейскими частями. И все же Южный фронт начал контрнаступление, и части Краснова были разгромлены.

И снова Л. Я. Угрюмова направляют туда, где республике грозит смертельная опасность, — на Восточный фронт.

С декабря 1918 года на Восточном фронте идут упорные бои. Немногочисленные и слабо вооруженные части Красной Армии вынуждены были оставить Пермь, Оханск, Воткинск, Сарапул, Ижевск, Уфу. Поднял голову недобитый атаман Дутов.

ЦК партии бросил клич: «Все на борьбу с Колчаком!» Создана Южная группа войск. Ее возглавил М. В. Фрунзе. В составе группы — 5, 1, 4-я и Туркестанская армии. Заместитель командующего 5-й армией — Л. Я. Угрюмов. Разработан план контрнаступления: с 28 апреля 1919 года начинались три последовательные операции — Бугурусланская, Белебеевская и Уфимская. Одна из задач контрнаступления — не позволить войскам Колчака соединиться с войсками Деникина, который снова начал поход на Москву.

Освобождены Белебей, затем Уфа, Кунгур, Пермь. Войска Восточного фронта вели бои за Златоуст и Екатеринбург, а Л. Я. Угрюмов уже получил направление на Южный фронт, воевать против Деникина, куда переместился центр тяжести борьбы с контрреволюцией.

Здесь Л. Я. Угрюмов командует 2-й Особой, а затем 36-й стрелковыми дивизиями, активно участвует в разгроме белогвардейщины на юге. И снова в дорогу. На этот раз на фронт против Юденича, который рвется к Петрограду.

Л. Я. Угрюмов возглавляет 19-ю стрелковую дивизию. Ее бойцы с большим трудом отбиваются от численно превосходящего силами противника на Нарвском участке фронта. И все же приходилось отходить. Но через десять дней бойцы 19-й дивизии совместно с другими частями наносят контрудар в районе станции Батецкая, и начался разгром белогвардейских частей. Один за другим освобождаются города и населенные пункты. К концу ноября с Юденичем было покончено.

Теперь предстояло сражаться с белополяками. Л. Я. Угрюмов стал помощником командующего мозырской группой советских войск и одновременно командиром 57-й стрелковой дивизии. Здесь тоже было нелегко. Участок фронта, занимаемый группой, проходил от Паричей до Мозыря и являлся левым крылом Западного фронта. Противник имел превосходство в живой силе и технике. Но все было взвешено, учтено, тщательно разработан план контрнаступления.

4 июля 1919 года начало наступление правое крыло Западного фронта, затем — мозырская группировка.

В конце июля от интервентов освобождены Украина, Белоруссия. Молодая Республика Советов добилась долгожданного мира.

М. Колпаков

**ИСПЫТАТЕЛЬ
РЕАКТИВНЫХ
САМОЛЕТОВ**

☆ ☆ ☆

Аполлинарий Ильич Фукалов родился в 1922 году в селе Троица Пермско-Сергинского района Пермской области в семье рабочего. Пятнадцатилетним подростком он начал работать учеником слесаря на пермском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина. В 1940 году без отрыва от производства окончил одновременно среднюю школу и аэроклуб, а позже — военную школу летчиков.

В годы Великой Отечественной войны А. И. Фукалов прошел путь от рядового летчика до командира эскадрильи, совершил 168 боевых вылетов. За мужество и отвагу А. И. Фукалов награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

После войны А. И. Фукалов окончил Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина, занимал различные командные должности. Ему присвоено звание «Заслуженный летчик СССР».

Звание генерал-майора А. И. Фукалову присвоено в 1975 году.

В настоящее время он возглавляет кафедру в Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина.

☆ ☆ ☆

Аполлинарий Фукалов встретил Сергея Куфони́на на улице случайно. И не узнал его. Сергей был одет в летный комбинезон, а на лихо сдвинутом на затылок шлеме поблескивали авиационные очки.

— Серега?

— Я.

— Ты что, в летчики пошел?

— Как видишь.

Аполлинарий, или, как его просто звали друзья, Поля, работал с Сергеем Куфониным в одном цехе. Оба были слесарями. Очень дружили. Но потом Аполлинарий начал учиться в вечерней школе и после каждой смены спешил на занятия. Торопился куда-то и Сергей. Куда — Аполлинарий не знал да и не спрашивал. Торопится — значит, надо.

И вот теперь встретились. О заводских новостях не повели разговор — они были известны обоим. Но Аполлинарий сразу же начал забрасывать Сергея Куфонина вопросами:

— Почему ты в летном шлеме? Где учишься? Как попал в аэроклуб? Кого туда принимают?

Сергей Куфонин рассказал приятелю о своей учебе в планерном кружке, затем в аэроклубе, как осваивает самолет, о своих первых полетах. На прощание сказал:

— Иди учиться в аэроклуб. Очень это интересное дело — летать.

Спустя несколько месяцев Аполлинарий Фукалов стал курсантом Пермского аэроклуба. Кропотливо изучал теорию полета, аэронавигацию, материальную часть самолета, мотора. После окончания поступил в военную школу летчиков.

Война началась, когда Аполлинарий Фукалов заканчивал освоение среднего бомбардировщика СБ и думал, что вот-вот и он, Фукалов, отправится на фронт, громить фашистских захватчиков. Но ему отказали:

— Будете осваивать новый самолет — штурмовик Ил-2. Такой машины у противника нет. А летчик должен знать и отлично владеть многими марками самолетов. Так что освоите штурмовик, а там видно будет.

Прошло немного времени, и Аполлинарий Фукалов получил назначение на Брянский фронт — в 207-ю штурмовую авиационную дивизию. Прибыл туда в самый разгар готовящейся операции по уничтожению фашистской авиации на ее аэродромах. Она началась в майские дни 1943 года. В массированных налетах на аэродромы противника принимали участие летчики всех наших фронтов. Для Аполлинария Фукалова это было первым боевым крещением. Он смело штурмовал стоянки вражеских самолетов, старался различными маневрами выйти из-под удара фашистских зенитчиков.

Не щадил себя он и в последующих боях. На своем

«иле» он мастерски штурмовал танковые колонны противника, уничтожал его живую силу, огневые позиции. В каждом бою Аполлинаруй Фукалов проявлял мужество и отвагу, смелость, выдержку, расчетливость.

Вскоре он стал командиром звена. На 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах А. И. Фукалов воевал уже заместителем командира эскадрильи и много раз водил свою эскадрилью на выполнение ответственных заданий командования. Потом авиационный корпус, в котором он служил, был переброшен на 1-й Украинский фронт и вошел в состав 2-й воздушной армии. Командир эскадрильи А. И. Фукалов завершил свой боевой путь в воздушных схватках над Берлином и Прагой.

За годы войны Аполлинаруй Ильич Фукалов не раз был ранен и контужен. Дважды его самолет загорался в воздухе, был сбит четыре раза, при этом два раза над территорией, занятой противником. Однажды после приземления в районе Великих Лук в тылу врага летчик сумел пробраться к партизанам и с их помощью перешел линию фронта, вернулся в родной полк и снова повел в бой свой штурмовик.

После Великой Отечественной войны Аполлинаруй Ильич Фукалов снова взялся за учебники, учился в Военно-воздушной академии. После ее окончания командовал различными воинскими частями.

Как опытный летчик, А. И. Фукалов освоил несколько типов самолетов, два года проводил испытания сверхзвуковых машин. За всю свою летную работу он пробыл в воздухе почти пять с половиной тысяч часов. Всего же авиации А. И. Фукалов отдал тридцать пять лет своей жизни.

В. Гоголюк

**ПО ЗАКОНАМ
ИНЖЕНЕРНОГО
ИСКУССТВА**

☆☆☆

Аркадий Федорович Хренов родился в 1900 году в городе Очере Пермской области в семье мастерового. Член КПСС с 1930 года.

В годы гражданской войны А. Ф. Хренов добровольно вступил в ряды Красной Армии. Он был бойцом-телефонистом знаменитой 30-й стрелковой дивизии, которой командовал В. К. Блюхер.

В период военного конфликта с Финляндией А. Ф. Хренов возглавлял инженерные войска Ленинградского военного округа, принимал участие в обеспечении прорыва «линии Маннергейма».

В годы Великой Отечественной войны Аркадий Федорович участвовал в обороне Одессы, Крыма, Севастополя, воевал на Волховском фронте и на Карельском перешейке. В составе войск Дальневосточного фронта он участвовал в разгроме Квантунской армии. Звание Героя Советского Союза ему присвоили в 1940 году. В том же году он стал генерал-майором. А. Ф. Хренов награжден четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, другими орденами и медалями.

В настоящее время генерал-полковник инженерных войск А. Ф. Хренов в отставке, живет в Москве.

☆☆☆

22 июня 1941 года в 15 часов 20 минут специальный поезд, стоявший под сводами Киевского вокзала в Москве, быстро набирая ход, рванулся на запад. В этом поезде находились штаб и управление еще не существовавшего Южного фронта, который должен был за несколько дней развернуться на базе соединений Одесского и Киевского военных округов.

Промелькнули первые станции, и вскоре командующий фронтом генерал армии И. В. Тюленев пригласил в салон руководящий состав. Входили и занимали места член Военного совета фронта — армейский комиссар 1-го ранга А. И. Запорожец, начальник штаба генерал-майор Г. Д. Шишенин, начальник инженерных войск генерал-майор А. Ф. Хренов и другие.

— Итак, товарищи, должен доложить вам, — с заметным волнением сказал Тюленев, — по последним данным, которые я получил несколько часов тому назад в Генеральном штабе, коварство и внезапность военного нападения фашистской Германии ставят войска Красной Армии в исключительно тяжелое положение... К сожалению, мы — как фронт — еще не развернулись, хотя война уже шагает по нашей земле... Наша с вами задача будет окончательно уточнена по прибытии в Киев...

После совещания Тюленев попросил задержаться генерал-майора Хренова.

— Аркадий Федорович, как вы мыслите свою задачу, если нашему фронту прикажут действовать в степных районах, примыкающих непосредственно к румынской границе?

Тюленев и Хренов не раз встречались на военных дорогах и знали друг друга отлично.

Аркадий Федорович небольшого роста, сухощавый, с умными спокойными глазами, в которых где-то глубоко скрывалась лукавая хитринка. Знание дела, принципиальность в сочетании с объективностью в оценке явлений создавали ему заслуженный авторитет в кругу крупных военных специалистов. Обдумывая заданный вопрос, он не торопясь ответил:

— Известно, что одной из центральных проблем военного искусства, включая стратегию, оперативное искусство и тактику, является проблема выбора видов, способов и форм вооруженной борьбы. А наша задача будет зависеть от того, что примет наше высшее командование решающим видом борьбы на первом этапе: стратегическое наступление или стратегическую оборону? Однако и в том и в другом случае я останусь верен силе и коварству нашей русской мины!..

В салон вошел начальник штаба.

— Товарищ командующий, разрешите доложить, радиограмма из Москвы.

— Ну, мы еще продолжим разговор, — поднял руку Тюленев.

Промелькнули за окнами Брянск, Навля, и, казалось, как-то беспокойно и грозно стучали колеса на стыках рельсов...

Было уже за полночь, но Хренов не спал. Он сидел в своем купе не раздеваясь. Глубокое раздумье о сложности момента и неясности обстановки охватило его. И вместе с мигавшими огоньками полустанков в памяти пробежали годы его жизни.

1917 год. Над Россией полыхало знамя революции. А вскоре безусый пермский паренек гордо стоял со старым рабочим — записывался добровольцем на фронт!

Когда утихли пожары гражданской войны, ему предложили учиться. В любом деле успех, как правило, не приходит сам. Нужны ясность цели, любовь к труду, упорство и сила воли. Всеми этими качествами обладал Аркадий Хренов. Став командиром, он продолжал совершенствовать свои военные знания, передавая их молодому поколению.

Спустя многие годы после гражданской войны боевым крещением для военного инженера А. Ф. Хренова стали бои в период военного конфликта с Финляндией.

Находясь во главе инженерных частей 7-й армии, действовавшей на Выборгском направлении, он проявил себя знающим, инициативным и боевым командиром, что, естественно, способствовало успеху операции. И уже в февральские метели доблестная армия под командованием К. А. Мерецкова, прорвав так называемую «линию Маннергейма» (долговременная железобетонная полоса укреплений), выходила в район Выборга. Не выдержав натиска наших войск, противник поднял белый флаг.

После завершения операций Хренов с головой окунулся в изучение опыта прошедших боев. Видя и оценивая наши промахи в решении задач инженерно-фортификационной службы, в подготовке кадров и во взаимодействии с другими родами войск, он теперь все представлял в новом аспекте.

Параллельно с разработкой теоретических вопросов на его плечи легли задачи по ликвидации последствий этих боев и укреплению государственной границы от Балтики до Баренцева моря...

Усилия мужественного, энергичного знатока своего

дела, новатора, в котором сочетались природный ум и военная хитрость, не могли ускользнуть от внимания начальства. Последовал вызов из Генерального штаба. И в жаркий июньский день 1940 года экспресс Москва — Ленинград мчал его в столицу.

То, что несколько часов назад было невероятным, стало теперь таким простым!

— Вот так, — сказал ему Маршал Советского Союза К. С. Тимошенко, — мы считаем, что вы, высокообразованный военный специалист, боевой генерал, прошедший, как говорится, огонь и воду, наиболее подходящая кандидатура, чтобы возглавить Военно-инженерное управление Красной Армии.

Вместе с энтузиастами вновь созданного Военно-инженерного управления (генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, генерал-майор М. В. Захаров) Аркадий Федорович взялся за дело. В работе очень помогали его неумная инициатива, здоровый оптимизм и чувство локтя.

...Вспоминая свой 33-летний путь солдата, Хренов не заметил, как подъехали к Киеву.

— Просит командующий, — раздался стук в дверь.

— Товарищи, — обращаясь к начальнику штаба и Хренову, быстро сказал в салон-вагоне И. В. Тюленев, — в Киеве у нас остановка короткая — всего несколько часов. Пока я буду вести беседу с командующим Киевским военным округом, вам надо будет точно выяснить в штабе состояние передаваемых нам частей и получить оперативные документы...

24 июня московский поезд прибыл в Винницу — к месту дислокации штаба Южного фронта. Решением Ставки в состав фронта вошли 9-я армия и вновь сформированная из двух стрелковых корпусов 12-й армии Юго-Западного фронта 18-я армия.

Перед начальником инженерного управления Южного фронта встала огромная задача. Надо было усилить инженерные и строительные силы и средства, чтобы обеспечить боевую деятельность оперативных войск, нужды тыла и гражданского населения.

— Срок — двадцать четыре часа, — сказал Хренов своему заместителю, — надо подготовить постановление «Об инженерной подготовке прифронтовой полосы». Оно нам нужно, как солдату винтовка.

...Обстановка складывалась тяжелой: 1 июля в пери-

од напряженных боев частей Советской Армии в районе Ровно — Дубно — Кременец с территории Румынии в наступление против Южного фронта перешли немецко-румынские войска.

В конце июля, как вспоминает командующий Приморской армией Южного фронта генерал-лейтенант Г. П. Софронов, «...войска Южного фронта, теснимые противником, отошли с боями за Днестр. Приморская армия заняла оборону по Днестру — от Тирасполя до Черного моря. Ознакомившись с положением, я понял, что защищать Одессу и одновременно прикрывать Николаевское направление измотанная в боях армия не сможет. Тогда я вызвал к аппарату генерала Тюленева. Командующий фронтом подтвердил, что я отвечаю за оборону обоих городов».

А противник, сосредоточив для захвата Одессы свыше десяти пехотных дивизий, продолжал теснить части Приморской армии. Возникла опасность захвата Одессы противником с ходу.

Немецко-фашистское командование придавало захвату Одессы — базы Черноморского флота — огромное значение. Об этом красноречиво говорят записки начальника генерального штаба гитлеровской армии генерала Гальдера:

«...Без Одессы мы не сможем захватить Крым. Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для подвоза нефти из Румынии».

Директива от 5 августа Ставки требовала: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая Черноморский флот».

В штабе Южного фронта принимались все меры для обеспечения обороны Одессы. Командование фронтом понимало, что в расчетах Верховного Командования Одесса приобретает стратегическое значение. Штаб, оценивая силы и взвешивая возможности, произвел передислокацию войск, но главное внимание теперь уделялось взаимодействию с Черноморским флотом.

В ночь на 6 августа Военный совет фронта вызвал генерала Хренова и дал указание: срочно выехать в Одессу для оказания помощи Приморской армии в организации обороны.

Командование Приморской армии подробно ознакомило представителя Южного фронта с обстановкой на под-

ступах к Одессе и в городе. И становилось очевидным, что соседняя 9-я армия под натиском превосходящих сил противника, под угрозой окружения отходила, все более оголяя правый фланг Приморской армии. Обстановка создавалась критическая.

Хренов выехал на передний край для изучения в войсках системы обороны и хода фортификационных работ. Последние велись с середины июля. Первый рубеж обороны создавался в шестидесяти километрах от города, второй — в сорока, третий — в двадцати — двадцати пяти километрах. После 25 июля начались работы по созданию четвертого рубежа — в двенадцати — четырнадцати километрах от города.

На первых двух рубежах войска Приморской армии не смогли остановить врага — слишком неравны были силы. Но пока шли сдерживающие бои, надо было третий и четвертый рубежи с помощью населения спешно приводить в боевую готовность.

Командование понимало, что широкий фронт обороны, недостаток оружия и боеприпасов, отсутствие необходимых средств связи затрудняли маневр и управление войсками. Чтобы объединить усилия войск и Черноморского флота, был создан Одесский оборонительный район.

Город и фронт слились в одно целое.

...В тот день Аркадий Федорович Хренов с утра на своем газике подкатил к Одесскому горкому партии. Здесь все напоминало штаб войсковой части: напряженность, строгость, деловитость.

— Давай, заходи, «железный фортификатор», — пригласил его секретарь в свой кабинет, — сейчас проведем оперативное совещание.

О тесной увязке вопросов военного командования с городскими и советскими организациями говорит такой документ: «1. Предложить секретарям райкомов и представителям райисполкомов направить 14 августа 1941 года не менее трех тысяч человек на фортификационные работы в распоряжение капитана Христича.

2. Обязать секретарей райкомов и председателей райисполкомов закончить все фортификационные и баррикадные работы не позже 14 августа 1941 года.

3. Считать необходимым, чтобы все секретари первичных организаций и директора предприятий вместе с ап-

паратом горкома и райкомов лично руководили фортификационными работами на всех участках». (Из протокола № 128 заседания бюро Одесского обкома КП(б)У от 13 августа 1941 г.)

— Какой вопрос мы должны решить первым? — спросил секретарь горкома.

— Я считаю, — сказал Хренов, — нужно заслушать наших двух уважаемых директоров заводов о ходе выполнения плана по выпуску танков и противотанковых мин.

Возражений не было.

Через два часа автомобиль Хренова уже мелькнул у завода «Профинтерн», где народ возводил баррикады, на бойком углу улиц Степовой, Дальницкой, Ленина и Пушкина.

С 20 августа по решению партийных и советских организаций на оборонительные работы ежедневно направлялось десять-двенадцать тысяч человек, свыше ста автомашин и четырехста подвод. В черте города создавались внутренние полосы обороны, и двести пятьдесят баррикад перегораживали улицы.

Хренов ехал по улицам, и, хотя было тяжело смотреть на изрядно утомленных бойцов и жителей, на сердце становилось спокойнее. Улицы, переулки, малейшие пролеты и проходы покрыты сетью баррикад, образуя оборонительные линии, сделанные по последнему слову инженерной техники.

К председателю Одесского облисполкома Н. Г. Кальченко Хренов заехал ночью.

— Поехали на завод «Кинап», глянем, как они мастерят новые противотанковые мины. А оттуда — на завод имени Октябрьской революции смотреть на собственные «одесские танки», — сказал Хренов.

— Вот только позвоню сейчас, узнаю, сдержал ли ты слово напоить Одессу водой.

— У меня слово с делом не расходится. Подсчитай, сколько наши саперы новых колодцев дали.

На заводе «Кинап» все дышало войной: старики и девушки, старухи и подростки стояли у станков, таскали на тележках готовую продукцию, подвозили сталь. В дыму и копоти, исхудавшие, они мужественно несли оборонную вахту.

— Товарищ генерал, гляньте на новую мину замедленного действия, — торопливо говорил черноволосый па-

рень, держа в руках большую железную банку, — можно хоть сейчас испытать.

— А все проверено? — спросил Хренов парня. — Знаешь, ошибаться саперу заказано.

— А вот наша мина, не отличишь от консервной банки, — сказал главный инженер завода.

Хренов держал в руках новые «сюрпризы», и глаза его горели радостью. Он знал из опыта войны на Карельском перешейке, что даже самая примитивная, но вовремя и умело поставленная мина способна наносить наступающим частям противника ощутимый урон.

— Молодцы, спасибо! — благодарил Хренов ребят. — Но помните, что за вами тридцать тысяч мин. Чтобы все были, как часы.

По пути на завод имени Октябрьской революции в машину сел капитан Коган, один из энтузиастов технической бригады «кузнецов оружия». Он с увлечением рассказывал о некоторых конструкциях «одесского танка».

Перед командованием Одесского оборонительного района стояла трудная задача. Поскольку Приморская армия не имела танковых частей, надо было танки создавать самим. А как их создавать в условиях осады города? Но нашлись и тут энтузиасты. Танки стали делать из обычных тракторов СТЗ-НАТИ, да еще какие! В создании боевых машин участвовало несколько заводов. Броня была нескольких видов. На одной модели — два восьмидесятимиллиметровых стальных листа и между ними — двадцатимиллиметровые доски, а на другой — вместо досок десятимиллиметровый слой резины...

Нелегким делом было изготовление шаровых погон для боевых башен, но с этой задачей успешно справились трамвайщики. Для вооружения машин использовали пулеметы всех марок.

Когда из ворот завода имени Октябрьской революции выходил первый танк, вокруг теснились рабочие, инженеры, военные специалисты, дирекция. Всех охватило волнение. Один из рабочих, стоявших близко от танка, подбежал и мелом написал на башне: «Смерть фашизму!»

Танкисты заняли свои места. Взревел мотор, и под шумные аплодисменты первый танк с ревом рванулся вперед.

— Да, ребята, — сказал Кальченко, — до чего же сильна наша русская смекалка.

В конце сентября 1941 года на юге нашей страны содалась очень сложная обстановка. Враг угрожал Донбассу, Крыму.

Оценивая положение на юге, Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября приказала Военному совету Черноморского флота эвакуировать Одесский оборонительный район и его войсками усилить оборону Крымского полуострова.

В директиве Ставки говорилось: «Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров».

Семьдесят три дня продолжалась стойкая и мужественная оборона Одессы. Советские войска на длительное время сковали свыше восемнадцати дивизий противника. Упорная оборона города-героя сыграла свою роль в срыве гитлеровских планов «молниеносной войны» и облегчила условия отхода войск Южного фронта за Днепр, дав возможность создать прочную оборону на этом стратегическом рубеже.

...На эвакуацию давалось двое суток.

16 октября в 5 часов утра из Одесского порта вышел последний транспорт с войсками, взяв курс на Севастополь.

В зареве пожаров оставался непокоренный город.

Севастополь с большой теплотой встречал героических защитников Одессы. Новая обстановка не смущала Хренова. Хотя условия и менялись, задача оставалась прежней: укреплять оборону главной базы Черноморского флота, овеянного славой Севастополя.

На другой день после знакомства с системой и состоянием обороны города Хренова вызвал к себе командующий флотом.

— По последним данным, — сказал Ф. С. Октябрьский, — не сегодня-завтра вражеские войска начнут наступление с севера на Крым. Для его захвата фашистское командование выделило 11-ю армию Манштейна и румынский горный корпус. Оставаясь ответственным за оборону Севастополя, срочно выезжайте на Перекопский перешеек для оказания помощи 51-й Отдельной армии.

И снова для Хренова сборы недолги.

В полосе обороны 51-й Отдельной армии начались ожесточенные бои в районе Ишуньских позиций. Невысокая юркая фигура Хренова мелькала в самых гиблых местах, особенно там, где злобно рычали фашистские танки.

— Хренова вызывает Севастополь, — доложили радисты.

— А все проверено? — с радостью говорил в радиорубке Хренов. — Тогда давайте.

А радоваться Аркадию Федоровичу было чему.

По данным нашей разведки, фашисты, готовясь с ходу взять Одессу, уже имели четкий план расквартирования соединений и крупных штабов. Так, например, здание НКВД по улице Энгельса предназначалось для размещения румынского командования и штаба.

И вот в последние дни обороны Одессы было решено это здание заминировать. А взорвать его решили только тогда, когда это будет наиболее полезно и целесообразно. Инженерные войска имели в своем распоряжении средства, дававшие возможность производить взрыв, находясь на далеком расстоянии от мины, и даже по радио.

По приказу начальника инженерных войск Хренова полковник Г. П. Кедринский составил детальный план минирования здания. Работы велись в глубокой тайне. Вынутую землю укладывали в мешки, которые незаметно выносили из помещения и на легковых машинах увозили. Взрывчатку завозили в продовольственной таре. Наконец, были установлены радиовзрыватели и мины на неизвлекаемость.

И вот под вечер 22 октября 1941 года, когда в Одессе в фашистском штабе было особенно оживленно после только что закончившегося совещания, произошел взрыв страшной силы. По данным врага, в здании нашли свою могилу свыше пятидесяти генералов и офицеров, рота солдат...

— Ну вот, теперь-то мы уже все операции в Одессе закончили, сдаем вахту нашим партизанам, — сказал А. Ф. Хренов.

А война шла по нашей земле.

Сто шестьдесят боевых горячих дней отдал Аркадий Федорович обороне Севастополя. А затем были Волховский фронт, разгром Квантунской армии и бои в Маньчжурии...

Э. Сычева

**В ПАМЯТИ
ЛЮДСКОЙ**

Александр Васильевич Цырулев родился в 1895 году в селе Будово Калининской области в семье крестьянина-бедняка. Трудовой путь начал рано. Работал сначала слесарем в мастерских, затем копировщиком, чертежником на петроградских заводах «Эриксон» и «Дюфлон».

В 1918 году он ушел в Красную Армию. Окончил курсы состава железнодорожных войск в Егорьевске, а затем военную школу летчиков-наблюдателей в Петрограде. Служил в частях военно-воздушных сил на Балтике, был начальником авиаотряда, командиром авиапарка. В 1919 году он стал коммунистом.

В тридцатых годах А. В. Цырулев возглавлял военно-техническое, затем военно-морское училище, а с 1939 до 1953 года, с небольшими перерывами, был начальником военно-морского авиационного технического училища в Перми.

А. В. Цырулев награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Нахимова. Звание генерал-майора ему присвоено в 1940 году.

А. В. Цырулев умер в 1956 году.

Его помнят многие. Помнят те, кто служил с ним в Ейске. Вот что написали нам из Ейского ордена Ленина высшего военного авиационного училища летчиков имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР В. М. Комарова:

«Это был авторитетный, принципиальный коммунист. Ему была присуща взыскательность, сочетавшаяся с

вниманием к людям... Его простота обращения с людьми, душевное участие в судьбах людей вызывали к нему уважение и любовь... Доступный человек. Настоящий советский офицер».

Его помнят те, кто служил с ним в Перми:

— Он всех знал, каждого преподавателя и курсанта своего училища. Ко всем умел подойти, и помочь, и потребовать. Отличный организатор, чуткий руководитель. Карьеристов не терпел! Кто карьеризм проявлял, того одергивал сразу! Он появился у нас перед самой войной и быстро сумел сплотить всех. Училище стало одним из лучших. Прекрасная учебная база, отличные мастерские и лаборатории, а самое главное — крепкое дружество.

Его помнят многие, но совсем по-особому — те, с кем служил он бок о бок в трудные годы войны. В их воспоминаниях, в их словах — и трогательная теплота, и искреннее восхищение, и глубокое уважение. Что же в этом удивительного — воинский талант проверяется войною. Да, но война стала для генерала Цырулева тяжелым испытанием вдвойне: он провел ее в глубоком тылу.

Генерал-тыловик... Стоит представить, как жестко надо было держать себя в руках ему, человеку характера энергичного и деятельного, принимавшему Красную присягу 1 мая 1922 года, коммунисту, обладающему высокой партийной ответственностью. Держать себя — и других тоже. Когда в первые дни войны преподаватели училища как один надели оружие и пришли проситься на фронт, он сказал:

— Я понимаю вас и удивился бы, если бы кто-то поступил иначе. Но наш фронт — здесь. Мы куем для армии ценнейшие кадры. Сейчас это будет во сто крат сложнее. Переходим на программу военного времени.

Он тогда, как рассказал бывший начальник учебной части полковник в отставке Виктор Николаевич Белов, просто «воспретил» подобные разговоры.

— Будем необходимы там — нас туда позовут. А сейчас наше место здесь.

Мобилизационная программа, программа военного времени — это значит резкое сокращение времени учебного. Готовить специалистов за шесть месяцев!

До предела спрессованная военная программа требовала от преподавателей особых усилий, особых условий, в которых обучение сложнейшим техническим дис-

циплинам было бы четким и надежным, то есть особой организации всего учебного процесса. А эта организация зависела в первую очередь от него, генерала Цырулева.

С первых дней войны мастерские ВМАТУ начали готовить для фронта не только специалистов, но и материальную часть. Днями и ночами инструкторы, техники, курсанты восстанавливали вооружение, передавая его летчикам Ленинградского фронта. И-15, И-16, ДБ-3, МБР-2 и другие самолеты береговой авиации, морские разведчики и бомбардировщики возвращали в строй перьями.

Те, кто уходил служить в действующую, бывало, как земляков, встречали потом на фронтах эти самолеты, пережившие с их помощью второе рождение. Инженер-полковник Дмитрий Емельянович Цыбань служил главным инженером в авиачастях на Балтике и в самом конце войны однажды с радостью узнал такого «старичка». Тот действительно уже отслужил свое, но «на пенсию» не торопился: добросовестно исполнял учебные задачи — таскал «конуса». В формуляре этого трудяги Цыбань нашел и свою подпись: он был среди тех, кто несколько лет назад сдавал этот самолет балтийцам, заштопанный, заново отделанный, с полностью реставрированными частями и механизмами.

Запасные части... Мало кому известно, ценой каких невероятных усилий добывался их начальник училища генерал Цырулев. Мастерские, которые фактически стали небольшим оборонным предприятием, надо было непрерывно обеспечивать всем необходимым. Организовать полное и бесперебойное снабжение училищного «завода» было очень нелегко.

Напряженная, ответственная работа в мастерских органично легла в фундамент программы военного времени. Это была ценнейшая практика. Руки курсантов были руками токарей, слесарей, фрезеровщиков, сборщиков, они обрабатывали детали боевых самолетов, собирали их в единое целое, и особой обстановкой объяснялась умелость этих рук, скорость и качество их работы: они готовили не учебные детали, а настоящее вооружение, для настоящих, а не учебных боев. В этих боях советский народ отстаивал родную землю. В эти бои вот-вот должны были вступить и они, сегодняшние курсанты. За искалеченными моторами, пропеллерами, агрегатами, которые присылали в учи-

лице с фронта, стояла чья-то оборвавшаяся жизнь, чья-то героическая гибель.

Чтобы еще больше приблизить подготовку авиатехников к насущным нуждам фронта, инструкторы часто ездили на военные аэродромы за боевым опытом, а затем вносили коррективы в учебные программы.

Каждая минута жизни курсанта в училище должна была работать на победу — вот в чем состоял смысл мобилизационной программы, вступившей в действие с первого дня войны.

Училище стало армией генерала Цырулева, а он в ней — талантливый стратегом и тактиком.

Его армия росла. Из Москвы, из-под Ленинграда в город на Каме были эвакуированы преподаватели и курсанты родственных учебных заведений. Росли и перестраивались учебные группы. Менялся состав преподавателей. Вместо отбывающих на фронт приходили едва оправившиеся от ранений фронтовики.

Цырулев вел сложное учебное хозяйство широко и умело, строя отношения с подчиненными на строгости и доверии. Он стремился сделать так, чтобы военная дисциплина и суровость военного времени не подавляли, не сковывали людей, а, наоборот, помогали раскрываться лучшему в них, давали наибольшее применение их творческим силам и горячему желанию сделать все для победы над врагом.

Его заботы не кончались за стенами аудиторий и мастерских. На попечение училища в самом начале войны были переданы полтысячи эвакуированных семей военнослужащих. Надо было всех разместить, накормить, трудоустроить. Цырулев не давал команды уплотниться. Он вызвал офицеров-преподавателей и попросил войти в положение тех, кого война лишила крова. Он мог приказать, и никто не воспротивился бы этому приказу: все по-человечески, по-братски были готовы разделить чью-то беду, она не была им чужой. Как раз это и понимал Александр Васильевич. Он, военный до мозга костей, понимал, что в приказном порядке не зывают к людскому сочувствию и благородству. Каждая семья приютила эвакуированных.

Цырулев добился в горсовете, чтобы училищу дали землю под огороды. Его волновало все, что касалось жиз-

ни и быта людей, — кипятилки и картошка на семена, что-то нездоровье и что-то неустроенность.

Выпускники училища быстро осваивались во фронтовой обстановке, показывали прекрасную военную выучку и высокую профессиональную подготовку, им не надо было «доучиваться» на месте. Многие отличились в боях, многие продолжали совершенствовать свои знания, учились дальше и выросли в умелых и опытных командиров Советской Армии.

В 1945 году училище стало передаточным пунктом гидросамолетов, перегоняемых на дальневосточные берега. Гидросамолеты ночью садились на Каму и попадали в руки курсантов, инструкторов, техников ВМАТУ. Меняли вооружение, подновляли материально-техническую часть и отправляли машины дальше на восток. Все работы велись четко, виртуозно, быстро. Училище Цырулева отлично справилось с заданием командования.

С кем ни заговоришь сегодня об Александре Васильевиче Цырулеве, каждый вспоминает, о чем беседовал с ним начальник училища, чем помог ему. Невольно поражаешься: как хватало его на всех и на все? И, кажется, находишь ответ в пожелтевшей архивной папке с надписью: «Личное дело на летчика-наблюдателя Александра Васильевича Цырулева».

Здесь автобиография, написанная им в 1931 году, не очень длинная, но зримо отразившая его настойчивый интерес к технике, который привел затем к технике военной, технике крылатой: ученик в слесарной мастерской, чертежник на «Эриксоне» и «Дюфлоне», экзамен экстерном за четвертый класс гимназии, вечерние политехнические курсы... После Октябрьской революции — курсы комсостава железнодорожных войск, служба в железнодорожном батальоне, и, наконец — Петроградская военная школа летчиков-наблюдателей...

Здесь документы, удостоверяющие, что в ноябре 1922 года Цырулев «удостоен звания красного летчика-наблюдателя и красного командира».

Здесь выписки из приказов начальника военно-воздушных сил Балтмора: благодарность «за распорядительность и отличную работу в часы наводнения», «за успешное проведение проверочной мобилизации отряда», «за успешно проведенную строевую подготовку молодых краснофлотцев при Балтийском флотском экипаже», «за

ревностную, непрерывную службу и работу по защите и укреплению боевой мощи РККА»...

Но нет, главное не в этом, не здесь, среди довольно типичных вех службы молодого командира. Вот оно, зерно будущего, — аттестация, данная Цырулеву в 1923 году:

«Краслетнаб Цырулев очень энергичен. Любознателен и трудоспособен. Дисциплинированность примерная. Как летнаб обладает необходимыми знаниями и пользуется каждым удобным случаем, чтобы пополнить их. Распорядителен... Когда к знаниям и способностям прибавится опыт, то он будет и хорошим административным работником».

Под этой аттестацией стоит подпись командира отряда Б. Г. Чухновского, того самого Чухновского, который спустя два года будет участвовать в замечательном перелете Ленинград — Маточкин Шар, а спустя пять лет — в спасении экипажа дирижабля «Италия». Но пока, в 1923 году, Чухновский не прославленный полярный пилот, а командир отряда балтийских летчиков-наблюдателей. И именно он первым отмечает одно из самых перспективных качеств летчика-первогодка.

Теперь эта характеристика будет все время подтверждаться: в 1925 году Цырулев досрочно аттестован на помощника командира отряда 1-го разведывательного морского отряда военно-воздушных сил Балтмора; в 1928 году он «один из лучших командиров ВВСБМ... В обращении с подчиненными ровен и прост... Может быть единоначальником».

«Ровен и прост», «взыскательность, сочетавшаяся с вниманием к людям», «простота в обращении с людьми», «душевное участие в судьбах людей» — эти слова будут сопровождать Александра Васильевича всю жизнь.

Он много летал и летать любил, но когда дорога в небо оказалась для него закрыта — сдало здоровье, — именно работа с людьми стала его призванием. Умение сплачивать воинские коллективы, незаурядные способности командира-воспитателя, безупречное знание службы и опыт выдвинули его в ряд крупных специалистов воинской педагогики.

Таким его и будут помнить всюду, где он служил.

С. Мокроусов

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

☆☆☆

Петр Михайлович Чирков родился в 1902 году в Октябрьском районе Пермской области. Член КПСС с 1923 года. В 1920 году П. М. Чирков добровольцем ушел в Красную Армию, воевал против Врангеля. Затем он был секретарем волостной комсомольской организации, бойцом отряда особого назначения, секретарем Стерлитамакского горкома комсомола. В 1924 году он был призван в армию и служил до 1965 года. П. М. Чирков окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. В годы войны командовал дивизиями, был начальником оперативного отдела, начальником штаба 18-й, затем 56-й армий.

Гвардии генерал-лейтенант П. М. Чирков был делегатом XX съезда КПСС, дважды избирался депутатом Верховного Совета Туркменской ССР. П. М. Чирков награжден орденом Ленина, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя польскими орденами — Крестом Грюнвальда третьего класса, Крестом серебряным Виртути Милитари, чехословацким орденом «Боевой крест 1939» и памятной медалью за участие в боях на Дукле, медалями США. Звание генерал-лейтенанта ему было присвоено в 1954 году.

П. М. Чирков сейчас в отставке, живет в Одессе.

☆☆☆

В тот декабрьский день начальник штаба лазаревской группы войск Закавказского фронта Петр Михайлович Чирков, как обычно, продолжал заниматься своими делами до глубокой ночи. На его столе лежала карта, на которой была нанесена боевая обстановка, последние до-

несения из дивизий и полков. Обстановка на переднем крае армии и соседних частей стабилизировалась. Фашистским полчищам был поставлен прочный залон, и их попытки прорваться в район Туапсе и других населенных пунктов побережья Черного моря не удалась. Войска Закавказского фронта остановили противника, принудили перейти к обороне.

Численность фашистских войск, действующих здесь, намного превосходила наши армии. В большинстве своем это были самые отборные части, воевавшие в Польше, Франции, Бельгии и других странах Европы.

В это время войска Сталинградского фронта успешно завершали разгром 6-й фашистской армии генерала Паулюса. Не за горами был и тот момент, когда начнет решительное наступление и Закавказский фронт, в состав которого входили также 18-я и 56-я армии. И к этому готовились основательно.

Вот почему командующий лазаревской группой войск почти все время находился в штабе фронта, где разрабатывался план решительного наступления против фашистских войск, прорвавшихся на Северный Кавказ. Так и сегодня рано утром командующий отбыл в штаб фронта, и теперь Петр Михайлович Чирков с нетерпением ожидал его возвращения.

Дело в том, что начальника штаба вызывали в Москву, и в эти оставшиеся дни Петр Михайлович старался как можно быстрее и тщательнее отработать документы о предстоящем наступлении.

Командующий армией вернулся поздно вечером и, не заходя к себе, прошел к Чиркову.

— Как дела? — спросил он начальника штаба.

— У меня все готово. Осталось только отработать взаимодействие с авиацией.

— Сегодня в штабе фронта шел об этом разговор, четвертая воздушная армия уже завершает свою подготовку. Так что вы завтра можете спокойно выезжать.

Через несколько дней правое крыло Закавказского фронта начало наступление. 3 января был освобожден Моздок, на другой день — Нальчик, затем Пятигорск, а после 10 января пришел в движение и левый фланг фронта. За два дня его соединения прорвали оборону противника, вышли на Кубанскую равнину и начали теснить вражеские войска к Таманскому полуострову.

Петр Михайлович тогда уже был в Москве и каждое сообщение Совинформбюро всегда слушал по радио и был бесконечно рад, когда речь шла о стремительном наступлении войск Закавказского фронта и особенно 56-й и 18-й армий, штабы которых он возглавлял, принимал активное участие в разработке плана разгрома фашистских войск.

Невольно припоминались первые бои, когда он возглавлял штаб 147-й стрелковой дивизии. За месяц до начала войны командир корпуса Родион Яковлевич Малиновский проводил командно-штабные учения. При подведении итогов он сказал:

— Нужно все время быть начеку. Следует готовить каждого командира и солдата действовать в условиях, приближенных к боевым.

То, что сказал Р. Я. Малиновский в конце мая 1941 года, хорошо запомнил Петр Михайлович Чирков. Через месяц началась война.

25 июня 147-я стрелковая дивизия заняла позиции в районе Шепетовки. Начались бои, упорные, ожесточенные, с противником, который в несколько раз превосходил наши силы своей численностью в пехоте, артиллерии, танках, самолетах. Но воины дивизии сражались упорно, перемалывали вражеские силы.

И все же приходилось отходить, оставляя врагу города, населенные пункты. Сказывалось численное превосходство противника. Несколько раз вражеские части пытались взять в кольцо 147-ю дивизию, но она умело наносила контрудары и выходила, казалось, из неминуемого окружения.

Десятки фашистских танков были сожжены у Нового Мирополя, Полонного, Киева, возле сел Юровка, Гатное, Жуляны, Чабанки, разгромлено несколько полков пехоты. Затем 10 июля дивизия заняла рубеж юго-западнее Киева. Здесь вместе с авиадесантниками и другими частями она встала на направление главного удара противника.

Врагу не удалось с ходу ворваться в столицу Украины. Воины 147-й стрелковой дивизии достойно встретили его нацеленный с юга удар.

Вот что писала газета «Известия» 27 августа 1941 года:

«В этих боях неуязвимой славой покрыли себя полки

Н-ской стрелковой дивизии (имеется в виду 147-я дивизия. — С. М.). На подступах к городу они первыми приняли на себя удар, стойко отразили его, заставили противника перейти к обороне, а теперь решительными контратаками уничтожают его живую силу и технику».

Только внезапным ударом одновременно с левого и правого флангов 29 сентября фашистским частям удалось обойти 147-ю дивизию. Подвижные части противника проникли далеко на восток. Полки и батальоны оказались в «мешке». Командир дивизии С. Л. Потехин и начальник штаба П. М. Чирков полмесяца вели свои передовые части по проселочным дорогам и вывели их из окружения.

Потом были бои у стен Харькова, Ворошиловграда, Ростова-на-Дону. Затем отход к горам Северного Кавказа. И только здесь, у Туапсе (П. М. Чирков возглавлял тогда штаб 56-й, затем 18-й армии), враг был остановлен.

Позади остались изнурительные, напряженные бои, когда с болью в сердце приходилось оставлять родную землю. Но Петр Михайлович хорошо понимал, что в те первые недели и месяцы войны выдвигалась одна задача: в упорных и оборонительных боях измотать и обескровить крупные силы врага и остановить его на решающих направлениях. Только сделав это, можно подготовиться и в дальнейшем успешно начать решительное наступление против фашистских войск и разгромить их. В итоге вражеский план молниеносной победы над Советским Союзом был сорван с первых же дней войны.

Не знал тогда Петр Михайлович, что гитлеровские генералы были удивлены упорным сопротивлением советских войск. Вот что писал в своей статье «Война в России» немецкий генерал фон Бутлар:

Ведя тяжелые кровопролитные бои, войска группы армий «Юг» могли наносить противнику лишь фронтальные удары и теснить его на восток. Моторизованным немецким соединениям ни разу не удалось выйти на оперативный простор или обойти противника, не говоря уже об окружении сколько-нибудь значительных сил русских»¹.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, с. 42—43.

Когда был завершен план контрнаступления в районе Черноморского побережья и дальнейшего освобождения Таманского полуострова, П. М. Чиркова вызвали в Москву.

Наш земляк думал, что в столице ему придется задержаться несколько дней. Но вышло иначе.

— Нам нет надобности разъяснять вам значение Сталинградской битвы. Она — начало окончательного разгрома фашистских войск. А вам придется принять в этом самое активное участие. И чтобы успешнее выполнять эти задачи, вам нужно остаться в Москве, изучить опыт наших наступлений под Ельней, Москвой, Сталинградом, — так сказали ему в Генеральном штабе.

В декабре 1943 года Петр Михайлович получил новое назначение — возглавить командование 15-й гвардейской дивизией.

Нелегкими фронтовыми дорогами вел своих гвардейцев генерал П. М. Чирков по земле Украины. Они освобождали от оккупантов Запорожье, Днепропетровск, Кривой Рог, с упорством пробивались через вражеские укрепления у Раздельной, бились на полях Молдавии. А сколько форсировали рек? Северный Донец, Днепр, Ингулец, Южный Буг, Днестр. Потом наступила очередь с боями переправляться через Вислу, Одер, Нейсе, Шпрее, дважды преодолевали Эльбу, где в районе города Риза встретились с американскими войсками.

Но не закончился на этом поход гвардейцев дивизии генерала П. М. Чиркова. Они ускоренным маршем двинулись на выручку восставшему населению чехословацкой столицы — Праги. И здесь 15-я гвардейская дивизия получила наименование Пражской.

Отгремели бои. В строю защитников Родины продолжал находиться Петр Михайлович Чирков. Он командовал дивизиями, был помощником командующего одного из военных округов.

Гвардии генерал-лейтенант и сейчас остается в строю. Он ведет большую военно-патриотическую работу, часто бывает на предприятиях, в учебных заведениях, навещается к своим землякам — трудящимся Октябрьского района Пермской области, ведет с ними переписку.

М. Сергеев

НА КРЫЛЬЯХ МУЖЕСТВА

☆☆☆

Геннадий Алексеевич Шадрин родился в 1922 году в городе Кизеле Пермской области. Член КПСС с 1943 года.

В Великой Отечественной войне он принимал участие с августа 1942 года. Воевал на Закавказском, Северо-Кавказском, 4, 1-м и 3-м Украинских фронтах. Сначала был летчиком, затем командиром звена, эскадрильи 117-го гвардейского Станиславского Краснознаменного авиационного истребительного полка.

За успешное выполнение боевых заданий командования Г. А. Шадрину в 1945 году присвоили звание Героя Советского Союза. Он награжден двумя орденами Ленина, пятью — Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями.

Звание генерал-майора ему присвоено в 1968 году.

Г. А. Шадрин продолжает службу в Советской Армии.

☆☆☆

Пошел не по-летнему мелкий, назойливый дождь. Стоял конец августа. Геннадий Шадрин посадил свой истребитель и завернул на стоянку. Он только что совершил на нем полет, во время которого вводил машину в разные развороты, делал «петлю Нестерова», резко бросал машину в штопор. Истребитель вел себя безукоризненно. И теперь вместе с авиамехаником летчик тщательно осматривал крепления, состояние плоскостей, тяг, хвостовое оперение.

Прошло немало дней, как Шадрин с направлением из летного училища прибыл в истребительный полк. Его но-

вые друзья рассказывали ему о первых воздушных боях с вражескими самолетами, о том, как сами летают на разведку и штурмуют колонны и позиции неприятеля.

Молодой летчик не успел завершить осмотр машины, как его вызвали в штаб.

Командир полка сразу же дал задание:

— Полетите на разведку. Нужно определить, какие силы фашистов движутся к побережью.

Вместе с командиром Геннадий Шадрин наметил маршрут полета.

Минут десять спустя молодой летчик поднял машину в воздух. Дождь усилился, горные хребты стало еще больше заволакивать серой облачной кисеей. А лететь следовало над вершинами — так был проложен маршрут. Но при такой погоде, следуя по маршруту, можно врезаться в скалу. Как быть? Геннадий тут же принял решение — лететь по ущельям. Это безопаснее, и лучше просматривалось то, что происходит на земле.

Так он и сделал. Вот уже передний край отчетливо вырисовывается по разрывам снарядов.

Теперь влево. Появилось шоссе, которое вело к Черному морю. Пока оно было пустынно. Ничего подозрительного не замечалось и в прилегающих к нему перелесках. Но вот на шоссе показались одинокие автомашины. Затем небольшая колонна. За ней двадцать грузовиков с солдатами. Километра через полтора двигалась еще одна автоколонна. В ней Геннадий Шадрин насчитал уже более шестидесяти машин с солдатами. Тут были и небольшие горные орудия, десятка два минометов. Фашисты двигались к переднему краю, до которого оставалось километров пятнадцать-двадцать.

«Ясно, подбрасывают подкрепление», — решил летчик. Он поднял машину еще выше, долетел до переднего края — вражеских машин больше не было.

Геннадий повернул на свой аэродром и через двадцать минут доложил командиру о результатах разведки.

— Отлично, — сказал командир полка и тут же сообщил в штаб 46-й армии о появившейся колонне пехоты и артиллерии противника.

Так 20 августа 1942 года началась фронтовая жизнь уральского комсомольца.

В те дни фашистские войска рвались к Главному Кавказскому хребту, чтобы преодолеть его, выйти к Черному

морю и одновременно своим левым флангом захватить Баку и другие нефтеносные районы нашей страны. Бои становились все ожесточеннее.

Геннадий Шадрин старался с первых же дней своей фронтовой жизни безупречно выполнять каждое боевое задание. Так повелевал ему его воинский долг.

Через несколько дней новое задание — штурмовать и бомбить вражеские позиции. А потом были еще три вылета, когда противник овладел перевалом Клухор и стал продвигаться по его южному склону в долину. Тогда на врага налетели всем полком. Обрушились на него внезапно. Через час повторили штурмовку, затем еще одну. Противник был остановлен.

За эти бои Геннадий Шадрин получил свою первую награду — орден Красного Знамени.

Потом наступили упорные схватки с противником у перевала Санчоро, где наш земляк уничтожал минометы. В районе Туапсе он бомбил пехотные и артиллерийские позиции, фашистский аэродром в Краснодаре, вел разведку в районах станиц Крымская, Молдаванская, прикрывал от фашистской авиации наши военно-морские базы в Туапсе, Геленджике.

За отвагу и умение, проявленные в этих боях, командование вновь отметило молодого летчика — наградило его вторым орденом Красного Знамени.

Когда наши войска развернули наступательные бои за освобождение Новороссийска, Геннадий Шадрин принял в них активное участие.

Особенно запомнился Геннадию Шадрину бой в районе местечка Веселое. Тогда он с пятью другими истребителями прикрывал наступление наших войск. Летели на высоте двух тысяч метров. Впереди показались фашистские самолеты. Их было более тридцати, а наших шесть.

— Принимаем бой. Я и лейтенант Синица идем на бомбардировщиков. Остальным связать боем «мессеров», — приказал Шадрин и врезался в строй «юнкеров». Боевой порядок их сразу же расстроился.

Три вражеских самолета сбил в этом бою Геннадий Шадрин, столько же его товарищи.

За годы войны Геннадий Шадрин совершил 465 боевых вылетов, провел 76 воздушных боев, сбил 14 фашистских самолетов.

Б. Грин

СОЗДАТЕЛЬ СЕМЕЙСТВА АШ

☆ ☆ ☆

Аркадий Дмитриевич Швецов родился в 1892 году в Нижне-сергинском заводе на Урале. Окончил реальное училище в Перми и Высшее техническое училище в Москве. В 1921 году вступил на работу конструктора авиационных двигателей и в дальнейшем стал основателем школы конструкторов авиамоторов воздушного охлаждения.

Выдающиеся заслуги А. Д. Швецова отмечены многими наградами. Он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден пятью орденами Ленина, орденами Суворова 2-й степени и Кутузова 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Четырежды Аркадию Дмитриевичу присуждалась Государственная премия СССР. Он имел ученую степень доктора технических наук и звание Генерального конструктора. Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Генерал-лейтенант инженерно-технической службы А. Д. Швецов умер в 1953 году в Москве и похоронен на Ново-Девичьем кладбище.

☆ ☆ ☆

Михаил Михайлович Громов, кавалер Золотой Звезды Героя под номером восемь, человек, которого называют лучшим летчиком мира, сказал коротко и веско:

— Семейство АШ — одна из ярчайших страниц в истории нашей авиации.

Мы сидели в номере гостиницы «Россия», за окном накрапывал теплый московский дождик, и Громов мысленно унесся в далекие тридцатые годы...

— А ведь я был в Перми! В тридцать шестом году,

когда вышел в люди второй член семейства АШ. Это был шестисоттридцатипятисильный двигатель, который в ту пору назывался М-25. Его и облетывал Чкалов. А за десяток лет до того мне довелось облетать самый первый двигатель этого семейства — стосильный М-11. Надо ли говорить, как важно благословение летчика-испытателя для конструктора, создавшего свой первенец? Я счастлив, что именно мне довелось сыграть эту роль в жизни Аркадия Дмитриевича Швецова.

...По улицам Перми многие годы ходил крепкого сложения высокий человек, с виду хмурый, ушедший в себя, а в действительности радушный, доброжелательный и восторженный. Порою его видели в штатском костюме, порою в генеральском мундире. Этого человека можно было встретить на традиционном симфоническом понедельнике, в художественной галерее, на набережной Камы. Но главная его дорожка вела на моторостроительный завод, где он возглавлял конструкторский коллектив.

Аркадий Дмитриевич Швецов был первым в Перми Героем Социалистического Труда, первым многократным кавалером ордена Ленина, первым доктором технических наук и лауреатом высших премий государства.

Двигатель, который, по свидетельству Громова, облетал Чкалов, был первым конструкторским произведением Швецова на пермской земле.

Лицензионный мотор одной из крупнейших американских авиационных фирм, поступив в его распоряжение, обрел второе лицо и, став нашим, советским, мотором, повел ввысь боевые и гражданские самолеты. На одном из истребителей Николая Николаевича Поликарпова с этим двигателем летчик Владимир Коккинаки установил мировой рекорд высоты полета.

Сейчас это уже далекая история, а тогда, в середине тридцатых годов, неброский девятицилиндровый двигатель со звездообразно, в один ряд, расположенными цилиндрами, казалось, совершил чудо. Бессчетной чередой пошли с конвейера моторы Швецова.

У конструктора были все основания радоваться: советская авиация получила неплохой двигатель, а сам он — высшую правительственную награду. Но нет, полное удовлетворение так и не пришло, потому что, если даже несколько штрихов положено чужой рукой, художник

не скажет, что сам создал картину. Не то же ли испытывал конструктор, имевший дело с лицензионным мотором? Верно, «американец» крепко преобразился, но нельзя было сказать, что он никогда не существовал.

В недрах этой неудовлетворенности, споря с привычными представлениями и преодолевая их, то и дело ослепляя сверкающим краешком идеи, рождался блистательный своей смелостью новый конструкторский замысел. Аркадий Дмитриевич задумал создать не однорядную, а двухрядную звезду.

Конструктор не сразу осуществил свою мысль. Он шел к этому постепенно, отбрасывая неприемлемые варианты, временами спотыкаясь, и так до той поры, пока не осознал, что двигатель, хотя и в чертежах, уже состоялся. В начале 1939 года на совещании по вопросам авиационной промышленности, которое проходило в Кремле с участием членов Политбюро ЦК партии, Аркадий Дмитриевич Швецов докладывал о двухрядной звезде. Он говорил, что новый двигатель будет четырнадцатилиндровым. Размещенные по лучам двух одинаковых звезд, цилиндры задней звезды вписываются в интервалы между цилиндрами передней звезды. Тем самым обеспечивается равномерное воздушное охлаждение. В короткоходовом варианте конструктор решил уменьшить лобовую площадь двигателя и для этого снизить высоту цилиндров. Чтобы не пострадала мощность, он задумал увеличить подачу топлива в цилиндры, повысив таким образом число оборотов.

Новая конструкторская идея Швецова открывала замечательные перспективы. Такой двигатель позволял выбрать наилучшие формы фюзеляжа, то есть решительно уменьшить лобовое сопротивление самолета. А это значит, повысить скорости!

То, над чем бились в конструкторских центрах многих стран мира, в одном из вариантов было решено в Перми. Новый двигатель должен был развить мощность до 1700 лошадиных сил. Это была весомая заявка на большие высоты. Двигатель получил марку М-82 и за месяц до начала Великой Отечественной войны прошел испытания.

Уже грохотал фронт от Балтийского до Черного моря, когда двухрядной звездой Швецова заинтересовался Андрей Николаевич Туполев. Он создал двухмоторный

бомбардировщик с двигателями водяного охлаждения, но как только появился М-82, Туполев заменил им старую силовую установку. Скоростной бомбардировщик был принят на вооружение и стал участвовать в выполнении планов Советского командования.

Вскоре Швецов узнал о замысле ученика Туполева Владимира Михайловича Петлякова. Он решил модифицировать скоростной четырехмоторный бомбардировщик, созданный некогда на основе одного из туполевских самолетов. Петляков хотел повысить скорость и увеличить дальность полета, для чего собирался поставить на свою машину двухрядную звезду. Эту идею осуществили товарищи Петлякова после его гибели. Пе-8 был принят на вооружение штурмовой авиации.

Все новые конструкторы самолетов обращались к двигателю Швецова. Вот и авиаконструктор Семен Алексеевич Лавочкин представил на государственные испытания истребитель Ла-5 с двухрядной звездой. Лавочкин выбрал модифицированный вариант двигателя, который шел под маркой М-82А. Во время испытаний машина показала себя превосходно: высокая скорость, хороший вертикальный маневр — вот что отличало новый истребитель. Звездообразный двигатель был менее других уязвим от пулевых и осколочных попаданий и весьма основательно прикрывал летчика.

На новом истребителе летчики смело шли в лобовые атаки. Своими скоростными данными он превосходил немецкий серийный Ме-109Г почти на 50 километров в час. Фашистские «мессеры» не выдерживали схватки с быстрыми Ла-5.

Лавочкин хорошо видел, что двухрядная звезда Швецова редким образом слилась с его истребителем. Поэтому он избрал ее и для своей новой машины. Правда, двигатель М-82ФН, который к этому времени создал Аркадий Дмитриевич, во многом отличался от своих предшественников.

Новый пермский мотор, построенный на основе двухрядной звезды, оказался мощнее. Нет, он не увеличился в габаритах, они остались прежними. Это было необходимо для его скорейшего внедрения в серийное производство; не требовалась и коренная переделка самолета. С виду очень похожий на прежние моторы, новый двигатель отличался в самом главном. Он не имел карбюра-

тора, вместо него была установлена аппаратура непосредственного впрыска горючего в цилиндры. Одновременно конструктор улучшил системы всасывания и охлаждения головок цилиндров, повысил надежность важнейших элементов. Это обусловило высокую мощность — 1850 лошадиных сил, что превосходило все прежние моторы Швецова.

Так получил фронтовую прописку замечательный советский истребитель Ла-5ФН.

В 1944 году Аркадий Дмитриевич был награжден орденом Суворова, и ему присвоили звание генерал-майора. Эта весть застала его в подмосковных Подлипках, в доме отдыха работников авиапрома, где за все время войны он провел несколько спокойных недель.

Если бы ему, человеку никоим образом не военному, когда-нибудь сказали, что он станет генералом и будет награжден полководческим орденом, он счел бы это за неудачную шутку. Судьба не раз намеревалась облачить его в шинель, но все что-нибудь да мешало. Когда началась первая мировая война, двадцатидвухлетний Швецов работал на заводе «Динамо», который обслуживал армию, и это освобождало его от призыва. Не пришлось ему побывать и на гражданской войне — в тылу техник-конструктор был нужнее. Его с радостью зачислили бы в Военно-воздушную академию, где он руководил дипломным проектированием, но в нем восстал конструктор, опасавшийся потерять возможность творчества.

И вот Швецов стал генералом!

Двигатели Швецова официально «оформились» в семейство АШ после того, как он стал Генеральным конструктором и созданные им моторы получили его имя. Это семейство в полном смысле «многодетное»: АШ-11, АШ-25, АШ-62, АШ-63, АШ-82, АШ-82ФН, АШ-73ТК, АШ-2... Последний был уже четырехрядной звездой и имел мощность 4500 лошадиных сил. В сорок пять раз сильнее первенца знаменитого семейства!

По сей день служат людям самолеты с двигателями Швецова: Ли-2, Ан-2, Ил-14... Конечно, в век реактивной техники не они определяют лицо нашей авиации, не за горами время, когда их совсем не останется в небе. Но и тогда люди будут помнить и чтить выдающегося советского конструктора Аркадия Дмитриевича Швецова — творца знаменитого семейства АШ.

М. Колпаков

ПИЛОТ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Дмитриевич Ширинкин родился в 1896 году в городе Нытве Пермской области в семье кузнеца. Семнадцатилетним юношей он уехал в Петроград и поступил в авиационную школу, стал летчиком, принимал участие в первой мировой войне.

После Октябрьской революции А. Д. Ширинкин добровольцем вступил в Красную Армию, воевал на фронтах гражданской войны. В 1918 году он вступил в Российскую Коммунистическую партию.

А. Д. Ширинкин был одним из организаторов советской военной авиации. За годы гражданской войны он провел 270 воздушных боев и сбил 18 самолетов противника.

А. Д. Ширинкин был награжден двумя орденами Красного Знамени, именованным золотым оружием.

Умер он в 1938 году в Москве.

Среди многих героев гражданской войны советские люди с любовью и уважением называют имя нашего земляка комдива Алексея Дмитриевича Ширинкина.

Чем же прославился он? Какие подвиги совершил? Какую жизнь прожил?

В семье нытвенского кузнеца Дмитрия Ширинкина было семь ребятшек. А тут еще появился восьмой — сын Алешка. Отец хоть и неграмотный был, а своим ребятам старался дать какое-то образование. Определили Алешу в четырехклассное городское училище, затем — в Оханское реальное. Но вскоре началась война. Об учебе нечего было и думать. Тогда старший брат Па-

вел вызвал Алексея к себе в Петроград. Ему удалось с немалым трудом устроить младшего братишку в воздухоплавательную школу Всероссийского императорского аэроклуба. С большим желанием Алексей стал учиться летному делу, новому и необычному в то время.

Весной 1915 года 18-летний Алексей окончил школу и стал летчиком 7-го истребительного отряда. В боях он заслужил славу умелого и находчивого летчика и за свои подвиги был награжден боевыми наградами.

Совершилась Октябрьская революция, и почти сразу же началась гражданская война. В те дни многие летчики перешли на сторону восставшего народа. Ушел добровольцем в Красную Армию и Алексей Ширинкин. В газете «Пролетарское знамя» № 2 (ноябрь 1917 года) был помещен его портрет, под которым стояла подпись: «Краснофлот А. Ширинкин первым из летчиков поднялся в воздух с красным знаменем на борту самолета».

А. Д. Ширинкин отважно воевал в годы гражданской войны. Он был не только выдающимся летчиком, но и прирожденным командиром, воспитателем летчиков. Эти его качества были замечены командованием, и он был назначен командиром 7-го истребительного отряда, затем командиром дивизиона, состоявшего из восьми авиационных отрядов. Почти триста воздушных боев провел наш земляк против белогвардейских летчиков, сбил восемнадцать самолетов. Он был первым командующим Красной воздушной эскадры, родоначальницы современного воздушного флота Советской Армии. О его подвигах Демьян Бедный написал следующие слова:

Это наш Красный Орел летит в небесах
И бьет врага беспощадно...

Известный советский летчик Б. Н. Кудрин хорошо знал Алексея Ширинкина. Вместе с ним и под его командованием он воевал в гражданскую войну. Вот что он рассказывает:

— Очень хорошо помню, как 24 сентября 1919 года над городом Двинском Ширинкин принял бой сразу с тремя неприятельскими самолетами и своими изумительно верными, быстрыми и смелыми маневрами, включая лобовую атаку, сбил два вражеских самолета, а третьего принудил приземлиться на нашей территории.

Окончилась гражданская война. Началось восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Создавалась новая индустрия, новые виды промышленности, в том числе и авиационная.

Алексей Ширинкин в эти годы обучал молодых пилотов сложному авиационному делу, передавал им свой богатый опыт, накопленный за период двух войн. Он учил пилотов побеждать врага в любых условиях...

В 1930—1931 годах А. Д. Ширинкин был на военно-дипломатической работе, а через год — новое назначение: испытывать новые типы самолетов, которые начала выпускать наша молодая авиационная промышленность. Авиаконструкторы А. Туполев, А. Яковлев, С. Ильюшин и другие доверяли ему испытание самолетов своих конструкций. Комдив А. Д. Ширинкин вырастил и воспитал немало замечательных летчиков-истребителей и испытателей, и они с большой благодарностью и теплотой вспоминают своего учителя.

Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР Марк Галлай в своей книге «Через невидимые барьеры» пишет об этом:

«Легендарный герой гражданской войны Алексей Дмитриевич Ширинкин являлся первым советским асом — подлинным рыцарем русского неба... Герои воздушных боев в годы Великой Отечественной войны были прямыми наследниками боевой славы первого Красного Орла Алексея Ширинкина, имевшие, правда, перед ним то преимущество, что воевали они на современных, вполне исправных самолетах».

Светлое имя талантливого авиатора Алексея Ширинкина достойно увековечено. В Нытве есть улица, которая носит имя Алексея Ширинкина. Его имя присвоено нытвенской средней школе № 2, в фойе которой установлен его бюст, организована фотовыставка о его жизни и героических подвигах, пионерская дружина навечно зачислила отважного летчика в почетные пионеры. Имеются экспозиции об А. Д. Ширинкине в музеях Москвы, Ленинграда, Харькова, Перми и Нытвы.

Содержание

И. Кондауров. Славные сыны Прикамья	3
И. Мялицын. Из боя — в бессмертие (о В. М. Алексееве)	8
М. Мальшуков. На фронтовом опыте (об А. М. Баталове)	13
Н. Ефимов. Соратник Блюхера (о С. Н. Богомягове)	18
К. Латохин. Талант пропагандиста (о К. С. Бочкареве)	23
А. Дидык. Дороги мужания (о В. П. Брюхове)	28
Н. Коскова. Служил беззаветно (о В. А. Бурмасове)	32
Н. Филиппов. И слово — оружие (об А. Н. Быкове)	39
М. Колпаков. Верный сын Родины (о Н. М. Быстрых)	45
Б. Грин. Большая жизнь (об А. И. Быховском)	50
А. Ломаев. Дважды через Сиваш (о П. М. Волосатых)	58
И. Кондауров. В ответе за все (о В. Н. Глазунове)	62
А. Ожегов. По вражеским тылам. (о В. С. Головском)	68
С. Мокроусов. Сын чапаевца (об А. Ф. Гребневеве)	74
С. Мокроусов. Главный интендант (о П. И. Драчевеве)	80
С. Мокроусов. На службе штабной (об Е. К. Дурбажеве)	85
Н. Максаров. Талант военного инженера (о В. Ф. Елисеевеве)	89
Н. Сумской. Призван комсомолом (об А. П. Заякине)	93
В. Голованов. На забайкальских рубежах (об А. И. Зудове)	98
П. Ефимов. На главных направлениях (о Л. П. Казакове)	103
Н. Сумской. Стражи фронтового неба (об И. Г. Каменском)	109
Л. Аристова. Через три войны (об И. М. Караваевеве)	113
С. Мокроусов, И. Русакова. На боевом посту (об И. Е. Коллегове)	118
А. Шарипов. Воин, ученый, патриот (о Н. В. Крисановеве)	126
Г. Грабченко. Он вел к победе (о В. И. Кузнецовеве)	131
Г. Белов. И на Тихом океане (о В. А. Лядовеве)	137
А. Вайман. Член Реввоенсовета (о К. А. Мехоношине)	141
В. Варзаков. Первый отпор (о Г. Н. Микушевеве)	146
А. Инчин. Слово о товарище (о М. И. Наумовеве)	155
С. Мокроусов. В боях и походах (о М. М. Новиковеве)	165
Н. Мельников. Небо — на всю жизнь (о М. П. Одинцовеве)	171

С. Иванов. Комиссар в девятнадцать лет (о В. И. Польшгалове)	177
М. Сергеев. Хозяин артиллерийского огня (о В. А. Порозове)	180
М. Колпаков, С. Мокроусов. Этапы большого пути (о К. В. Проворове)	187
С. Мокроусов. Ровесник Октября (о К. Т. Серине)	191
М. Сергеев. Призвание — небо (о Г. Ф. Сивкове)	196
К. Латохин. Богатырский размах (об А. Г. Солдатове)	200
О. Селянкин. Герой океанских глубин (о В. Г. Старикове)	206
В. Иванова. Служение (о Г. А. Субботине)	217
Н. Тиунов. За народное дело (о Л. Я. Угрюмове)	223
М. Колпаков. Испытатель реактивных самолетов (об А. И. Фукалове)	226
В. Гоголюк. По законам инженерного искусства (об А. Ф. Хренове)	229
Э. Сычева. В памяти людской (об А. В. Цырулеве)	239
С. Мокроусов. На службе Родине (о П. М. Чиркове)	245
М. Сергеев. На крыльях мужества (о Г. А. Шадрине)	250
Б. Грин. Создатель семейства АШ (об А. Д. Швецове)	253
М. Колпаков. Пилот революции (об А. Д. Ширинкине)	258

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

Составители — Герой Советского
Союза доктор исторических наук
И. А. Кондауров, майор в отставке
С. И. Мокроусов.

Зав. редакцией **А. Шистеров**. Редактор
И. Ежиков. Художник **Е. Нестеров**. Худо-
жественный редактор **М. Курушин**. Тех-
нический редактор **Т. Дольская**. Коррек-
торы **Л. Рубцова**, **Л. Крамаренко**.

ИБ № 233

Сдано в набор 28.XI.1977 г. Подписано
в печать 10.II.1978 г. Бум. типогр. № 2.
Формат 84×108¹/₃₂ Бум. л. 4,125; печ. л. 8,25;
усл. печ. л. 13,86; уч.-изд. л. 13,102. Темплан
1978 г. Изд. № 11. ЛБ06019. Тираж 20000 экз.
Цена 55 коп. Пермское книжное издатель-
ство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
Книжная типография № 2 управления из-
дательств, полиграфии и книжной торговли.
614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.
Зак. 1412.

В93 **Высокое звание.** Сборник. Пермь. Кн. изд-во, 1978.
260 с.

В книге собраны очерки о генералах и адмиралах, родившихся или долгое время служивших на Западном Урале.

В $\frac{20904-24}{M152(03)-78}$ 11-78

355с